

Колосёр

9

СЕНТЯБРЬ
1966

Фотоэтиюд Л. Полякова

Костёр
9

СЕНТЯБРЬ

1966

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации
им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Вызываю вас на дуэль

беседа А. БЕЛЯКОВОЙ 2

Король, королева и Генка

рассказ О. ТИХОМИРОВА 5

На моторке по Рыбинскому морю

путевые заметки Л. ГАЕВСКОГО 12

Я пишу тебе, отец...

рассказ М. ВАРНЕНСКОЙ 15

Короткое детство

повесть В. КУРОЧКИНА 17

Изуродованный спорт

очерк Ю. КОРШАКА 34

Клуб Жана Паганеля 36

Будущее дирижабля

очерк В. ИНФАНТЬЕВА 39

Клуб „Юность“ 42

Эскимо и заяц

рассказ В. РАЗУМНЕВИЧА 44

Твоя форма

заметка М. МАМЕДОВА 46

Почта КОСТИ ТЕРКИНА 47

Мудрец из Рустави

к 800-летию со дня рождения Шота Руставели 48

Стол загадок 49

Путешествия КОСТИ ТЕРКИНА в веках

обзор книг 49

Художник, которого не было

очерк Г. ПЕТРОВА 50

Что? Где? Когда? Почему? 53

Остров Дельфинов

научно-фантастическая повесть АРТУРА КЛАРКА 55

Школа „Спринт“ 60

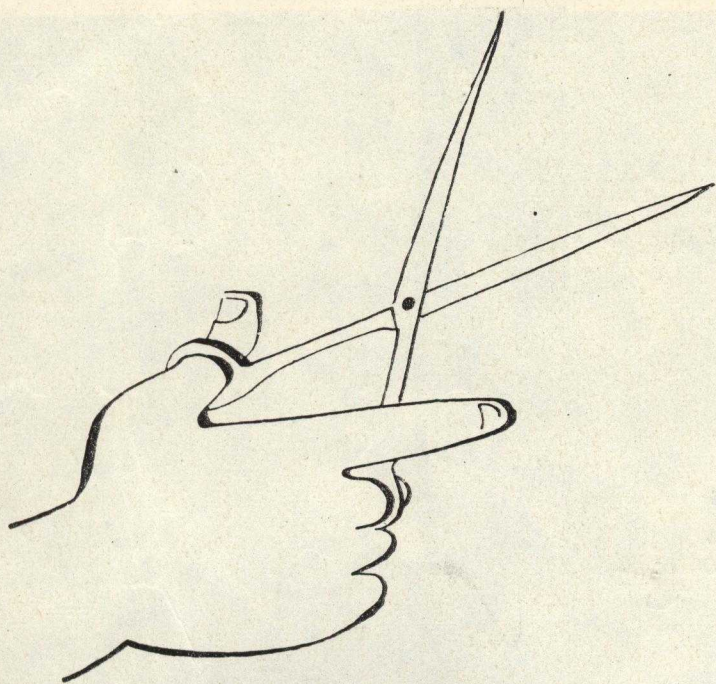
Уголёк

журнал для малышей 61

Наша творческая мастерская 63

ВЬЕТНАМ БОРЕТСЯ.
Смелый артиллерист Фунг Ван Мой.

ВЫЗЫВАЮ ВАС НА ДУЭЛЬ

А. Белякова

Рисунки Ю. Шабанова

В одном из ленинградских интернатов проходил «суд чести». Выбрали судей — самых справедливых ребят из каждого класса. А председателем суда, то есть «Справедливейшим», назначили восьмиклассника Олега. Его все уважали: учиться хорошо, почти все книжки в библиотеке перечитал, политинформации лучше всех делает. К тому же заведует Ленинским залом.

Кого судили? Тех, кто особенно сильно провинился перед коллективом. Среди «подсудимых» оказалась и второклассница Люда. Люда брала чужие вещи. Брала без спросу и без особой нужды. То ленточку возьмет из тумбочки, то варешки. Конфеты таскала, другие сладости. А то и деньги. Ну, какие там деньги у интернатских ребят — копеек пятнадцать на мороженое! Но и копейка — тоже деньги.

Все на Люду обижались, говорили с ней и ребята и воспитатели. Сегодня Люда скажет «больше не буду», а завтра снова...

Тогда и решили испробовать самое сильное средство — «суд чести». Это не шутка — держать ответ при всем интернате!

Выслушали судьи про Люду. Возмутились. Ушли совет держать. Вернулись и вынесли приговор: Люду... остричь.

Вы спросите: как это — остричь? Так, очень просто: остричь, и все тут. Взять обыкновенные ножницы и при всех — чик-чик!

Судьи были довольны: здорово придумали! Такого наказания еще не знали в интернате. А будущим поколениям какой урок!

Только одна из судей — пионерка Галя — была против.

— Так нельзя, ребята! Она же маленькая! Нельзя ее стричь! Надо по-другому!..

Галю спросили:

— Как по-другому? Что ты предлагаешь? Она же ворует!

Но Галя не знала как. Не знала и замолчала.

Привести приговор в исполнение поручили «Справедливейшему» Олегу.

*По сигналу
пионерской
тревоги*

Люда заплакала, съежилась. Олег сурово выполнял пионерское поручение. Зрители и судьи спокойно смотрели на стрижку.

Сотня пионеров наблюдала, как большой парень, уже комсомолец, деловито выполнял свои парикмахерские обязанности, не обращая внимания на слезы второклассницы, которая была ему чуть выше пояса. И не нашлось среди них ни одного, кто бы вскочил с места и крикнул Олегу:

— Как ты можешь! Убери руки!

...С головой, выстриженной лесенкой, Люда ушла с «суда чести». На следующий день кто-то повесил ей на шею плакат: «Осторожно, воришка!» Люда отказалась жить в интернате. Ребята пожимали плечами: «Вот еще, обиделась... Сама же виновата». Только спустя месяц некоторые поняли: «Боролись за справедливость, а к чему пришли...»

Сами судьи долго не сдавали позиций. Они считали себя правыми. А что особенного? Ну, остригли. Была виновата? Была. Надо наказывать? Надо. И ведь стрижка — это же не больно. Вот если бы побили...

— Да, между прочим, в самом деле, почему не побили?

— Вы что? У нас советская школа, розги запрещены!

Так-то оно так, все верно, «суд чести» законы знает. И однако почему-то хочется согласиться с теми девочками, которые признали потом: «Лучше бы побили, чем остригли...»

Почему?

Не потому ли, что степень унижения не измеряется только силой физической боли?

Не потому ли, что наказывать за воровство нужно, а унижать человеческое достоинство нельзя?

«Судьи» говорили в свое оправдание и такие слова: «Это же была крайняя мера! Мы уже все испробовали!»

Все? Ну-ка, давайте разберемся. Ведь как часто в отрядах говорят: «Ничего не помогает. Все средства исчерпаны».

Вернемся к остриженной второкласснице Люде. В конце концов выяснилось, что она брала чужие вещи не столько по собственной прихоти, сколько по наущению группы мальчишек, которые ее запугивали. Знали «справедливые» об этом? Нет, не знали.

А дома у Люды бывали? Знали, как она живет, чем занимается?

Нет? А говорят, все испробовали...

— Вот это да, — скажете вы. — Значит, судьи-то не разобрались...

Постойте, не спешите возмущаться. Ну, а если бы этих смягчающих обстоятельств не было? Если бы Люда брала чужое не из страха перед мальчишками, а по собственной охоте? Тогда что: ее стоило бы остричь?!

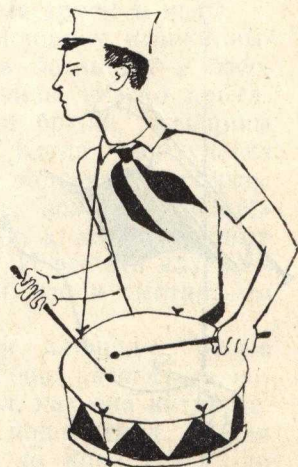
Да, воровство несовместимо с честью и достоинством. Но «суд чести» — раз уж он появился в коллективе — должен поднимать человека из болота, в которое тот попал, а не заталкивать его туда еще глубже. Должен пробудить в нем достоинство, а не унижать его еще больше. Иначе из «суда чести» он превратится в «суд бесчестия».

Что же такое честь, достоинство? Издавна в народе говорится: «Честь головою оберегают». За свое достоинство люди в разные времена в разных странах шли на поединки, под пули, на смерть.

В Освенциме, в этом страшном лагере смерти, родилось такое выражение: «Опереться на собственное достоинство». Опереться на достоинство? Разве это посох? Или дружеское плечо?

Вот что это значит: люди старались все время помнить, что они люди, а не животные, старались гордо держать голову, не опускать ее вниз. А фашисты хотели голодом, пытками, страхом смерти лишить людей достоинства и превратить их в послушное стадо.

Когда героическая республиканская Испания сражалась против фашистов, на весь мир стали известны слова-клятва «Лучше умереть

стоя, чем жить на коленях». Их сказала Долорес Ибаррури, тогда еще совсем молодая, но такая же смелая и гордая, как сейчас.

Вдумайтесь в эти слова. Жить на коленях — это значит сносить любые унижения, рабство и бесчестие. И жить... Но как? Недостойно человека! И республиканцы боролись за свободу с оружием в руках.

Может быть, вам покажется, что здесь говорится о каких-то особенных людях. И о таких обстоятельствах, которые не с каждым случаются. И уж во всяком случае все это касается людей взрослых.

Вспомним пионерку Гаю, единственную, в ком проснулась тревога за человеческое достоинство, когда был вынесен знаменитый приговор. Галя была против, но сдалась, не стала протестовать, смирилась с унижением... другого человека. Смирилась. Хотя ведь чувствовала, что это как-то не по-нашему выходит, не по-пионерски.

А что, если бы этот приговор касался самой Гали, которая не во втором учится, а, скажем, в седьмом? Она бы показала этому Олегу, где раки зимуют! Попробуй, тронь!

Вы скажете: «А у нас не так. Нашего только задень — мы сразу заступимся. Так дадим...»

Выходит, драка лучшее средство? Что же получается: ни в кузов, ни из кузова! И защитником надо быть, и драться нехорошо...

Вот еще одна история.

...Ребята из пионерского штаба заметили, что их подруга Юля часто приходит заплаканная. Не смеется, как бывало. И подолгу молча смотрит в одну точку.

— Что с тобой, Юля?

Она пожмет плечами.

— Ничего. Просто так.

Ну, не говорит, не надо. Что же, в душу лезть? Может, она влюбилась. Бывает ведь в седьмом классе!

Только самой близкой подруге рассказала Юля о своей беде. Живет у них в квартире сосед. Хулиган и пьяница. Как пьяный приходит домой, начинает оскорблять Юлю и ее маму. А что с ним сделаешь? Свидетелей нет. А он откажется потом, и все.

— Только ты не рассказывай об этом ребятам, — попросила Юля. — Не хочу, чтобы меня жалели. А помочь вы все равно не сможете...

Подруга поахала, посочувствовала и ничего никому не сказала. А Юля по-прежнему невеселая ходит. Тогда уж ребята к подруге пристали: «Говори начистоту, что с Юлей!»

Та, наконец, рассказала.

Мальчишки сразу предложили план: надо пойти, подкараулить соседа и вчетвером устроить ему «темную» без свидетелей. Но в конце концов решили по-другому.

...Секретарь райкома партии выслушал ребят внимательно, хотя и перебивали они друг друга, рассказывая подробности Юлиной жизни.

— Знаете, Юля какая!

— А мама у нее учительница!

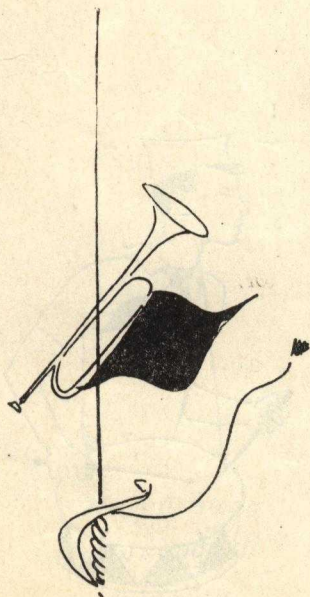
— Да как он смеет их обзывать по-всякому!..

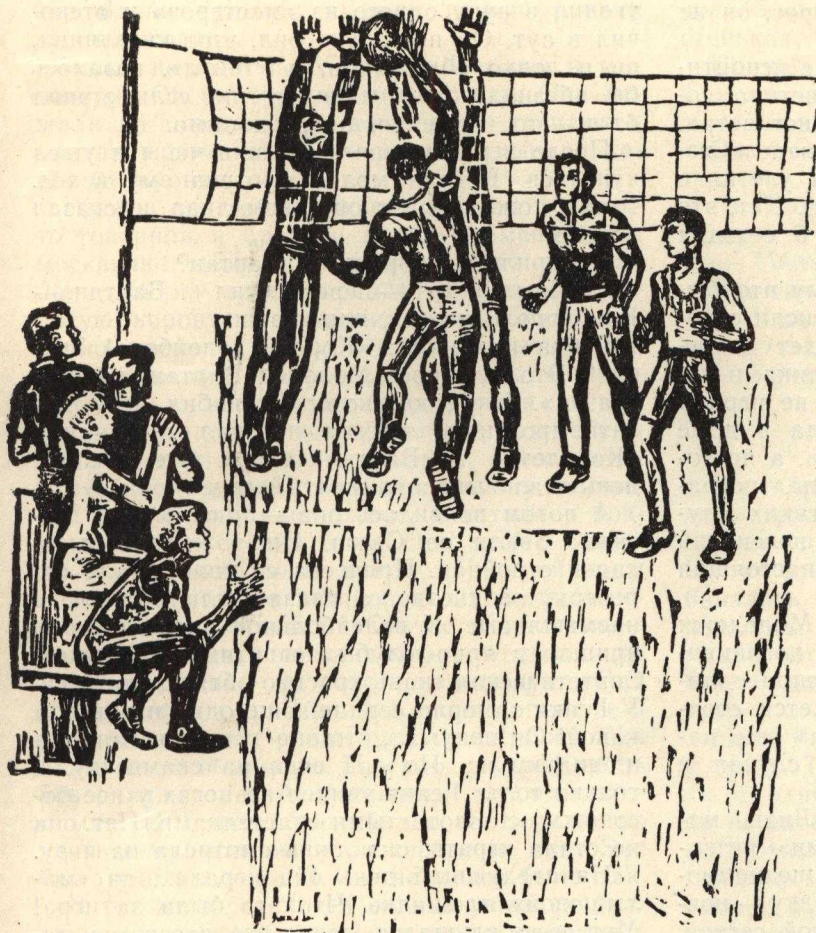
Хулиган получил по заслугам. Юля больше не плакала.

Вот вам и борьба за достоинство товарища. Конечно, это тоже не рецепт на все случаи жизни, а только один пример. Но, кто хочет, тот добьется справедливости.

Истинно благородный человек тем и отличается от себялюбца, что оскорбление, нанесенное другому, он всегда воспримет как личное оскорбление. При нем не посмеют кого-нибудь обидеть или унижить.

...Когда-то бросали в лицо перчатку и выхватывали из ножен шпагу, вызывая на поединок. Времена мушкетеров прошли. Но во все времена самыми достойными будут те люди, которые скажут любой несправедливости: «Вызываю вас на дуэль!» И пойдут на бой.

Король, королева и Генка

РАССКАЗ

Олег Тихомиров

Рисунки А. Овсянникова

На волейбольной площадке никого не было. Генка пришел сюда слишком рано. Но занятие ему нашлось. Он вынул из ящика банку с разведенным мелом, небольшую кисть и, согнувшись, стал подновлять стертые и затоптанные линии.

Над головой застрекотал вертолет. «На Сухуми пошел,—подумал Генка и недовольно посмотрел на тень вертолета, которая, подсакивая, бежала по горным склонам. — Значит, только четыре. Ждать еще целый час». И Генка снова принялся выводить неширокую белую линию.

Волейбольная площадка была возле самого моря. Если глядеть на игру издали, от шоссеиной дороги, казалось, мяч выпрыгивал прямо из морских глубин и, что-то высмотрев

на берегу, вновь спешил нырнуть в воду.

Игра начиналась с пяти часов—как только дом отдыха пробуждался от послеобеденной дремы, а солнце уходило за густые серо-зеленые кроны трех огромных платанов.

К этому времени Генка уже всегда был на площадке. Генкина мать—она работала официанткой в доме отдыха—часто жаловалась на сына: «Мой-то опять там. Все болеет. Вот больной-то. Вправду тронулся волейболом этим».

И она была права. Генку не принимали в команду. Здесь играли только взрослые—те, которые приезжали сюда из разных далеких городов, и местные, которых все звали «мастерами». А Генка учился в шестом классе. «Ничего,—говорил он себе,—еще годик, ну, два, а там посмотрим».

Он мог встать, конечно, и в команду взрослых—к таким, которые на волейбольную площадку выходят просто так, от скуки. У них была своя площадка. Называлась она почему-то «малышовой». Они бы не выгнали его—эти мазили с «дырявыми руками». Но Генка ни за что не пошел бы к ним.

Он первый презирал бы себя за это. Еще бы! Уже несколько раз он выступал за сборную школы. У него была настоящая форма

— красная майка, белые трусы и кеды.

А на «малышовую» площадку игроки выходили в чем попало—в ботинках, в босоножках, в туфлях. Мужчины нелепо прыгали, а после подтягивали брюки. Женщины пищали и взвизгивали. Когда мяч улетал далеко, все выкрикивали надоевшие остроты: «Автора!» или «Ножками, ножками давай!» За счетом они не следили, а из-за каждого очка спорили и галдели. И все это казалось Генке таким несерьезным, что и смотреть-то на них было противно.

На прогретой солнцем площадке белые линии высыхали быстро. Генка разогнулся, подошел к сетке, попробовал, как она натянута. Потом он разбежался и подпрыгнул, сделав резкий взмах рукой, но до края сетки, до

того места, где упруго натянулся трос, он не достал.

Ну и пусть! Настроение у него не испортилось. Главное — солнце сегодня светило совсем по-летнему. И нет дождя. И нет ветра. Генка вспомнил, как на прошлой неделе из-за ветра не окончили игру. Мяч улетал с одной стороны площадки на другую. Нет, это было бы слишком жестоко, если б сегодня лил дождь или дул ветер.

С утра Генка беспокоился, потому что было пасмурно и на горах лениво повисли серобелые облака. Он боялся, что будет дождь и встречу дома отдыха с пограничниками перенесут на другой день. А с ними не играли уже больше месяца. Летом, когда в доме отдыха собиралось много молодежи, а поэтому были и хорошие волейболисты, пограничники приходили часто. Ради таких случаев культурник Вартан доставал новенький желтый мяч, и тогда начиналась настоящая игра.

Но сейчас уже конец октября. Молодежи стало меньше, погода портилась, и пограничники в дом отдыха не приходили, справедливо считая, что там у них не окажется стоящих соперников. Местные «мастера» еще надевались, но и то изредка, от случая к случаю.

Дни волейбола были сочтены. Лишь малы со своими «дырявыми руками» резвились на «малышовой» площадке. Еще немного, и они заняли бы вот эту площадку — ровную, укатанную, с хорошо натянутой сеткой. И вдруг случилось невероятное.

В доме отдыха появился киевлянин Гриша — высокий парень в синем тренировочном костюме. Тот день Генка не забудет никогда. Перед игрой киевлянин снял часы и протянул Генке: «Подержи пока». Генка взял их и подумал: «Стряхнуть боится. Значит, бьет». Когда киевлянин лишь только вышел на площадку, Генка — даже непонятно почему — почувствовал в нем сильного игрока. Потом киевлянин взял несколько мячей — свободно и красиво, именно так, как и должен был взять их в представлении Генки. Потом киевлянин оказался у сетки. Ему выкинули мяч. Вартан, игравший на другой стороне, крикнул: «Пусть бьет! Нычэво нэ будэт!»

Киевлянин, выпрыгнув над сеткой, ударил. Никто не успел и шевельнуться, а мяч, гулко стукнувшись о площадку, отскочил высоко и победно.

Потом, когда киевлянину опять кинули мяч, Вартан засрал: «Блок!» — и двое «мастеров» прыгнули, выставив над сеткой руки. Но киевлянин ударил расчетливо: мяч с треском

угодил в руку одного из «мастеров» и отскочил в аут. Он не только бил, этот киевлянин, он и ловко обманывал, и «тянул», казалось бы, безнадежные мячи, а уж если ставил блок — то накрепко, непреодолимо.

После игры он взял у Генки часы и ушел купаться. Вартан молча смотрел ему вслед. Генка тоже понимающе помолчал и сказал потом:

— Прилично играет, а, Вартан?

— Прилично?! — переспросил Вартан. — Как король играет, панымаэш.

Генка прикинул: «Король волейбола! Звучит! Это здорово! Молодец Вартан, хорошо сказал». И Генка, который любил всем давать прозвища, тут же прозвал киевлянина «Королем». А Вартан теперь уже каждый день стал выносить желтый мяч.

А потом появилась она — приехала из Москвы. Звали ее Света. Она тоже была высокая и стройная. Прическа ее напоминала перевернутое гнездо, а глаза были веселые и насмешливые. К волейбольной площадке она пришла в ярко-голубых спортивных брючках. Синтетическая ткань красиво обтягивала ноги. У Генки замерло сердце. Еще один игрок! Да какой! Он подумал, что она тут же встанет на площадку и... Но она села на скамеечку, и только тогда Генка увидел на ногах у нее босоножки с золотистыми сплетениями. Нет, она не стала играть, она лишь смотрела на игру.

На следующий день она играла... на «малышовой» площадке. Что это была за игра! Мяч ее не слушался, делал все, что хотел, летал вкривь и вкось.

Но она не смущалась, а лишь удивленно вскрикивала и посмеивалась. И это особенно сердило Генку. Он даже решил не смотреть в ее сторону. А смех ее казался ему притворным и противным. «Чего кривляется?» — думал Генка.

Зато киевлянин Гриша все чаще и чаще поглядывал на «малышовую» площадку, а один раз даже не заметил мяча, который шел прямо на него. После этого случая Генка возненавидел москвичку так же, как и ее смех, ее босоножки и даже голубые эластичные брюки.

Вскоре она, правда, перестала резвиться на «малышовой» площадке и пришла смотреть волейбол сюда, к «мастерам». Она хлопала Королю в ладоши и вскрикивала.

Потом Генка видел их на пляже. После шторма, что был на прошлой неделе, вода в море нагревалась медленно. И хотя день был солнечный, купались немногие. Море чуть дышало, нехотя облизывая мелкие камешки на берегу. На воде то и дело вспыхивали яр-

кие блики — словно ныряли и выныривали кусочки солнца.

Генка не стал подходить к Королю и москвичке. Он смотрел на них издали. Они лежали на поролоновых ковриках — такие всем давали в доме отдыха — и разглядывали какой-то журнал.

Иногда они забывали про журнал и о чем-то говорили и бросали в воду камешки. На москвичке были темные очки, а ее высокая прическа на ярком солнце напоминала золотую корону. Настоящих корон Генка, конечно, не видел. Но они, должно быть, были именно такими. «Король и королева, — подумал Генка, но тут же рассердился на себя. — Ну какая же она королева! Так себе — мазила с дырявыми руками». Москвичка вдруг посмотрела в Генкину сторону, словно его мысли долетели до нее, и встала с коврика. Король встал тоже. Она что-то сказала ему, и они пошли к воде. У самой воды она надела белую резиновую шапочку, и золотая корона исчезла. «Сейчас завизжит», — подумал Генка, вспомнив про холодную воду. Москвичка даже ни разу не взвизгнула. Она плыла легко и красиво. А Король догнал ее и перегнал, но все равно он плавал хуже. Уж Генку-то не обманешь. И верно: вскоре Король повернул назад. А москвичка все плыла и плыла. И Генке было обидно за Короля, но злиться на москвичку он сейчас не мог. Это было удивительно. И тем не менее было так.

В тот же день, когда солнце ушло за платаны и на волейбольной площадке собрались игроки, Генка вдруг увидел, как Король снял часы и передал их москвичке. Не ему, как всегда, не Генке, а ей, москвичке. Этой длинноногой москвичке, этой писклявой москвичке. Ну, ладно... Нет. Разве можно обижаться на Короля?! Он играл, как волшебник. Генка даже не мог и мечтать о такой игре.

Мягко, словно дельфин из воды, выпрыгивал Король над сеткой. Все тут же вскакивали со своих скамеек. Какой-то земляк Короля кричал: «Гриша, зроби!» Резкий, короткий взмах — удар! Гулкий, как выстрел, удар отзывался в Генкином сердце. И игроки на той стороне падали — тоже как от выстрела, — потом медленно поднимались. Виновато. Не глядя друг другу в глаза. Над ними не только смеялись, их и подбадривали тоже: ну разве кто может брать такие мячи.

Генка забыл и про москвичку, и про часы. Он смотрел на Короля. На одного Короля. Только на Короля...

Ну, вот Генка и подновил все линии на

волейбольной площадке. Теперь она была чистенькая, светлая и строгая.

Пришел Вартан. Посмотрел на площадку. Сказал:

— Ты здэлал?

Он мог бы не спрашивать. Неужели не видно?

Но Вартан, не дожидаясь ответа, тут же сказал:

— Маладэц.

Вот так-то лучше. Генка улыбнулся.

— Что, Вартан, врежем сегодня пограничникам?

— Канэчно, врежэм. Какой может быть вопрос?

* * *

На море разыгрался шторм. Уже второй день грязно-желтые волны расшибали свои крутые спины о каменную стену набережной. Их неукротимое упорство пугало. Они разбивались о камни с грохотом и шипеньем, и казалось, что камни больше не выдержат, камни рассыпятся в песок, и тогда волны побегут дальше — крушить деревья, заборы, дома.

Небо было темным. Вершины гор увязали в тучах. То и дело срывался дождь. Его капли с одинаковым безразличием барабанили по плащам прохожих, по мохнатым пальмам, по лужам на волейбольной площадке. Отдыхающие ходили мрачные, не знали, чем заняться, ругали погоду, ругали себя, что приехали на Кавказ в такую позднюю пору. Им не верилось, что вновь вернется тепло и можно будет купаться в море.

Генка не поддавался всеобщей панике, хотя настроение его тоже нельзя было назвать отличным: во-первых, не играли в волейбол, во-вторых, англичанка поставила ему сегодня двойку за модальные глаголы и завтра грозились спросить снова.

Генка заглянул в столовую к матери, поел там в подсобном помещении возле кухни.

— Иди домой, — сказала мать. — Кто за тебя уроки делать будет?

Пробурчав что-то, Генка поднялся.

Дождь. Дождь лил не переставая.

Генка подумал, что отдыхающие сейчас играют в шахматы и карты, режутся в «козла», а желтый мяч валяется в темной кладовке.

В клубе заводили радиолу. Генка вошел в зал и остановился. Там было пусто. Только одна пара танцевала. Король и Света.

Москвичку Генка прозвал Пушистой. Он как-то сидел с ней рядом и смотрел игру. На москвичку он не обращал никакого

внимания. Ну, сидит, хлопает в ладоши. Ну и пусть себе. Лишь когда мяч после пушечного удара Короля подскочил и покатился далеко-далеко — только тогда Генка вдруг, посмотрев в сторону, разглядел вблизи прическу Светы. Он удивился. Ее золотые волосы казались воздушными, невесомыми. Как только они держались в этой высокой красивой прическе? Такие прически он видел на фотографиях за окном парикмахерской и несколько раз в кино. «Пушистая», — подумал он, но тут мяч вновь взлетел над волейбольной площадкой, и Генка позабыл про свою соседку.

Теперь Генка сидел у окна и смотрел, как танцуют Король и москвичка.

Музыка смолкла, Король подошел к радиоле, и опять зазвучала та же самая пластинка.

Генка знал ее. «Ча-а-о, ча-а-о, бамби-но-о...» — выводил вкрадчивый голос, и почему-то делалось грустно. Потом голос звучал все печальнее и печальнее. «Ча-а-о! Ча-а-о!» — кричал он кому-то издалека. И даже становилось жалко этого незнакомого певца.

А Король все танцевал с Пушистой. Вернее, она учила его танцевать. Она говорила: «Ну, слушай музыку! Что ты?» или «И меня слушайся тоже. Тебя ведь с места не сдвинешь».

«Уж молчала бы, — сердито подумал Генка. — Тоже мне — королева нашлась». Было

обидно, что она так разговаривает с Королем.

Генка отвернулся и стал смотреть через окно на море. По нему катились желтые волны, и лишь у самого горизонта вода была синей и даже черной. На днях он услышал случайно, как москвичка говорила Королю: «Ах, море! Для меня оно всегда будет загадкой...»

А для Генки оно не было чем-то особенным. Он давно привык к морю, как привыкают люди, живущие возле железнодорожного полотна, к шуму поездов. Он любил купаться, любил ловить рыбу, и даже любил иногда просто смотреть на море. Лежать, поджаривая живот на горячих камушках, и смотреть. Но Генка не видел в нем ничего загадочного.

И чего это люди все выдумывают про море. Говорят даже, что оно чем-то пахнет. В одной книжке о путешествиях он прочитал: «Соленый морской запах». Чудно! Ведь и соль не пахнет. А в другой книжке было написано, что у моря запах йода. Это тоже ерунда.

Море — оно пахнет морем. И больше ничем.

Генка вышел из клуба.

Море шумело. И лил дождь.

А сквозь шум было слышно, как кто-то кричал издалека: «Ча-а-о... Ча-а-о!.. Бамби-и-но-о-о...»

Это случилось утром в воскресенье.

Генка не верил своим ушам. Как только она могла говорить такое?! Как у нее язык поворачивался?!

Пушистая сказала Королю:

— Гриша, поехали на Рицу.

— Так я ведь записал нас.

— Не понимаю.

— У Вартана записал. Ну, на экскурсию. На послезавтра.

— Вместе со всеми?

— Угу.

Они сидели, откинувшись, на скамейке недалеко от столовой. На этой же скамейке сидел и Генка.

Пушистая сказала:

— Послушай, ну зачем нам Вартан, зачем все? Сами поедem. В десять тридцать автобус. Билеты есть — я узнавала. Возьмем и поедem. Сами поедem. Ну, понимаешь, сами... Смотри, какой день хороший.

«А игра? — хотел крикнуть Генка. — Ты забыл?»

Но Король точно так и спросил:

— А игра?

Сегодня день был особенный. Сегодня впервые дом отдыха должен был играть со спорт-

базой. Спортбаза жила сама по себе. Она ни с кем не играла. Разве лишь иногда с пограничниками. И то «делала» их, как мальчиков. И вдруг... Да нет. Почему же «вдруг»? Просто про команду дома отдыха далеко пошла слава. Все только и говорили, как дом отдыха под сухую «врезал» пограничникам. А это ведь не какая-нибудь там «Чайка» или «Грузия». Пограничники играют здорово — все знают.

— У тебя каждый день игра, — сказала Пушистая. — А если я тебя прошу, так ты... — она смолкла и стала смотреть в море.

— Светик, — сказал Король, — мы же не успеем вернуться.

— Ну и что. Без тебя обойдутся как-нибудь. А такого дня, может, больше и не будет. — И она взяла его за руку. — Поехали, а?

Король встал.

— Пойду поговорю с Вартаном. — И ушел.

Потом они уехали в автобусе.

Простить можно многое. Генка простил Королю часы, простил кривляку-москвичку, простил вчерашнее: Король назвал его вместо Генки Сережкой... Но чтобы так вот сбежать, уехать?! Такое не прощается.

Перед игрой Вартан был мрачный.

— А где Гриша? — спросил его кто-то.

— Уехал. Рука болит, панымаэш. Говорит, нэ могу.

— Уж как-нибудь постарался бы.

Вартан сердито закричал:

— Постарался бы, постарался. Какой ему интэрэс нэ играть? Он тожэ нэ машина, панымаэш.

«Рука, — подумал Генка, — знал бы Вартан».

Спортбазе проиграли.

Ребята были один к одному — высокие, сильные. Они как навалились сразу, как «дали дрозда».

Генка слышал, как один из них сказал другому: «Зря приехали. Я же говорил...»

От обиды у Генки даже в голове застучало — так бывает, если нырнуть и побить под водой камешками, одним по другому.

Перед самым ужином Генка встретился с киевлянином и москвичкой. Они только что приехали.

— Ну как, Сережка, — весело спросил киевлянин, — врезали спортбазе?

— Врезали, — бросил Генка и, не остановившись, пошел дальше. Слово почему-то вырвалось с Вартановым акцентом. Может быть, так было резче, злее...

И опять день был солнечный. Море — синее. Камни — теплые. Это ничего, что они не были такими горячими, как летом. На них тоже

приятно повалиться, хотя они не поджаривают живот и не жгут пятки.

Генка только что выкупался. Он лежал, раскинув руки, и смотрел в горы. Еще недавно они были зелеными, потом пожелтели кое-где, а теперь на них выступили ярко-красные пятна.

Под чьими-то шагами прошуршала галька.

— Дальше идти не нужно. Здесь хорошо. — Это был ее голос, Пушистой.

На своих поролоновых ковриках она и киевлянин разместились неподалеку от Генки. Вначале они хрустели яблоками, а потом Пушистая сказала:

— Красиво как, правда?

Генка покосился краешком глаза. Нет, она показывала не на море — там сегодня не было волн, и оно выглядело сонным, неинтересным — она показывала рукой на горы. Ее золотая корона светилась так, будто в ней спряталось солнце.

Киевлянин ответил:

— Угу. — И вновь захрустел яблоком.

Она сказала:

— Такие горы нравились бы импрессионистам. Они бы их обязательно рисовали.

— Рисовали бы, — согласился киевлянин.

Генка не знал, кто такие импрессионисты. И рисовать он не умел. Но горы ему нравились.

— Их словно обрызгали красками, правда? — не унималась Пушистая. — Нет, ну ты скажи, что красиво, скажи. — И она тихонько стукнула киевлянина в плечо.

— Красиво, — отозвался киевлянин.

«Вот пристала», — подумал Генка. Но потом посмотрел на горы, и ему тоже показалось, что кто-то их обрызгал красками. «Спросить, что ли, ее про импрессионистов?»

Пушистая встала, надела белую шапочку. Золотая корона исчезла.

— Пошли, — торопливо сказала Пушистая.

— Я еще полежу, — ответил киевлянин.

Пушистая пошла одна.

Она проплыла метров десять, изящно выбрасывая из воды руки, потом ловко сняла

шапочку, поправила прическу, и опять засветилась на поверхности моря золотая корона. Пушистая поплыла дальше, но вдруг завертелась на одном месте, а затем повернула назад.

Генка слышал, как она говорила киевлянину, что уронила шапочку. Генка видел, как киевлянин полез в море, нырял несколько раз, фыркал, но, так и не достав шапочки, вернулся и, тяжело дыша, лег на свой коврик.

— Жаль, — проговорила Пушистая.

— Ее не найти, — сказал он, — ничего, новую купим.

Генка плыл, опустив голову в воду. Это не то что плыть с маской. Все выглядит расплывчатым, мутным. Но вода сегодня была очень чистой, и Генка легко отыскал белую шапочку — она лежала на большом камне, поросшем рыжими водорослями.

Ее было хорошо видно, и Генка сразу же догадался, что киевлянин просто не смог достать ее. «Метров семь», — подумал Генка и, набрав побольше воздуха, нырнул.

Он нырял еще и еще. И всякий раз, когда казалось, что до белой шапочки оставался метр, даже, может быть, полметра, Генке сдавливало голову, а в ушах появлялся звон, будто рядом проходила моторная лодка. Тогда какая-то непонятная сила бросала Генку вверх, и он выныривал и жадно хватал воздух ртом.

Над шапочкой снова стайка зеленух, и Генка все время спугивал их — черными стрелками они рассыпались в разные стороны, а потом собирались, будто дразнили Генку или приглашали его поиграть.

В последний раз Генке показалось, что он даже коснулся шапочки, но вынырнул снова с пустыми руками. Нет, наверное, там было не семь метров, а больше.

Пушистая и киевлянин тем временем уже оделись и пошли по пляжу. Она опять показывала рукой на горы. «Опять про импрессионистов», — подумал Генка и нырнул.

Когда стало сдавливать голову и появился звон, Генка понял, что ему никогда не достать этой проклятой резиновой шапочки. Это только ка-

жется, что она под самыми пальцами. Ни ноги ни руки не слушались. Генка чувствовал, как весь он наполнился той самой силой, которая вот-вот вытолкнет его наверх. И все же он дотянулся до шапочки. Он только успел ощутить, что пальцы его схватили резиновый комок: от боли в голове он уже ничего не видел.

К берегу он поплыл не сразу. Он долго не мог отдышаться, лежал на спине, раскинув руки и ноги. Вода чуть покачивала. И было приятно смотреть вверх на мелкие белые облачка, на чаек, на вертолет, уходящий к Адлеру.

Мимо Генки проплыл какой-то мужчина. Сострил:

— Что, ныряльщик, золото искал?

Генка не ответил.

— Медуз сегодня полно, — заметил мужчина и поплыл дальше.

А Генка стал думать, как он отдаст шапочку. Вначале он представил, что просто кинет ее к ногам киевлянина: «Эх, донырнуть не смог! Король, называется...» Киевлянин покраснеет и поднимет шапочку. А Генка повернется и уйдет. А Пушистая посмотрит ему вслед...

И тут Генка почувствовал себя необыкновенно большим и сильным. Даже сильнее киевлянина. На Генку нахлынула бешеная радость, такая радость, что по телу пробежала судорога.

Плыви! Ну плыви же скорее! Плыви!

Пушистую и киевлянина он догнал в самом конце пляжа. Но когда оставалось сделать какие-то последние шаги, Генка совершенно ясно увидел, что все, о чем он только что мечтал, — невыполнимо и нелепо.

«Распетушился, — со злостью подумал Генка, — а нужно не так, нужно по-умному».

«Но как «по-умному»? Как сказать этому парню, кем он был для меня... Как ловил я каждое его слово, каждое движение. А он...»

Пушистая о чем-то говорила киевлянину и помахивала своей цветастой пляжной сумкой. Про шапочку она, видно, давно забыла.

«А я-то, дурак, старался», — подумал Генка и, быстро приблизившись к Пушистой, сказал:

— Возьмите, это ваша.

Она удивленно взяла шапочку.

— Спасибо... Ой, это вы ее нашли?

Вопрос показался Генке бестолковым и обидным. Генка повернулся и зашагал назад.

— Какой-то чудной, — сказала Пушистая. — Что с ним?

— Воспитание, — пояснил киевлянин. — Дикарь.

— А может, нужно заплатить, а?

— Эй, — позвал киевлянин, — парень, возьми рубль.

Генка не выдержал. Злость и обида захлестнули его. Задышавшись, он крикнул:

— Подавись!

— Сопляк! — крикнул киевлянин.

И вдруг разом пропали злость и обида. Генке даже стало смешно. Он-то считал киевлянина сильным и смелым, он-то называл его Королем, а тот дразнится. Дразнится, как девочка.

Генка не обернулся. Ничего не крикнул в ответ. Он шагал молча и быстро.

* * *

Пошли дожди. Лужи на волейбольной площадке не успевали высыхать. Вартан снял со столбов сетку.

Отовсюду слышались нудные, однообразные разговоры — как добираться домой: самолетом или поездом.

Уехал киевлянин. Уехала Пушистая. Появились новые отдыхающие. Они ругали погоду и забивали «козла».

Генка ходил по утрам в школу. Воротник его был поднят, на голове — кепка.

Дожди, дожди, когда вы только кончитесь!

Иногда Генка останавливался на шоссе и смотрел издали туда, где была волейбольная площадка. И казалось ему, что вот налетит ветер и разгонит тучи, и вернется лето, и выпрыгнет из моря новенький желтый мяч...

В редакцию пришел путешественник

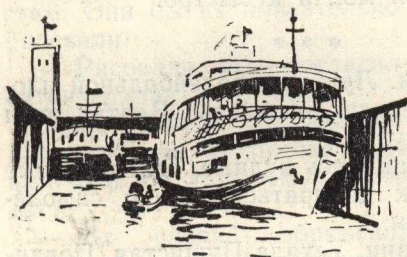
НА МОТОРКЕ ПО РЫБИНСКОМУ МОРЮ

Л. Гаевский

Рисунки Е. Захарова

- Зачем тебе лодка? — удивленно спросил мой товарищ.
- Будем плавать.
- Плавать? Сядь на теплоход и плыви, куда хочешь!
- Это не то... У нас другая цель...

В шлюзе

В носовом багажном отделении лежит палатка, котелок и банки с консервами. На корме — подвесной

мотор «Москва» в десять лошадиных сил, бак с горючим и две запасные канистры с бензином. Утро. Небо голубое с теплым розовым под светом восходящего солнца.

— Отчаливаем?

— В путь! — бодро отвечаю я, хотя меня не покидает мысль, что мы что-то забыли.

Гигантские металлические ворота шлюза медленно затворились. В огромной железобетонной коробке уместился трехпалубный теплоход, две самоходки, два буксирных парохода, прогулочная парусная яхта и наша дюралевая лодка. Мне и мо-

ему «матросу» — пятикласснику Юрке предложили привязать лодку к теплоходу и подняться на палубу.

На башне вспыхнул красный свет, что означало: ворота закрыты. И в ту же секунду под нами забурлила вода. Чайки носились в шлюзе, ловко выхватывая из воды оглушенную рыбу и глотая ее на лету.

Чайки не полетели за кораблями. Им хорошо у шлюзов. Громадный теплоход и самоходки взяли курс на Москву, а мы, включив мотор на полную мощность, пронеслись мимо символической скульптуры «Волга» и начали свое путешествие.

Подводный город

Мотор работает четко. За кормой — две разбегающиеся полоски. Между ними — пенная стужка, оставаемая винтом. Мы не спускаем глаз с оранжевой полоски. Наконец сверкнули — «проявились» — ажурные переплеты маяка. Все правильно, сбавляю газ.

— Под нами город, Юра!

Под нами, действительно, затопленный город. Едем тихо. Здесь легко зацепиться за трубу дома или шпиль колокольни. Всматриваемся в воду, пытаемся разглядеть подводный город. Но ничего не видно: вода Рыбинского моря не прозрачна.

Вдруг Юра крикнул: «Вижу!»

И верно, под слоем воды отчетливо видны большие и светлые каменные плиты. Выключаю двигатель. И вовремя — лодка натывается на что-то. Видимо, фундамент. Дальше

продвигаемся на веслах. Юра распластался на палубе и шестом меряет дно.

— Метр!

— Метр!

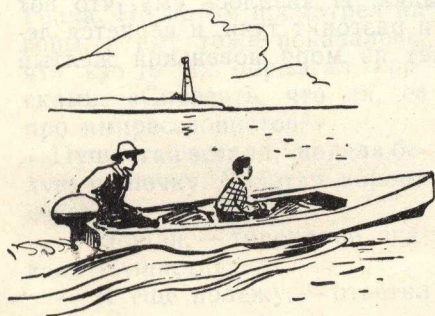
— Полметра! Стоп!

Тут, на самом высоком месте бывшего города Мологи, когда-то стоял большой дом из красного кирпича. Штормы поработали крепко! Вокруг лежат отшлифованные водой камни, кирпичи, плиты, куски белого кафеля, ржавое железо.

В старинном справочнике мы прочитали: «Город Молога (4118 жителей) при устье реки Мологи издали представляется невзрачным, вытянувшимся по реке городком».

— Всего четыре тысячи жителей? — удивился Юра. — В нашей школе почти столько!

— Ты слушай дальше: «Как насе-

Впереди плеснула оранжевая полоска. Смотрю на карту. Где-то здесь должен стоять маяк Федорицкий. Но солнце слепит глаза, виден лишь яркий мазок на серебристом фоне гладкого моря.

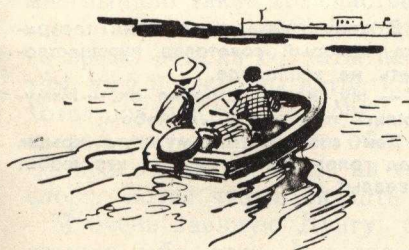
ленное место Молога упоминается уже в XIII веке. Сюда для торго-
сезжались немцы, греки, итальян-
цы, армяне, персияне...»

— Ого! А чем торговали?

— А вот сказано: «Торговцы об-
менивали свои товары на меха.
В конце XVI века ярмарка в Мо-
логе считалась самой важной в
России».

Мы садимся около маяка и до-
стаем из лодки свиную тушенку,
болгарские помидоры, лук, хлеб.
Мы одни здесь. Вокруг на десятки
километров вода, вода, вода...

Плавучий остров

Сориентировались по компасу и
карте. Курс — 315 градусов. Ветер
усилился, но он попутный. Волна
идет ровная, невысокая.

Мотор внезапно зачихал, задер-
гался. Что такое? Перегнулся через
борт, смотрю: сплошные водоросли.
Они намотались на винт.

В этот момент Юра крикнул:

— Прямо по курсу что-то плывет!

Немедленно глушу мотор, вгляды-
ваюсь вперед. Из-под воды вырос
остров. Лодка с разбегу мягко ткну-
лась в низкий берег. Островок со-
всем небольшой, бледно-зеленый, с
чахлым кустарником. Это всплывший
на месте бывшего болота торф. Ес-
ли ступить на такой остров — мож-
но провалиться.

Очистив винт от водорослей, мы
на малой скорости обходим опасное
место. Из зарослей взлетают, напу-
ганные треском двигателя, две боль-
шие птицы — соколы-сапсаны. Они
любят торфяные безлюдные остро-
ва, где их никто не тревожит.

Через час вдали показался еще
один плавучий остров. Рядом с ним
что-то белело. Мы подъехали бли-
же к торфяному берегу и увидели
белую баржу. Здесь и располо-
жен ПОМ — гидрометеорологический
Пункт Открытого Моря.

— Выходим, Юра!

— Боюсь...
— Не трусь! Не провалишься...
Давай за мной!

Деревянный настил ведет к барже. Она стоит в бухте на якорях. Доски настила скрипят и прогибаются, под ногами чавкает жижа. Юра крепко вцепился в мою руку.

Нас встречает высокая загорелая девушка с русыми волосами.

— К нам гости! — весело кричит она.

Снизу из люка показываются еще две девушки.

Передаем им свежие газеты, журналы, письма. Девушки радуются. Юра тоже рад, что под ногами

прочная палуба. Он уже освоился и, как обычно, задает вопросы.

— Это что за прибор и что им измеряют?

— Гигрометр. Им измеряют влажность воздуха.

— А вы кто?

— Метеоролог.

— А зачем здесь мельница? — спрашивает Юра, указывая на ветряк.

Он просто поражен, что на ПОМе своя электростанция!

— Добро пожаловать в нашу кают-компанию! — приглашают хозяйки плавающего острова.

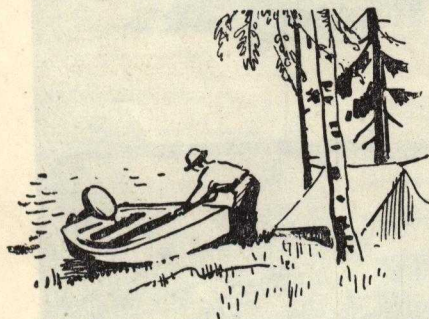
Внутри баржи расположены жилые каюты, рубка и, конечно, камбуз,

где девушки поочередно готовят завтраки, обеды, ужины. Мы с удовольствием едим вкусный борщ с грибами и гречневую кашу с жареным судаком.

Взглянув на часы, белокурая девушка выходит из-за стола. Оказывается, метеорологи круглосуточно, через каждый час, в любую погоду ведут наблюдения, записывают данные приборов и по радио сообщают о направлении ветра, его скорости, о высоте облаков, о надвигающихся грозах и штормах.

— Пока мы здесь, — говорят девушки, — корабли могут плыть спокойно и самолеты лететь уверенно. Мы — дежурные погоды...

Древний курган

Выходим на трассу Рыбинск—Весьегонск. Бело-красные бакены указывают нам путь. Меня тревожит боковой ветер. Наши лица мокрые от брызг, которые ветер щедро швыряет в лодку.

Мотор берет более высокую ноту: прибавляю газ. Лодка распласталась над водой. Брызги уже не попадают в лодку.

Далеко на горизонте показался Брейтовый створ. И в это время я почувствовал запах горелой резины.

— Юра, ты случайно не зажег спичку?

— Нет...

Инстинктивно я ощупал капот мотора. И тут же отдернул руку. Горячий! Очень горячий мотор! Поворачиваю ручку газа влево до отказа. Чихнув, мотор заглох. Что-то случилось с водяной помпой. Вода не поступает и, значит, не охлаждает двигатель. Он нагрелся до высокой температуры, стала плавиться резина.

Юра испуганно смотрит на меня.

— Ничего, Юрик! В море всякое бывает, — говорю я, а сам лихорадочно думаю, что предпринять.

Мы перевернули в лодке все вверх дном, но маленького брезентового мешочка с запасными частями так и не нашли. Он остался на полке в городской квартире! Не зря перед началом пути меня не покидало чувство, что мы что-то забыли.

Достаем весла, вставляем в уключины, и пошла работа. Двигаемся медленно, но верно. Гребем по очереди. Ветер совсем стих. Наконец — берег.

...Лодка прошуршала дном по мелкому песку и остановилась. Мелководье! Пришлось засучить штаны и по-булрацки тащить лодку.

На берегу к нам подошел старик. Ветер трепал седую бороду. Из-под косматых, совсем белых бровей глядели чистые голубые глаза. В руках старик держал какие-то ржавые обломки.

— Здравствуйте, люди добрые! — сказал старик.

— Здравствуй, дедушка, — ответили мы.

— Издалече едете?

— Из Рыбинска.

— Далеко... Добро пожаловать к нам!

— А что это у вас, дедушка? — нетерпеливо спросил Юра.

— Угадай! Ну-ко! — и старик протянул Юре ржавые железяки.

— Знаю! — закричал Юра. — Это ручка от меча!

— Ишь ты! Молодец! Догадался!

— А зачем вам это, дедушка?

— Внучку отдам... Он в школу отнесет...

— Вот бы мне... — вырвалось у Юры, но тут же он спохватился, — а откуда они, эти мечи?

— Аль не знаешь? — прищурил дед голубой глаз. — Битва тут была с татарами. Теперь море размывает курган...

На реке Сить, недалеко от Брейтова, мы пробыли два дня. В рыбацьем поселке достали запасную крыльчатку к помпе. Мотор снова заработал.

Мы часами бродили вдоль берега, надеясь найти что-нибудь интересное. Но, кроме старинной позеленевшей монеты, ничего не нашли. Местный учитель истории утверждал, что монета византийская. Он же доказывал нам, что старик неправ относительно кургана:

— Битва с татарами была выше по течению.

Когда мы отплыли, Юра сказал: — Старик, небось, сто лет... Он лучше знает!

Я не стал возражать. Мне тоже приятнее было думать, что это древний курган. Так интереснее...

* * *

В конце лета я встретил товарища, который советовал путешествовать на теплоходе.

— Ну, как? — спросил он. — Намучились под открытым небом?

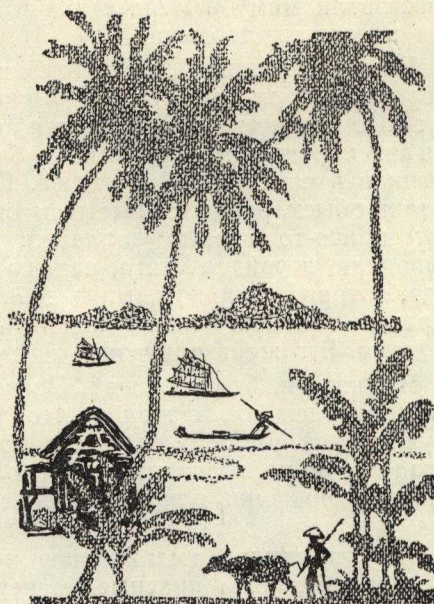
Как втолковать ему, что крыша над головой мешает тем, кто любит звезды?

Я ПИШУ ТЕБЕ, ОТЕЦ...

Моника Варненская
Рисунки Ю. Мезерницкого

Польская журналистка Моника Варненская некоторое время находилась в джунглях среди партизан Южного Вьетнама.

Рассказ «Я пишу тебе, отец...» содержит подлинные факты из жизни и борьбы этого мужественного народа. И все они говорят, как трудна борьба вьетнамских партизан, как стойко сражаются с американскими захватчиками не только бойцы армии Сопротивления, но и дети и женщины.

Дорогой отец!

Я не знаю, когда ты получишь это письмо. Но надеюсь, что оно обязательно попадет к тебе. У нас в лесу находится гость из далекой страны, которая расположена где-то на другом конце света. Чтобы добраться туда, надо лететь несколько дней на самолете. Я думал, что с самолетов только сбрасывают бомбы и ракеты, которые поджигают дома и убивают людей. О нашей земле мне рассказывает мама, многое я узнаю в нашей лесной школе. Но все-таки мне трудно представить такие дальние страны, как Китай, Советский Союз и Польша. И какой ты, дорогой отец, я никак не могу представить, хотя много раз видел тебя на маленькой фотокарточке. Когда мы втроем жили в деревне, мама часто рассказывала о тебе и показывала нам карточку. Сначала ее рассматривал только один Дунг, я был еще совсем маленьким. Потом и мне выпало такое же счастье. Мама так тщательно прятала твою фотографию, что даже во время обыска солдаты не нашли ее. А потом, уже в лесу, мы встретили Дунга, и мама хотела отдать ему карточку. Но старший брат сказал, что хранить ее обязана сама мама. Он долго смотрел тогда на твоё изображение, словно хотел что-то сказать тебе.

Я очень завидую Дунгу: он в армии и он помнит тебя, отец. А я только вижу тебя во сне. Когда я ложусь спать, я думаю о тебе, тихонько рассказываю тебе о себе.

Уже два года я и мама живем в лесу. Дунг еще раньше ушел к партизанам, вместе с дру-

гими ребятами из нашей деревни. Очень тяжело им было бороться: у них было мало оружия и лекарств для раненых, не хватало еды. Сейчас у них есть все необходимое, и люди охотно помогают им. Я часто вижу, как люди с мешками, наполненными рисом, пробираются сквозь джунгли.

Каждый из нас всегда имеет при себе мешочек с самым необходимым, чтобы в момент бомбардировки забрать его и убежать в укрытие. Я всегда ношу при себе школьные тетради и книги, фотокарточки мамы и Дунга.

В нашей лесной школе есть тоже книги и тетради. Книги изданы здесь же, в джунглях. Иногда я вспоминаю школу в нашей деревне, но я мало учился в ней: учителя арестовали, учеников разогнали. Я едва научился немножко читать и писать. А вскоре арестовали маму и меня с нею.

Тогда арестовали многих — особенно женщин: мужчины и ребята, вроде Дунга, скрывались в лесу. В деревню они приходили только тайком. Я не раз просыпался ночью от шепота и шороха. Люди давали пришельцам рис. Я все надеялся, что когда-нибудь придет Дунг, мой старший брат. Сколько раз среди ночи я протирали глаза, но его не видел. Мама прикрывала свет лампы и говорила: «Спи». А днем предупреждала: «Помни, о людях, которые приходят из лесу, нельзя никому ничего говорить. Мы должны помогать братьям...»

Помогали партизанам не только в нашей

деревне, но и в других деревнях. За это и арестовали маму и меня с ней и многих людей из других деревень.

Ночью окружили деревню. Зашли и к нам. Перерыли и разбросали все. Кричали на маму: «Коммунистка!», — говорили, что она помогает партизанам, грозились убить ее. Они могли и в самом деле убить ее. Когда у нас делали обыск, раздался выстрел совсем рядом. Потом кто-то громко заплакал. Когда нас выводили, я увидел Ханга, нашего старого соседа, который хорошо помнил тебя. Он лежал мертвый с раскинутыми руками у входа своего дома. Его жена причитала над ним.

Я очень их боялся тогда. Но в то же время ненавидел их. Я жалел, что у меня нет оружия, как у моего старшего брата Дунга, тогда бы я не позволил им угрожать маме. Сначала они лишь покрикивали на нас. А потом, в городе, в тюрьме, били. Вот тогда-то впервые я увидел американцев вблизи. Они вовсе не белые, а красные. Наверно, оттого, что много едят и никогда не бывают голодными. Они смотрели на нас равнодушно, курили, о чем-то говорили по-своему. Я понял лишь одно слово: «Вьетнам». Потом начали нас допрашивать. Сперва маму, потом меня. О чем ее спрашивали, я не знал тогда, а теперь знаю. Ее спрашивали, где скрывается Дунг, не коммунист ли он, где находятся партизаны. Они били маму.

Когда они поняли, что я никого не выдам, они ввели меня в другую комнату. Там я увидел маму. Лицо ее было избито, волосы растрепаны. Я бросился к ней со словами: «Мама! Мамочка! Что они с тобой сделали?!» За столом сидел толстый американец с отвислой губой. Он что-то сказал тем, которые допрашивали меня. И тогда они начали избивать меня на глазах у мамы. Каждую минуту они спрашивали маму — надумала ли она сообщить им что-нибудь. Они говорили, что не перестанут меня избивать до тех пор, пока она не признается, что помогает коммунистам. «Я ничего не знаю и ничего не скажу!», — кричал я во весь голос. Тогда они принялись избивать маму и сказали, что не перестанут избивать ее, пока я не скажу правды, не признаюсь, что видел партизан.

Я обязан рассказать тебе об этом, отец. Но ты не беспокойся о нас. Мы все перенесли, хотя били нас еще много раз. Четыре месяца я провел в тюрьме вместе с мамой. Там томилось много женщин, некоторые с

детьми. Всех обвиняли в помощи партизанам. Но никто ничего не сказал. Наконец нас выпустили.

Мы вернулись в деревню. Мама долго болела и за ней ухаживали все соседи. Но однажды ночью пришли люди из леса и сказали, что нам лучше уйти в лес. И мы ушли.

Так очутились мы среди партизан. Когда мама совсем выздоровела, то начала работать в том самом госпитале, в котором лечилась. Теперь она медсестра, ухаживает за другими больными. А я начал учиться в лесной школе. Я быстро привык к жизни в лесу. Здесь надо быть очень внимательным: тут много змей и скорпионов. Спим мы в гамаках. У меня много друзей и подруг. У многих отцы и матери — партизаны, но они далеко от нас. У некоторых нет ни отца ни матери. Есть и такие, которые вообще ничего не знают о своих родителях. Заведующая нашей школой ничего не знает о своих двух детях. Они далеко, провести их нельзя.

Я уже так много написал тебе, дорогой отец, и все-таки мог бы еще писать и писать. Так хорошо, что мне разрешили посидеть подольше несколько вечеров подряд, чтобы я мог написать тебе это письмо. У нас — строгая дисциплина. Каждый вечер в девять часов раздается сигнал, и все должны быть на своих местах, ложиться спать в гамаках.

Учителя рассказывают нам, что в городах на Севере есть большие школы в каменных домах. Мне даже не верится, что могут быть такие школы.

Я еще раз взглянул на листок письма, отец. Я так хочу верить, что это письмо попадет в твои руки... Если бы я был подобен листику дерева, я бы прилетел к тебе, нашел бы тебя, отец. Когда-то ты писал: «Меня очень радует, что Дунг уже читает и пишет». А знаешь ли ты, что твой младший сын уже учится в третьем классе?

Мне очень хотелось бы, чтобы ты гордился Дунгом и мною так же, как мы гордимся тобой, отец. И чтобы ты знал, что мы тоже — участники борьбы. Будь я немножко постарше, я взял бы в руки автомат и, как мой брат, бил бы врага, выгонял бы его с нашей земли. Но мне говорят: если я хорошо учусь и работаю, помогаю старшим, это равносильно тому, что я бью врага.

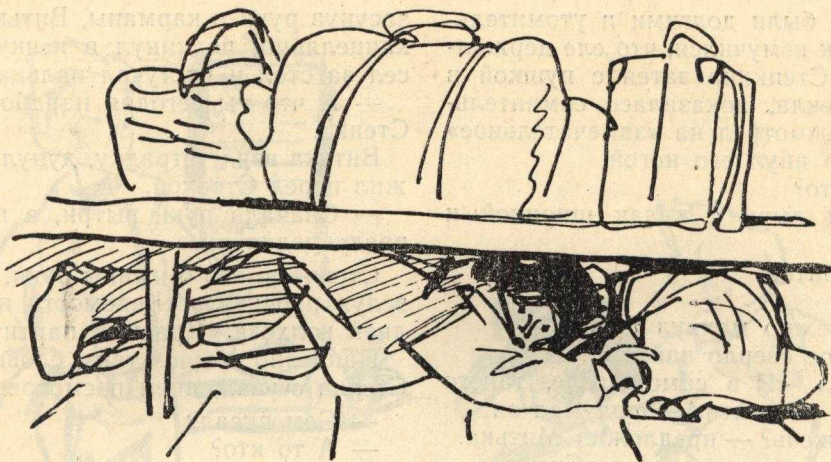
Вот, пожалуй, и все, о чем мне хотелось рассказать. И еще одно, самое главное: Я ТЕБЯ ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ, ОТЕЦ.

Винхь.

Перевел с польского Казимир Чернятевич

КОРОТКОЕ ДЕТСТВО

Виктор Курочкин

Рисунки Н. Кустова

Глава V

Неожиданное возвышение Витьки Выковыренного. Появление бабки Любы. Письмо на фронт. Страшные сны и счастливое пробуждение.

Митька бежал к Степке. Степка бежал к Митьке. Встретились они около дома Витьки Выковыренного.

— Я к тебе, — сообщил Митька.

— А я к тебе. На, держи, — и Степка сунул Митьке горсть перьев. — Михина работа. Куряцу нашу задрал. Теперь ему амба.

На крыльце показался Витька Выковыренный с портфелем в руке.

— Гляди-ка, никак он ополоумел, — сказал Степка.

Витька подошел к ним, высморкался с помощью двух пальцев, помахал портфелем и важно изрек:

— Баклуши бьете. Ну-ну, бейте. А я пошел.

— Куда? — в один голос спросили ребята.

— На работу. В правление. Меня счетоводом назначили...

Степка злорадно усмехнулся.

— Кто это тебя назначил?

— Елизавета Максимовна. Ну, мне с вами болтать некогда, — Витька повернулся и пошел.

Степка догнал его, схватил за воротник.

— Почему тебя, а не... — Степка хотел сказать «меня», но осекся. — Почему тебя? — повторил он и дернул Витьку за воротник.

— Потому что больше некого назначать. А у меня шесть классов и по арифметике четверка. А если ты меня будешь лапать за воротник, я пожалуюсь Елизавете Максимовне. Убери руки! — вдруг закричал Витька и топнул ногой.

Степка спрятал руки за спину.

— Вот так-то... — сказал Витька и зашагал, размахивая портфелем. Шел он важно, как гусь, переваливаясь с боку на бок. Длинное пальто волочилось по снегу.

— Чучело канцелярское, — сказал Степка и сердито плюнул.

Назначение Витьки счетоводом он воспринял как личное оскорбление. Митьке же просто не верилось, что Витька Выковыренный, которого он в любое время мог шелкнуть по носу, вдруг вылез в начальники. Это было одновременно и смешно и обидно.

Ребята отправились на поиски бревна для пушки. Сначала перерыли дрова у Митьки, потом у Степки, потом у соседей, и, наконец, нашли там, где и не подумали бы искать. Бревно валялось на дороге. Было оно и осиновое, и подходящего размера, и с гнилой сердцевиной.

— Замечательное! Как будто специально для нас подбросили! — воскликнул Степка.

Продолжение. См. «Костер» № 8, 1966 г.

Поиски бревна были долгими и утомительными. Митька так измучился, что еле держался на ногах. И Степкина затея с пушкой в его глазах поблекла, показалась сомнительной. Он хмуро посмотрел на «замечательное» бревно и сердито пнул его ногой.

— А дальше что?

— Просверлим дыру с кулак шириной и будет дуло.

— А чем сверлить?

— Сверлом.

Митька безнадежно махнул рукой.

— Где же такое сверло найдем...

Степка опешил. «И в самом деле, такого сверла в деревне не найти», — подумал он.

— А если прожечь? — предложил Митька.

— Прожечь? — переспросил Степка. — И стукнул себя кулаком по лбу. — Вот дурак, не мог догадаться. Айда в кузницу. Дед Тимофей нам ее в один час прожжет.

Пока искали бревно, пока прожигали дырку, и день кончился. Кое-где в избах светились тусклые огоньки. В правлении колхоза окна тоже были желтые, а из трубы валил дым.

— Посмотрим, что делает Витька-счетовод, — предложил Степка.

Витька сидел за столом и, высунув язык, выводил на обложке толстой тетрадки лиловые буквы. Увидев ребят, он встал, засунул руки в карманы и строго спросил: «Что надо?»

— Зашли посмотреть, как ты счетоводишь, — сказал Степка.

— Прошу садиться. — Витька поставил около стола две табуретки и обмахнул их рукавом.

Ребята робко присели. Витька взгромоздился на стул, отодвинул в сторону тетрадку, побарабанил по столу пальцами.

— Ну... я вас слушаю.

Такого приема они никак не ожидали. Ребята посмотрели друг на друга и потупились.

— Уж очень ты сразу важным стал, — сказал Степка.

— Должность такая, — не без гордости заявил счетовод. От такого ответа Митька поежился. Степка тоже не знал, с какой стороны подъехать к Витьке, который вдруг в один день поднялся на недосягаемую высоту.

В правлении было чисто и тепло. Все лежало на своем месте. Счеты, обычно валявшиеся на столе, теперь висели на гвоздике. Портрет Ленина блестел, как новый. Красный флаг был обернут газетой и перевязан шпагатинной. Ржаного снопа, который пять лет сидел в простенке между окнами, теперь не было.

— А кто сноп выкинул? — спросил Митька.

— А что ему тут делать? Пыль собирать? —

засунув руки в карманы, Витька прошелся по канцелярии, подкинул в печку дров и опять сел за стол и постучал пальцами.

— А что ты сегодня наработал? — спросил Степка.

Витька взял тетрадку, дунул на нее и положил перед Степкой.

— Сначала руки вытри, а потом лапай, — предупредил он.

Степка вытер о штаны руки, взял тетрадь и вслух прочитал: «Ведомость по учету трудодней колхоза «Красный партизан».

Написано было так, словно напечатано. Степка с уважением посмотрел на Витьку.

— Сам писал?

— А то кто?

— Неплохо.

Глаза у Витьки засияли, но он сразу же погасил радость и нахмурился.

— Ничего особенного.

Степка листал тетрадку и с трудом сдерживал себя, чтоб не ахать от удивления. Все страницы были разлинованы красными столбцами, среди них попадались и синие, и даже зеленые.

— И это ты сам?

— Что?

— Столбцы рисовал?

— Не столбцы, а графы, — поправил Витька Степку и отобрал у него тетрадку.

— А мы пушку делаем, — похвастался Митька. — Хочешь посмотреть? — Не дожидаясь согласия, выскочил на улицу и приволок бревно. — Глянь, какую дыру прожгли.

Витька внимательно осмотрел дыру, потом взял линейку и измерил.

— Семьдесят миллиметров. Средний калибр, — авторитетно заявил он. Степка с Митькой даже и слова такого не слыхали, но, чтоб не показать свое полное невежество, скромно промолчали.

Витька нахмурился и серьезно сказал:

— Деду надо инвентарь к весне готовить, а он с вашей пушкой возится.

Степка исподлобья посмотрел на Витьку и процедил сквозь зубы:

— Не очень-то задавайся. Подумаешь, какой указчик нашелся.

Витька встал, одернул рубаху, посмотрел на ходики.

— Топайте домой. Болтологию мне с вами некогда разводить. У меня во сколько работы. — Витька выразительно провел пальцем по шее. — С начала войны дела запущены. Как ушел счетовод на фронт, никто ими не занимался. А мне надо все в две недели выправить. Вот так-то. — И он протянул руку.

Степка с Митькой осторожно пожали Витькину руку и, взяв бревно, поволокли его на улицу.

— Постойте! — окликнул их Витька.

Ребята остановились.

— Когда будете испытывать пушку, не забудьте позвать меня. Понятно?

— Ладно, — неохотно отозвался Степка.

— Я вас больше не задерживаю. — Витька взобрался на стул, обхватив руками голову, сделал вид, что глубоко задумался.

Если б не зима, Митька ни за что бы не пошел в избу, — опять нянчить Нюшку. Где-нибудь на сеновале переночевал бы. Он знал, что побег из дома не пройдет даром. В отличие от Степкиной матери, которая воспитывала сына ремнем, Елизавета Максимовна читала Митьке длинные и нудные лекции, потом ставила на два часа в угол и на весь день запирали в сундук валенки с полушубком. Это для Митьки было в сто раз хуже порки.

«Степке благодать. Вытянут раза два ремнем и свободен, — позавидовал Митька товарищу. — А мне опять лекция. Как только открою дверь, так сразу начнет: «Чадю ты, чадю непутевое. Становись в угол, чадю». И все из-за кого? Из-за Нюшки. Какая бы у меня расчудесная житуха была, если бы не Нюшка. И зачем только она родилась? Ни у кого из ребят нет Нюшек, только у меня. Разнесчастный я человек.»

Митьке так жалко стало себя и такой ненавистой показалась ему жизнь, что он подумал: «А не умереть ли мне? Лягу на снег и замерзну. Вот уж тогда наплачутся». Мысль о смерти показалась Митьке забавной. Он даже стал высматривать местечко, где бы поудобней лечь и замерзнуть. Однако удобного местечка не нашлось, и он отложил эту затею на другой раз.

Митька не заметил, как ноги сами притащили его к дому. Окна были ярко освещены.

«Интересно, зачем это мама сегодня вместо копилки лампу жгет? А может, у нас гости. Вот было б хорошо. При гостях она не станет меня пилить и ставить в угол...»

Митька залез на завалинку и прилип к окну. Но как он ни всматривался, так ничего и не увидел. Двойные рамы промерзли насквозь и заплыли льдом.

Митька прыгнул с завалинки, потоптался около крыльца и, сказав «семь бед — один ответ», толкнул дверь.

Каково же было удивление Митьки, когда он увидел бабку Любу. Она сидела около люльки и показывала пальцами Нюшке козу. Елизавета Максимовна собирала на стол ужин.

— Баду, баду, — говорила бабка Люба и делала вид, что хочет забодать Нюшку. Нюшка, разинув беззубый рот, дрыгала ножками и пыталась ухватить бабкин палец. Около печки стоял окованный железными полосами сундук. Под столом сидел Миха, прищутив латунный глаз.

«Неужели бабка жить у нас будет? Наверное. Зачем же тогда сундук притащила?» — Митька чуть не запрыгал от радости. Но сдержал себя. Он чинно разделся — пальто с шапкой повесил на гвоздь, поплевал на ладони, пригладил волосы, вежливо поздоровался, потом сел за стол и, как Витька-счетовод, посарабанил пальцами.

— Что это ты такой сегодня тихий? — спросила Елизавета Максимовна. — Или заболел?

— Здоров как бык, — ответил Митька и одним глазом покосился на бабку Любу. — Она жить у нас будет?

— Будет.

— Долго?

Елизавета Максимовна с удивлением посмотрела на Митьку.

— А ты разве не хочешь, чтоб она жила у нас?

Дальше сдерживать радость у Митьки не хватило сил.

— Конечно, хочу! — воскликнул он. — Что мне, жалко? Пусть живет и... — Митька чуть не выпалил: «Нянчится с Нюшкой», но вовремя прикусил язык и сказал совсем не то, что думал: — Одной-то ей жить не сладко.

— И за Нюшкой присмотрит. А то из тебя нянька никудышная, — сказала Елизавета Максимовна.

— Совсем никудышная, — горячо заверил Митька.

Сели ужинать. Митька как только мог ухаживал за бабкой Любой: подкладывал ей хлеб, отдал свой кусок мяса и рассказывал, как он ездил на станцию, как познакомился

с ленинградскими ребятами, про соль, про пушку. Рассказ у него получился длинный-предлинный. Бабка Люба половину не поняла, а половину не расслышала. Она погладила Митькины волосы и сказала:

— А малец-то у тебя, Елизаветушка, говорун.

— Болтушка. Не знаю, в кого такой уродился, — сказала Елизавета Максимовна.

— В папу, — заявил Митька.

Елизавета Максимовна грустно улыбнулась.

— Из Кирилла, бывало, слова клешами не вытянешь. — И вздохнула: — Что-то давно от него писем нет.

— Я спрашивал у почтальона. Он сказал, что пишет, — сообщил Митька.

После ужина бабка Люба забралась на печку, Митька нырнул под одеяло. Елизавета Максимовна, покормив Нюшку, села за стол и стала писать.

— Письмо? — спросил Митька.

— Спи и не мешай, — сердито сказала мать.

Митька закутался с головой в одеяло и попытался уснуть, но не спалось. На печке похрапывала бабка Люба, Елизавета Максимовна скрипела пером и что-то про себя шептала. Митька, высунув голову из-под одеяла, следил за ней. Свет лампы падал на ее лицо, худенькое, бледное, с очень черными узкими бровями. Со всего лица на лоб сбегались морщины. Митька впервые увидел, что мать-то у него хрупкая и болезненная, а не такая сильная и здоровая, как он думал. Ему стало до слез жалко ее. «А что, если она умрет», — с ужасом подумал Митька. Елизавета Максимовна перестала писать. Перо повисло над бумагой, лицо еще больше побледнело, стало как у покойницы. Глаза широко раскрылись, уставились в одну точку. Митька от страха задрожал.

— Мамка! — закричал он.

Мать вздрогнула и сердито спросила:

— Ты чего орешь, дурак?

— А чего ты так смотришь?

Елизавета Максимовна не ответила, и перо опять забегало по бумаге. Митька завернулся в одеяло, зажмурил глаза и стал считать: «Раз, два, три...» Досчитав до сорока, сбился и начал снова. Но не спалось, хоть лопни.

— А правда, что Витька Выковыренный будет счетоводом? — спросил он.

— Правда.

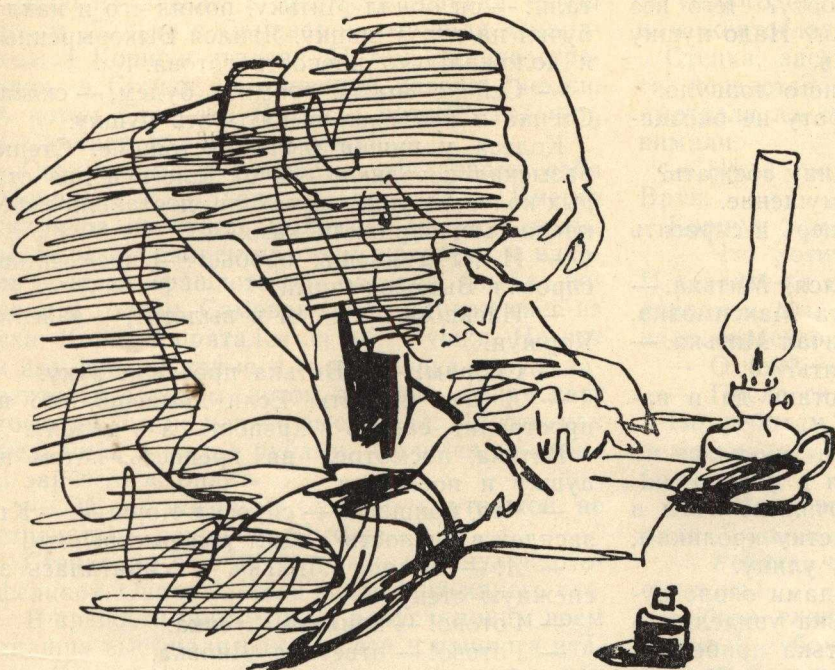
— Я тоже хочу работать.

— Будешь и ты работать, — как эхо ответила мать.

Митька оживился.

— Кем?

— Навоз возить.

Митька оскорбился.

— Он счетоводом, а я — навоз.

Елизавета Максимовна подняла голову, намурилась и грозно спросила:

— Ты будешь спать, в конце концов? Или я...

Митька нырнул под одеяло, закутался с головой, подтянул колени к подбородку и не заметил, как уснул. И снилось ему всю ночь, как он возит в поле навоз. Он возит, а Витька Выковыренный стоит посреди поля с огромными канцелярскими счетами и отшвыривает пальцем костяшки: «Раз воз, два воз, три воз...» — сто возов насчитал, и все мало.

— Когда же я кончу? — кричит Митька.

— Как все костяшки справа налево перешвыряю, так и кончишь. Работай, работай, дурак! — погоняет Витька и щелкает его по носу.

Митька замотал головой, открыл глаза.

Около кровати стоял Степка.

— Это ты меня щелкнул по носу? — спросил Митька.

— Я же потихоньку. Чуть-чуть дотронулся.

Митька облегченно вздохнул и блаженно потянулся.

— А мне приснилось, что Витька Выковыренный.

Елизавета Максимовна давно ушла на работу. Баба Люба сидела около люльки и показывала Нюшке козу. Митька натянул штаны и побежал к ручейнику.

«А для кого умываться? — подумал он. — Кому это нужно? Мамки все равно дома нет». Митька сбегал в погреб за молоком и сел завтракать. Выпив полкрянки молока и умыв краюху

хлеба, Митька похлопал себя по животу...

— Во надулся, как барабан.

Накинув на плечи полушубок и крикнув бабке Любе «Я пошел», Митька выскочил на улицу.

Утро выдалось морозное. Под солнцем снег блестел, резал глаза. Митька натянул шапку, застегнулся на все пуговицы, похлопал рукавицами.

— Айда на озеро.

— А пушку кто будет делать? — спросил Степка.

— Пушку, так пушку. Мне все равно. — Ему теперь действительно было все равно. Теперь он был свободен, как птица.

Весь день до темноты они выпиливали для пушки колеса, потом мастерили лафет с затвором... Потом у них все поломалось и развалилось. На другой день с утра они поволокли пушку в кузницу к деду Тимофею.

Глава VI

Испытание пушки. Разгром крепости. Коршун думает. Миха в осаде.

Жестокая расплата. Драка Коршуна с Локтем. Запоздалые раскаяния.

Митька проснулся ни свет ни заря. Мать только что затопила печку.

Митька высунул нос из-под одеяла и стал

одним глазом наблюдать за матерью. Она шуrowала в печке кочергой. Вместе с багровым языком огня в трубу летели искры.

Когда же она уйдет на работу? Чего все топчется около проклятой печки? Надо пушку испытывать, а она все топчется.

В конце концов терпение у него лопнуло.

— Ма, а ты сегодня на работу не опоздаешь?

— А тебе не терпится на улицу сбежать?

Митька придал голосу возмущение.

— Я просто так спросил. Теперь и спросить стало нельзя.

— До чего же ты изоврался, Митька, — укоризненно сказала Елизавета Максимовна.

— Когда изоврался? — закричал Митька. — Нельзя уж и кроликов накормить?

— Кто же тебе мешает? Встань да и накорми.

Митька спрыгнул с кровати и заметался по избе, как угорелый. Он слазил в подпол, набрал в шапку моркови, выскочил из избы в сени. Швырнув морковку в клетку кроликам, Митька бросился со двора на улицу.

Пушку испытывали за огородами около пустого сарая. Еще издали Митька увидел, что все уже собрались. Когда Митька прибежал, на него никто не обратил внимания. «Ведь не они же, а мы с Коршуном делали пушку», — с обидой подумал он.

Ребятам было не до Митьки. Они строили снежную крепость. Строительством распоряжался Витька-счетовод. Лилька Махонина, накатав ком снега, пыталась поднять его на стену.

Пушка стояла в сарае. На фанерном зеленом щите ее было выведено мелом: «Смерть немецким фашистам!!!» Степка ощупывал затвор.

— Все возишься? — спросил Митька.

— А ты все спишь? — спросил Коршун. — А ну, помоги оттянуть затвор.

Затвор был сделан из березовой палки с набалдашником. На этот набалдашник надевалась резина. Оба конца резины были наглухо гвоздями прибиты к стволу.

Оттянули затвор назад, поставили на зарубку, и Коршун приказал Митьке зарядить пушку. Здесь же лежали снаряды: картошка и десяток камней.

— Чем? — спросил Локоть.

— Сперва попробуем картошкой.

Митька запихал в ствол картофелину. Коршун навел пушку на стену и спустил затвор. Затвор щелкнул и картофелина, ударившись о стену, разбилась вдребезги.

— Вот это да! — закричал Митька.

— Заряжай камнем.

Пальнули камнем, и он оставил в стене вмятину.

— Видал, Локоть, какую мы штуку срабо-

тали! — он обнял Митьку, помял его и нахлобучил на глаза шапку. Явился Выковыренный и доложил, что крепость готова.

— Сейчас мы ее громить будем, — сказал Степка и приказал выкатывать пушку.

Колеса у пушки были настоящие. Степка разыскал переднюю ось от телеги и два старых колеса. Пушку выкатили, поставили перед крепостью, зарядили камнем.

— И ты думаешь, пробьет? — насмешливо спросил Выковыренный.

— Насквозь пролетит и вылетит, — заверил Коршун.

— Спорим! — и Витька протянул руку.

— А чего спорить. Если думаешь, что не прострелит, садись в крепость, а я пальну.

Витька посмотрел на крепость, потом на пушку и поежился.

— Что, боишься? — спросил Коршун. — Кто засядет в крепость?.. Дам раз выстрелить.

— Я! — сказала Лилька и спряталась за снежную стену.

— Готово! — крикнул Степка.

— Готово! — ответила Лилька.

— Огонь! — заревел Коршун и спустил затвор.

От страха у Митьки невольно закрылись глаза. А когда он их открыл, то увидел над стеной крепости Лиликино лицо с высунутым языком.

— Ну, что, попал? — кричала она.

Пошли смотреть. Камень и наполовину не пробил стену. Счетовод усмехнулся.

— Я же говорил... Слушай, Коршун, дай раз стрельнуть, и я пойду в правление. Дел по горло и валять дурака мне с вами некогда.

Коршун смерил Витьку с ног до головы и махнул рукой.

— Заряди ему, Локоть. Пусть стрельнет и катится ко всем чертям.

Митька зарядил. Выковыренный стрельнул в небо и, засунув руки в карманы, потащился в правление. Ребята разделись на две армии и стали играть в войну. Первой армией командовал Коршун. Второй — Локоть.

Коршун взял себе пушку, Лильку Махонину и Васюку Самовара. Самовар считался в Ромашках последним воякой, и Степка его взял с единственной целью валять снежки для пушки.

В отряде Митьки находилось пять бойцов: он сам, братья Вруны, Петька Лапоть и Лиликин брат Аркашка.

Долго устанавливали правила игры. И договорились «фрицев» и «наших» играть по очереди. Коршуну выпал жребий «фрицы». Он должен был осаждать крепость. Армия Митьки Локтя — отражать атаки.

«Наши» засели в крепости. Степка начал осаду. Лилька с Самоваром готовили «снаряды», а Коршун стрелял. Потом Лилька стреляла, а Степка с Самоваром катали снежки. А потом Степка с Лилькой вместе стреляли, а Самовар все катал снежки.

Осажденные в крепости чувствовали себя прекрасно. Они даже не прятались. Вместо снарядов из пушки вылетала снежная пыль. «Наши» забрались на стену крепости и начали обстрел «фашистской» батареи. Лильке попали в голову. Самовар выковыривал снег из уха, Коршун прятался за щит пушки. Но вот и ему попали прямо в глаз. Степка охнул, завертелся волчком, потом зарядил пушку картофелиной и не целясь выстрелил. Лапоть, как мельница, замахал руками, свалился со стены и заревел: «Убили!»

— Эй вы, «фрицы», уговор картошкой не стрелять! — закричал Митька.

Степка не ответил и опять пнул картофелиной. Она пролетела около Митькиного уха.

В крепости притихли. И вдруг с диким воем «наши» высыпали из крепости и пошли в атаку. Коршун и пушку зарядить не успел, как на него навалились сразу трое. Степка пытался их сбросить, но они прижали его, сели верхом и стали кормить снегом. Отчаянный вояка Аркашка в один миг расправился с Самоваром.

— Сдаюсь! — закричал Самовар и поднял руки.

Разгромив «фрицев», Митькина армия поволокла пушку в крепость.

Малость передохнули и опять принялись за войну. Теперь «фрицами» стала Митькина армия.

Осада крепости длилась недолго. «Наши» перешли в решительное наступление, развалили крепость и в рукопашном бою одержали полную победу.

Усевшись на развалины крепости, ребята стали думать, во что бы еще сыграть. Думали, думали и ничего интереснее не придумали.

У Коршуна от напряжения даже лоб сморщился, как у старика. Митьке стало скучно.

— Ну, скоро ты придумаешь? — спросил он.

— Уже придумал.

— Что?

— Не делом мы занимаемся. Люди на фронте воюют, кровь за нас проливают, а мы, как маленькие, в снежки с Аркашкой играем.

Аркашку это глубоко обидело.

— Я не маленький. Мне уже одиннадцатый пошел.

— А ну катись отсюда! — закричал Степка.

Аркашка спрятался за сарай и, высунув из

за угла голову, стал дразнить Степку Коршуним желтоглазым.

Степка, засунув руки в карманы, прошелся, посвистал и опять сел. Ребята обалдело смотрели на своего атамана и ничего не понимали.

— Ну, а что нам делать? — спросил Сенька Врун.

Коршун усмехнулся.

— Что хотите, то и делайте. Мне-то что. И давайте-ка топайте по домам. Хватит, побаловались. Ты, Локоть, останься. Мне с тобой надо серьезно поговорить.

— О чем? — спросил Митька.

— После скажу. Пусть разойдутся.

Но ребятам не хотелось расходиться. Они переминались с ноги на ногу, смотрели на Степку.

Кот Миха появился неожиданно. Его заметила Лилька.

— Ребята, что это? Вон, вон из-за угла высунулось!

Ребята глянули и увидели черную голову Мухи. В зубах он держал что-то белое, похожее на большой ком ваты.

— Тихо, — прошептал Степка.

— Кролик, — шепнул Митька.

— Замри, — и Степка до боли сжал ему руку.

С минуту Миха смотрел на ребят, потом вылез из-за угла и пошел к двери. У двери он остановился, оглянулся и юркнул в сарай.

— Ни с места! — И Степка погрозил кулаком.

Он осторожно подкрался к сараю и захлопнул дверь. Состоялось короткое совещание, на котором было решено Муху прикончить на месте.

Чуть приоткрыв дверь, ребята пролезли в сарай и опять плотно закрыли. Посреди сарая валялся белый кролик. Митька нагнулся над ним и перевернул на спину. Шейка у кролика была перекушена, два красных, как брусничины, глаза затягивала мутная пленка.

— Это ж моя крольчиха. У нее скоро должны были быть маленькие, — простонал Митька.

Степка тоже осмотрел крольчиху и спросил:

— Как же это он ее?

— Я, кажется, забыл закрыть клетку. А он... — Митька до боли сжал зубы и махнул рукой. — Убивайте. Теперь мне его ничуть не жалко.

— Бей Муху! — заорал Аркашка, размахивая палкой.

— А где же он?

Стали искать Муху. Искать было темно.

Открыли настежь дверь и увидели Миху под самой крышей на балке.

— Как же это он туда забрался? — удивился Степка.

— Ну и кот, как в сказке волшебной, — сказал Сенька Врун.

— Как же мы его оттуда вызовим? — спросил Лапоть.

— Вызовим, как миленького, — заверил Степка, отобрал у Аркашки палку и, размах-

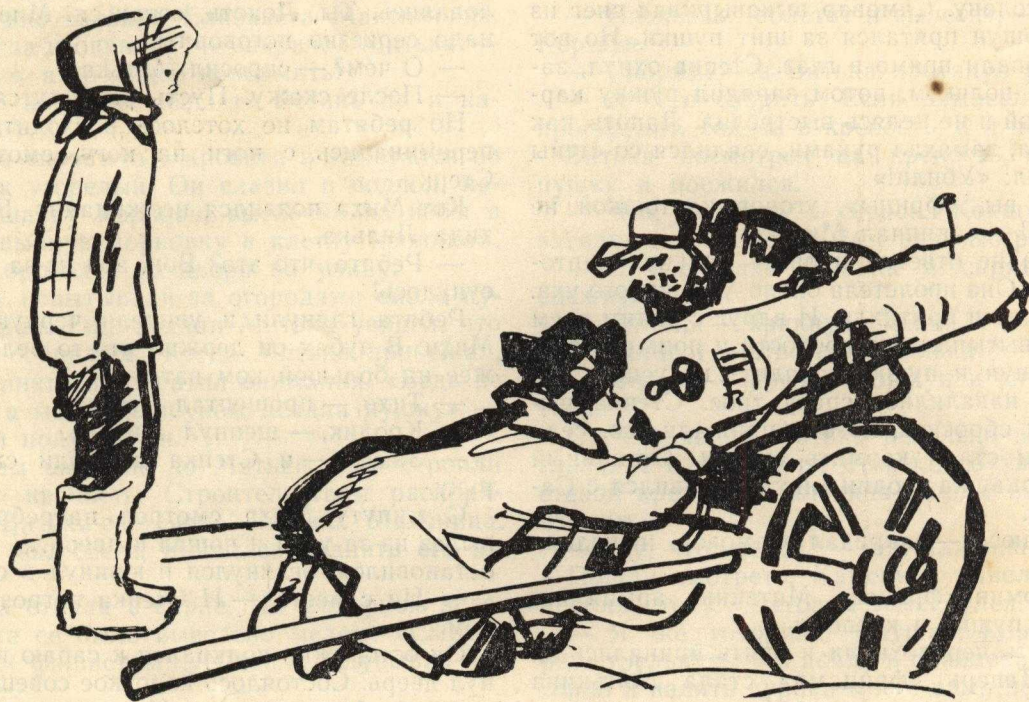
выстрела Миху, вдруг жалобно мяукнул и за-тряс лапой.

— Ранили! — радостно закричал Аркашка.

Миха приподнялся, свесил с бревна голову. Его латунные глазница с ненавистью уставились на ребят.

— Стреляй, стреляй! — завопил Колька Врун. — Он прыгать собирается.

Степка на этот раз очень тщательно прицелился, и Миху шлепнул на деревянный на-

нувшись, запустил в Миху. Палка ударила-сь о бревно. Миху не пошевелился.

— Да разве в него попадешь. Видишь, он как блин растянулся на бревне, — сказала Лилька.

— Попаду, — пробормотал Степка и, размахнувшись изо всех сил, запустил палку в крышу. Она уткнулась в солому и застряла там. Степка огорченно поскреб затылок.

— Пушкой надо, — сказал Аркашка.

— Верно! — воскликнул Степка. — Давай, волоки сюда пушку.

Притащили пушку, установили, зарядили камнем. Степка прицелился и камень насквозь пробил крышу. Второй камень тоже оставил в крыше дыру. Изменили прицел, и камень, отскочив от бревна, чуть не пробил Самовару голову.

Миху лежал на бревне, как мертвый. А бомбардировка продолжалась. После очередного

стил сарая. Он попытался подняться и не смог. Миху, жалобно мяукая, пополз, волоча задние лапы.

— Бей его! — закричал Аркашка.

Митьке стало жутко. Он посмотрел на Лильку. У нее текли по щекам слезы. Дальше Митька не помнит, как все получилось. Он не помнил, как бросился на ребят, как расшвырял их, как ударил Степку по лицу.

— За что? — спросил Степка.

— Не смей! Слышите, не смей! Это наш кот! — не помня себя кричал Митька.

— Да он с ума сошел! — сказал Степка.

— Это ты с ума сошел, — и Митька кинулся на Степку, повалил его.

— Задушит, задушит! — заревел Самовар.

Братья Вруны навалились на Митьку и оттащили его от Коршуна. Степка встал, отряхнулся, поднял шапку, долго колотил ею по колену, потом нахлобучил до ушей, подошел к Митьке.

Митька закрыл глаза. Та неимоверная сила, с которой ему удалось расшвырять ребят, повалить Коршуна, куда-то внезапно пропала. Теперь он не мог и пальцем пошевелить. Он стоял и ждал, когда ударит Степка. Но Степка опустил руку.

— Не бойся. Я не такой, как ты, чтоб из-за паршивого кота бить своего товарища. — Он повернулся и пошел, сильно сутулясь. У двери остановился и сказал: — Прощай, Локоть. Больше мы с тобой не увидимся.

Ребята тоже ушли, оставив Митьку одного, а с ним и пушку, и избитого Миху, и задущенного кролика.

А дома Митька еще получил нахлобучку от матери. За обман, за то, что оставил открытой кроличью клетку и еще за кучу грехов, в которых он был повинен, Елизавета Максимовна прочитала ему нудную лекцию и отобрала валенки с полушубком. Митьке теперь было все равно. После этой безобразной драки ему не хотелось никому показываться на глаза.

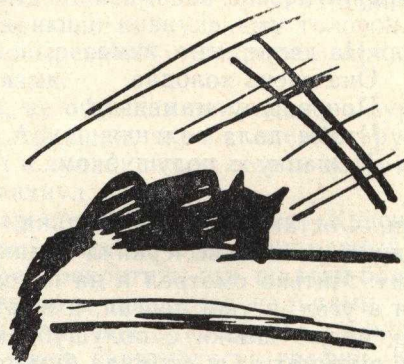
Митька взял книгу про войну и стал читать. Прочитал две страницы и ничего не понял. Прочитал еще раз и опять не понял. Из головы не выходила драка.

— Эх! — громко вздохнул Митька и покачал головой.

— О чем ты так тяжело вздыхаешь? — насмешливо спросила мать.

Митька не ответил. «А кто виноват? — мысленно спросил он себя. — Не только я. И Коршун тоже. Разве Миха его кролика за-

душил? Какое он имел право чужого кота убивать? Факт — никакого». Таким образом Митька доказал, что с его стороны драка была справедливой. Однако ему не стало от этого легче. Он вспомнил последние Степкины слова: «Прощай, Локоть. Больше мы с тобой не увидимся».

— Такого товарища потерять, — прошептал Митька, и ему стало так больно, что он невольно сквозь зубы застонал.

— Что с тобой, живот что ли схватило? — спросила Елизавета Максимовна.

Митька не ответил и притворился, что спит. Но он не спал и все думал. Думал он обо всем и обо всех: и об отце, который воюет с фашистами, и о ленинградских ребятах, но больше всего о Степке. Ему было до слез жаль, что так внезапно и глупо порвалась их дружба.

Глава VII

*Митька сочиняет стихи. Ошеломляющая весть. Чрезвычайное собрание.
Начало трудовой деятельности. Возвращение Коршуна.*

Елизавета Максимовна с рассветом ушла на работу. Бабка Люба подмела пол и усе-лась качать люльку. Митьке ничего не хотелось делать, даже книжку читать. Однако он скоро убедился, что ничегонеделанье — самое скучное занятие. Надо хоть что-нибудь да де-лать.

Митька вырвал из тетрадки лист бумаги и стал рисовать. Нарисовал дом с оградой и дорогу. Потом дорогу переделал в речку. Через речку перекинул мост с перилами. На перилах посадил воробья с вороной. Посреди моста нарисовал человека с кривыми ногами, огромной головой и руками, похожими на грабли. Критически оценив свое творение, Митька огорчился. Дом получился кособоким.

Он его кое-как выправил, на крышу поставил трубу и пустил из нее густой черный дым. За домом нарисовал зеленый лес, а над лесом — синее небо с облаками.

— Ну чем бы еще заняться! Бабка, ты сказки знаешь?

Бабка Люба махнула рукой.

— Не знаю я сказок.

— Ну какая же ты бабка, если сказок не знаешь? Вот у Пушкина была Арина Родио-новна, какие она сказки рассказывала! После них Пушкин стал стихи писать и сделался ве-ликим поэтом.

— Кем, кем, ты говоришь, он сделался? — неожиданно заинтересовалась бабка Люба.

— Поэтом! — закричал Митька. — Понимаешь, по-э-том!

— Не понимаю, — сказала бабка Люба.

«Хорошо бы самому сочинить какой-нибудь стишок», — подумал Митька. Он перевернул картинку и на обратной стороне вывел: «ЗИ-МА». Посмотрел на потолок, подергал ухо и его осенило:

«На дворе зима, зима,
Она очень холодна,
 Попрошу у маменьки,
Чтобы дала валенки
И шапку с полушубком...»

«Стоп, — остановил себя Митька. — Пошла нескладуха», — и он вычеркнул «шапку с полушубком». Митька смотрел и на потолок, и на окна, и в угол, и уши дергал, и в затылке чесал, но, кроме шапки с полушубком, ничего не смог выдумать. Он скомкал бумагу, бросил под стол и полез на печку.

На печке под связками лука на куске полоника лежал Миха.

— Болееешь? — спросил Митька. Миха открыл глаз и пошевелил хвостом.

— Что у тебя болит? Лапа? Эта? Ребра тоже болят? — Митька пощупал ребра. Миха зашипел. — Бедняга, даже охрип, — посочувствовал Митька.

— Может, ты есть хочешь? — спросил Митька.

Миха, разумеется, не ответил. Митька налил в черепок молока и поставил под нос Михе. Кот посмотрел на черепок с молоком и отвернулся.

— Ешь! — приказал Митька и окунул морду кота в молоко. Миха замотал головой, дернулся, и черепок опрокинулся.

В сенях послышался шум, дверь распахнулась и в избу вошли Елизавета Максимовна, Серафима Коршаткина — Степкина мать и Витька-счетовод. Серафима села на лавку и закрыла руками лицо.

— Слезай! — строго приказала Елизавета Максимовна сыну.

Митька сполз с печи, заправил в штаны рубашку и, как солдат, вытянулся перед матерью. Он понимал, — в чем-то его хотят обвинить, и теперь лихорадочно перебирал в уме, что же еще натворил.

— Где Степка? — спросила мать.

У Митьки гора с плеч свалилась.

— Не знаю.

— Врешь. По глазам вижу, врешь, — сказал Витька-счетовод.

— По каким глазам! — закричал на него Митька.

— Не ори, — сердито оборвала его мать. — Смотри мне в глаза!

Митька вынул глаза и открыл рот.

— Ты с ним вчера дрался?

— Дрался.

— Из-за чего?

— Из-за Михи.

Елизавета Максимовна в задумчивости прошла по избе, села рядом с Серафимой.

— Как же ты не заметила, когда он сбежал? — спросила она.

Серафима тяжело вздохнула.

— Да разве за ним уследишь! Пришла я поздно, уже стемнело. Зову «Степа, Степа», — не отвечает. Посмотрела на кровать. Лежит, накрывшись одеялом. Ну, думаю, пусть спит, и ужинать будить не стала. Утром истопила печку, уже завтрак готов, а он все лежит. Правда, поспать-то он любил. Но тут меня сомнение взяло. Как же это он за ночь даже на другой бок не перевернулся. И меня будто кто в сердце шилом кольнул. Подбежала к кровати, сдернула одеяло, а там свернутое батюкино пальто. Ну как мошенник ловко построил, словно под одеялом человек лежал.

— Запрягай лошадь и поезжай на станцию, — сказала Елизавета Максимовна.

— Ты думаешь, он там?

— Чему же удивляться? Я была в районе на совещании. Один председатель колхоза жаловался, что у него сразу двое сбежало на фронт.

— Батюшки мои, на фронт! — Серафима всплеснула руками, потом вскочила, торопливо завязала платок и побежала запрягать лошадь. За ней вышла и Елизавета Максимовна.

Митька оглянулся на бабку Любу и, подойдя к Витьке, сказал:

— Ты знаешь, он и меня хотел на фронт взять. Ух, как жалко, что мы подрались!

Витька насмешливо посмотрел на Локтя.

— Какой из тебя вояка.

Митька вспыхнул.

— Получше тебя-то! Ты бы ни за что не удрал на фронт.

— Конечно, нет, — спокойно ответил Витька.

— Сразу видно, что ты трус.

Счетовод снял шапку, повертел ее на пальце.

— Не трус, а разумный человек.

— Трус, трус, трус!

— Чего ты орешь, как дурак, — оборвал его Витька. — Подумай своей глупой башкой. Если все побегут на фронт, то кто же в тылу будет ковать победу?

— Кто? — переспросил Митька и ядовито

сказал: — Уж очень ты умным стал. Даже смотреть противно.

Счетовод с сожалением покачал головой и, заложив руки в карманы, направился к двери.

Весть о том, что у Серафимы Коршаткиной сын сбежал на фронт, в четверть часа облетела деревню и всех переполошила. Лаптя схватили на улице, приволокли домой и отобрали пальто с шапкой. Врунов закрыли на замок. Аркашку раздели догола. А когда он попытался в таком виде выскочить на улицу, жестоко выпороли. Всю ночь матери не спускали с ребят глаз. Утром у всех на языке был один вопрос: «Привезли Степку?»

Коршун пропал. Серафима Коршаткина вернулась со станции одна.

После завтрака Елизавета Максимовна открыла сундук и выкинула валенки с полушубком.

— Одевайся.

— Куда? — удивленно спросил Митька.

— На собрание, — ответила мать.

В правлении колхоза собралась вся деревня и даже ребятишки. Здесь были абсолютно все, кроме бабки Любы. И Локоть понял, что собрание это очень важное.

Когда Митька с матерью вошли, шум сразу стих. Витька-счетовод вылез из-за стола и сказал:

— Садитесь, товарищ председатель.

Елизавета Максимовна села, вынула из кармана измятый листок, разгладила его и сказала:

— Так вот, товарищи колхозники, дела у нас не очень хороши. Нам надо серьезно поговорить.

— Ась? — спросил дед Тимофей и поставил к уху ладонь.

Женщина в рыжей шубе наклонилась и громко сказала:

— Председатель говорит, что дела у нас плохие.

— Знамо дело, плохие, — глубокомысленно изрек дед и все засмеялись. Елизавета Максимовна постучала карандашом и встала.

— Товарищи колхозники, страна переживает тяжкую годину...

Она говорила долго. Рассказывала о том, с какими трудностями приходится сдерживать фашистов, о зверствах, которые творят гитлеровцы на нашей земле. Призывала здесь, в тылу, работать не покладая рук, чтобы помочь фронту. Сказала, что теперь в колхозе обязаны работать все, в том числе и ребята.

— Трудом надо воспитывать людей, — заключила свою речь Елизавета Максимовна.

Ее дружно поддерживали колхозники. Все выступавшие жаловались, что ребятишки без

отцов совсем от рук отбились и если их не заставить работать, то они, как Степка, уедут на фронт. Когда все высказались, Елизавета Максимовна объявила, что слово имеет Виктор Васильевич Семенов.

— Вот это да. Уже Виктор Васильевич, — сказал Самовар.

Елизавета Максимовна повернулась к Витьке и ободряюще кивнула ему головой.

— Выковыренный! — закричал Аркашка и показал язык.

Витька, не обращая внимания на дурацкую выходку Аркашки, встал, одернул рубашку, кашлянул в кулак, выпил стакан воды и вдруг резко взмахнул рукой.

— Товарищи ребята колхоза «Красный самолет», я обращаюсь к вам как равный к равным! Пора прекратить эти шалтай-болтай! — выкрикнул он и пощелкал пальцами. — Пора работать! — он опять пощелкал пальцами и, не найдя слов, схватился за графин. Колхозники засмеялись.

Елизавета Максимовна постучала карандашом, шум стих. Витька вынул еще стакан воды и вдруг затараторил, как пулемет. Речь Витьки сводилась к тому, что раз их отцы сражаются на фронте за Родину, то ромашкинским ребятишкам стыдно ничего не делать. Резко критиковал Степку Коршаткина. Внес предложение осудить его поступок и пропосочить на собрании, когда его приволокут с фронта.

— Кто же будет в тылу ковать победу, если все побегут на фронт? — воскликнул Витька и оглянулся. Все молчали. Витька рубанул кулаком воздух. — Мы, товарищи, своим трудом!

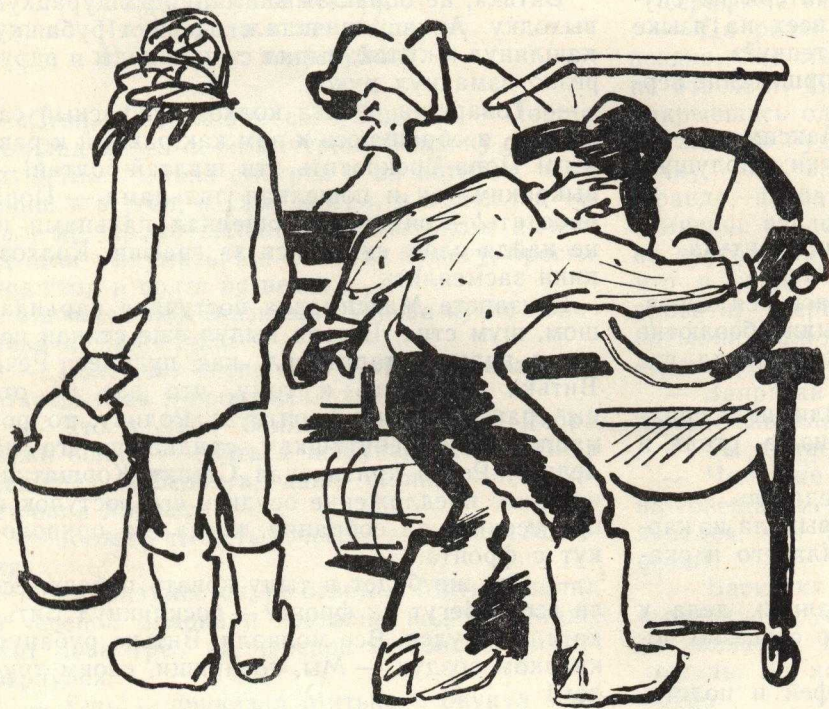
Он кончил и выпил еще стакан воды. Ему громко хлопали. Даже Аркашка аплодировал. Все-таки здорово Витька-счетовод выступил.

На этом собрание и закончилось. Елизавета Максимовна объявила, кому и куда идти сегодня работать. Митьку, Самовара, Лаптя и Лильку назначили в бригаду Натальи Махониной — старшей сестры Лильки — в лабаз, сортировать зерно. Вруны попали на скотный двор навоз возить. Без работы остался один Аркашка. Ему не было еще десяти лет. Аркашка обиделся. Сначала он погрозился сбежать на фронт, а потом заревел. Над ним сжалились и определили в одну бригаду с Митькой. Наталья Махонина собрала свою бригаду, насмешливо посмотрела на нее и сказала:

— Пошли, товарищи колхознички.

Наталья привела ребят в лабаз. Лабазом в Ромашках называли большой колхозный амбар. В нем хранился семенной фонд. По обеим

сторонам лабаза находились закрома: два с рожью, два с овсом, один с клевером, в шестом было немного гречихи, а седьмой совсем был пустой. Стены лабаза были увешаны лошадиной сбруей: хомутами, уздечками, седлами. Посреди лабаза стоял триер — сортировочная машина, с помощью которой отбирают годные на посев семена. Машина простая. Маховое колесо с приводными ремнями, длинный стан, в котором поставлены в три этажа сита. Верхнее сито с крупной ячейей,

нижнее — с мелкой. Когда вертят колесо, сита качаются, и таким образом зерно сортируется.

Митьке с Самоваром досталась самая тяжелая работа: крутить колесо. Лаптя назначили засыпать триер зерном. Лильку — отбирать очищенные семена. Аркашке досталась работенка пыльная, но зато самая легкая. Его поставили выгребать из-под триера мусор.

Работа закипела. Первые полчаса работали так, что пар шел. Митька с Самоваром даже сняли полушубки и засучили рукава. Однако скоро полушубки пришлось надеть. Еще час усердно крутили ручку и таскали корзинки с зерном. Когда пошел третий час, Самовар стал завидовать Степке.

— Молодец Коршун, что на фронт сбежал, а то бы и его заставили крутить это проклятое колесо, — сказал он.

Первым забастовал Аркашка. Он заявил, что ему надоело работать, и ушел. Ребята совсем выдохлись. Митька крутил колесо и считал:

— Восемьдесят пять, восемьдесят шесть... девяносто два...

Досчитав до ста, он остановил колесо. Самовар, внимательно следивший за счетом, запротестовал:

— Еще крути десять раз.

— Это почему? — возмутился Митька.

— Я следил, как ты считаешь. Восемьдесят, а потом сразу девяносто.

Митька не стал спорить и отсчитал еще десять кругов.

Неожиданно взорвался Лапоть. Он швырнул корзинку и принялся ругать Степку.

— Это из-за Коршуна желтоглазого нас засадили в лабаз. Если б он не сбежал, я сейчас бы на озере рыбу ловил.

*Митька хотел ему возразить, но так устал, что не было сил даже языком пошевелить.

Неожиданно явился Витька-счетовод. Размахивая портфелем и разметая полами батюшкиного пальто пыль, он прошелся по лабазу, солидно кашлянул и спросил:

— Ну, как поработали?

— Неплохо. Центнера три отсортировали, — сказала Наталья.

— Молодцы! — похвалил Витька, сел на мешок, вытащил из портфеля бумажку с карандашом и стал подсчитывать: — Одиножды нуль — нуль... семью девять — шестьдесят три... Полтора трудодня поделить на четырех. Итого, — громко объявил он, — каждый из вас заработал по тридцать семь соток.

— Значит, нам и трудодни будут писать? — удивленно спросил Лапоть.

— А ты думал как? — и Витька похлопал его по плечу. — Только давай старайся. Еще и в газете пропечатают.

Это было новостью. Ребята думали, что они работают так, задарма. Но оказывается, за трудодни. Значит, на них смотрят, как на взрослых. И усталости — словно не бывало.

За ужином Митька сообщил матери, что он сегодня заработал тридцать семь соток. Ели-

завета Максимовна взлохматила Митькины волосы.

— Устал?

— Чепуха. Только чуть-чуть лопатки болят.

— С непривычки. А втянешься, и все пойдет как по маслу, — сказала Елизавета Максимовна.

Полужинав, Митька прилег отдохнуть и не заметил, как уснул, а когда проснулся, было уже утро.

— На работу пора, — сказала мать.

«На какую работу?» — чуть не спросил он, но, вспомнив про лабаз, тяжело вздохнул...

В этот день Лапоть с Лилькой крутили колесо. Митька засыпал триер зерном. Работали до вечера, и Витька Выковыренный записал им по пятьдесят соток и выдал каждому личную трудовую книжку. На третий день перестали болеть руки. Митька подсчитал, что за это время он выработал полтора трудодня.

Степка все еще не возвращался, и ребята решили, что он уже давно воюет.

А на четвертый день, в обед, в лабаз прибежал Аркашка и сообщил, что со станции приехал милиционер и привез Коршуна с отмороженными ушами.

Глава VIII

Рассказ Коршуна о том, как он съездил на фронт.

Когда ребята прибежали к дому Коршуна, на крыльцо вышла Серафима и сказала:

— Не пушу.

— Почему? — закричал Аркашка.

— Он сам не хочет. Так и сказал: «Не пускай».

Ребята потоптались, посудачили и вернулись в лабаз сортировать овес. Однако работали они в этот день кое-как. Все время говорили о Степке.

— Почему он не захотел с нами видиться? — возмущался Самовар.

— Форсу на себя напустил, — отвечал Лапоть.

— А я знаю, почему он не захотел видиться, — заявила Лилька. — Ему стыдно. Не доехал до фронта и заморозил уши.

— А может, он их на фронте заморозил, — сказал Митька.

Самовар с Лаптем принялись спорить, были ли Коршун на фронте или не был. Лапоть уверял, что Степка испугался фронта и нарочно заморозил себе уши.

Митька в споре не участвовал. Он размышлял о том, как бы сегодня повидать Коршуна и узнать, что с ним случилось.

После работы он побежал к Степке. В нерешительности потоптался у крыльца, потом осторожно поднялся по ступенькам и постучал. Никто не ответил. Митька постучал сильнее, потом забарабанил кулаками, а потом стал бить в дверь ногой. За дверью раздался Степкин голос:

— Ты что, хочешь дверь сломать?

Митька замер и ждал, что еще скажет Степка. Но тот молчал.

— А я к тебе, Степ... — голос у Локтя про-

звучал так жалобно, что ему самому стало противно.

Брякнул крюк, дверь приоткрылась и показала голову, похожая на кочан капусты.

— Ух ты, — воскликнул Митька. — Как раненого забинтовали!

— Проходи. Не видишь, что я в одной рубашке из-за тебя здесь мерзну, — проворчал Степка. И опять на крюк закрыл дверь.

— Зачем ты так запираешься? Слово тебя украдут, — сказал Митька.

— Не твое дело, — обрезал Коршун.

Такого приема Митька не ожидал и растерялся. После драки он побаивался Коршуна. Теперь ему стало страшно. Митька оглянулся и выдавил испуганную улыбку.

— Чего это ты? — угрожающе спросил Коршун.

Митька задрожал и с перепугу выпалил:

— Ребята говорят, что ты нарочно отморозил себе уши.

— Почему нарочно?

— Испугался фронта, — невольно вырвалось у Митьки.

Коршун взял Митьку за грудки и скрипнул зубами.

— Кто сказал?

— Лапоть. Я не поверил и сказал, что он врёт, и даже хотел набить ему морду.

— Врешь, врешь. Сам, наверное, так же говорил, — и Степка принялся раскачивать Митьку из стороны в сторону.

— Не вру. Если бы я так говорил, разве бы я тогда к тебе пришел! — оправдывался Митька.

Степка перестал трясти Митьку.

— Ладно, — сказал он. — Я с этим делом разберусь.

Митька поднял с полу шапку, прошел к столу, сел на лавку.

— Матки дома нет? — спросил он.

— А ты, что, не видишь?

Разговор не вязался. Степка ходил по избе кругами и сердито фыркал.

Митька поднял голову и покосился на Степку.

— Ты на меня очень сердиться?.. За драку?

— На дураков и хлюпиков не сердятся, — буркнул Степка.

«За дурака и хлюпика меня считает. Вот уж до чего дошло», — с тоской подумал Митька.

— Здорово уши-то отморозил? — спросил Локоть.

— А ты думал как?

— Покажи, — невольно вырвалось у Митьки.

— Развязывай, — Степка повернулся к Митьке затылком.

Митька опешил.

— Развязывать? А матка что скажет?

— Наплевать. Мне надоело в бинтах ходить. Говорят тебе, развязывай, — приказал Коршун.

Митька стал развязывать. Снял бинты с ватой и ахнул. Уши у Коршуна разбухли, кожа полопалась и свисала ключьями.

— Ну как, здорово? — спросил Степка.

— Здорово. Толстые, как у поросенка.

Степка взял с комода зеркало, внимательно осмотрел свои уши и сокрушенно покачал головой.

— Точно, как у поросенка.

— Степ, расскажи, как ты съездил на фронт.

Степка пренебрежительно отмахнулся.

— Чего рассказывать. Съездил, да и все, — и выжидательно посмотрел на Митьку. — Ладно уж. Расскажу. Только, чур, не перебивать.

Митька поклялся молчать как рыба.

— Когда мы подрались с тобой, — начал Коршун, — я так обозлился, что хотел избить тебя, но не было времени. Надо было на фронт собираться. Пришел домой, пожрал как следует, положил в сумку краюху хлеба, три огурца и луковицу. Потом сел матери письмо писать, что ухожу на фронт. Написал письмо и разорвал. Если б я его оставил, то мамка сразу бы за мной — на станцию, и тогда крышка. Верно?

— Конечно, верно! — воскликнул Митька.

— В общем, письмо решил написать прямо с фронта. Оделся потеплее. На шерстяные носки портянки навернул. Взял сумку и пошел... Отошел немного от дома, гляжу, Пугай за мной лупит. С Пугаем, конечно, веселее идти. «Но, — думаю, — убьют еще собаку на фрон-

те, да и кормить ее нечем». Вернулся, привязал Пугая на веревку, попрощался с ним и пошел. Идти тяжело, снегу навалило пропасть. Вот дурак, что лыжи не взял. Хотел воротиться за лыжами, да побоялся. Темнеть начало. Дотащился до села Раменье. Устал, как черт. Хотел попроситься к кому-нибудь на ночлег, а потом раздумал. Начнут расспрашивать: «Кто такой? Куда? Зачем?» Отыскал сарай, закопался в сено, поел хлеба с огурцами и лег спать.

— И не страшно было одному? — спросил Митька.

— А чего бояться, на фронте, небось, пострашней. А ты не перебивай, а то и рассказывать брошу, — вскипел Степка.

Митька дал слово, что он даже не пикнет. Степка продолжал:

— Проснулся чуть свет, доел горбушку с огурцами и пошел. От села Раменье дорога гладкая, накатанная — в один час до станции добежал. Стал дожидаться эшелона на фронт. Поезда идут один за другим — и все мимо. Ждал, ждал, замерз и жрать хочется. А у меня осталась одна луковица. Ну и ругал же я себя, что хлеба мало взял. Другой раз бежать буду, так сначала сухарей насушу. Пошел на пункт, где эвакуированных кормят, подстрелить хоть какого-нибудь супчишку. Встал в очередь, подошел к окну, а мне говорят: «Давай талон». А где я возьму талон? Я же не эвакуированный. Верно?.. Ну я им наврал: сказал, что потерял талон. Повариха поморщилась, а потом говорит: «На, лопай и не ври!» А супчишко во! — и Степка показал большой палец, — наваристый, с макаронами, обьеденье. И опять побежал на станцию, ловить эшелон. Два часа ловил, и хоть бы один остановился. Все на фронт чешут, а земля дрожит и искры из-под колес хлещут. Замерз стоявши. Побежал на вокзал греться. А там народу — иголке не пролезть. А я пролез. Пробрался к печке, уселся, сижу, греюсь. Вдруг слышу знакомый голос: «Граждане, вы моего мальчика здесь не видели?» Глянул я и обомлел — матка с кнутом. Вот уж тут я настоящему труханул. Она бы с меня кнутом шкуру спустила. Сам знаешь, какая она горячая. Заполз под лавку, завалился за мешки и притаился, как заяц. А мамка все ходит и ищет меня. Не знаю, сколько она меня искала, только я уснул. А когда проснулся, смотрю — уборщица пол подметает. Увидела меня под лавкой и давай по рукам веником хлестать. Вылез я из-под лавки и побежал эшелон ловить. А его и ловить не надо. Стоит себе и как будто меня дожидается. Вагоны открыты. У дверей сгрудились солдаты, курят,

смеются. Я спросил, куда едут. «Куда и все», — отвечают. Я сразу же догадался, что на фронт. Куда ж теперь все едут, верно? Стал проситься, чтоб и меня взяли.

— И взяли? — не удержался Митька.

— Взяли... Как же, держи карман шире, — мрачно ответил Степка и закричал: — Я тебе сказал — не перебивай, ты хочешь, чтоб я сбился и все снова начал?!

— Не буду, не буду, — замахал руками Митька. — А если хоть слово пикну, делай со мной, что хочешь, хоть по уху бей.

— Ладно, — сказал Степка и продолжал свой рассказ. — Посмеялись надо мной солдаты и сказали, чтоб я не выкидывал фокусов и немедленно отправлялся домой. Я пошел к другому вагону. Там тоже стали по-разному насмехаться, а один бородатый солдат хотел даже выпороть. Уж и ремень снял. Я не стал дожидаться, когда станут лупить, и бросился бежать. А эшелон длинный, вагонов сто. Бежал я, пока не выдохся, а потом остановился и хлопнул себя по лбу: «Дурак ты, Степка. Разве ж так уедешь на фронт. Надо применить военную хитрость». А паровоз уже пары пускает. Вот-вот тронется. Подбежал я к вагону и давай реветь.

— Нарочно? — удивился Митька.

— Конечно.

— Как же это тебе удалось, нарочно?

— Когда надо, и нарочно заревешь. Ты опять за свое... — И Степка поднял кулак. Митька сжался и втянул голову в плечи. — Стою и реву во всю глотку. Солдаты из вагона выскочили и давай меня успокаивать. Я нарочно для виду успокоился и стал просить их подвезти меня до города. Солдаты стали пытаться меня — «до какого города?» Я сказал, что забыл. Тогда они стали вспоминать. И один солдат сказал, что, наверное, до Вологды. До нее от нашей станции сто пятьдесят километров. Я ужасно обрадовался. Сто пятьдесят километров! Шутка ли! А там и до фронта рукой подать. Они опять стали меня пытаться, зачем я еду в Вологду. Я опять применил военную хитрость: сказал, что мамка у меня там, а жил у бабушки в деревне, в селе Раменье. Здорово я придумал?

— Здорово. Ну и мастер же ты пули отливать, — восхищенно сказал Митька. — И они поверили?

— Поверили и уговорили командира взять меня в теплушку. Командир сказал: «Ладно, возьмем. Но если обманул, то уши выдергаю». Хороший командир — молодой, весь в ремнях и пистолет на боку. Посадил меня в теплушку

к печке. Ух, и шикарно было ехать. Солдаты все про войну рассказывали. Ужинал вместе с ними из полевой кухни.

— Врешь! — воскликнул Митька.

Степка усмехнулся.

— Попробуй соври так. Целый котелок пшенной каши умял. Ты, Локоть, и в жизни такой каши не едал.

Митька вздохнул:

— А потом?

— Потом опять стали байки про войну рассказывать. Много разных баек, всех не упомнишь. Я даже не заметил, как заснул. Утром будит меня командир и говорит: «Вставай, парень, приехали. Твоя Вологда». «А я думал, фронт», — сказал я и от страха язык прикусил. Командир уставился на меня и говорит: «Постой, постой, ты не на фронт ли собрался?» Я весь обомлел. «Ну, — думаю, — сейчас он мне выволочку даст, а потом назад домой повернет». Схватил я свою сумку с луковицей и из вагона кувырком... Станция Вологда в сто раз больше Веригина. Эшелонов, поездов тьма-тьмушая, и ни в один не пускают. До фронта рукой подать. Решил я день просидеть на вокзале, а ночью на платформу под какую-нибудь пушку или танк забраться. Ехать-то чепуха. Слышно, как пушки бухают.

— И здорово было слышно? — спросил Митька.

— Не так, чтобы очень, а если хорошенько прислушаться, слышно. Ну, ты не перебивай меня, а то плюну и рассказывать не буду... Просидел я на вокзале до вечера, съел последнюю луковицу, а жрать так хочется — аж в глазах свербит. Стемнело, подтянул ремень на последнюю дырку и пошел под вагонами шнырять, как заяц. Часовые злые, как черти. «Стоять! Кругом! Стрелять буду!» — и затворами щелкают. А один даже стрелять начал.

— Да ну! — ужаснулся Митька.

— Я между рельс лег и руками голову закрыл. А пули шашь, шашь и все мимо. Пострелял он, пострелял и бросил. Наверное, подумал, что убил. А я дальше пополз. Гляжу, стоит длиннущий поезд с танками. Часового не видно. Я потихоньку забрался на платформу и под танк.

— Чего же ты меня с собой не взял? — простонал Митька.

Степка насмешливо посмотрел на Локтя и продолжал:

— Лежу под танком, жду, когда поезд пойдет. Целый час, наверное, стояли, наконец, поехали. Вначале было ничего, потом ужас как холодно. Ветер хлещет, до костей прохватывает. «Ну, — думаю, — этак я не на фронт

попаду, а в «могилевскую» губернию спичками торговать. Помнишь, как Васька Тракторист говорил про покойников? Поехал, мол, в «могилевскую» спички чертям продавать.

Митька захохотал, а Степка обиделся.

— Тебе смешно. Побыл бы ты на моем месте, небось, в сосульку бы превратился. А я выжил! Ночь морозная, ветер злой. Душа, надо как-то спастись. Вылез из-под танка. Смотрю — люки открыты. Я обрадовался. Можно хоть малость погреться в танке.

Митька схватил Степку за руку.

— Неужто в танк забрался?

— Забрался! — Степка тяжело вздохнул. — Только когда залезал — шапка с головы свалилась, ветер ее подхватил и унес. Остался я без шапки. Хорошо, у меня волосы густые, как овчина. Пощупай, какие у меня волосы.

Митька пощупал Степкины волосы и сказал, что они густые, как баранья шуба.

— Если б не волосы, наверняка бы отправился в «могилевскую». Ты думаешь, в танке тепло? Ха, тепло! В погребе в сто раз теплее. Сжал я зубы и еду. А холодно нестерпимо. Вдруг, как кольнет мне уши. Словно гвоздем их через голову насквозь проткнули. Схватился я за уши — как ледышки. Пошелкал — звенят. Я давай их щипать. Из всех сил щиплю — не больно. Ну, я догадался, что отморозил уши. Если бы снег был, я их сразу бы оттер. А где же в танке на платформе снег? А поезд мчится, как сумасшедший.

— А дальше? — спросил Митька. — На фронт-то попал?

— Попал, — неохотно ответил Степка. — Как раз к самому фронту поезд подошел.

— Рассказывай, рассказывай. До самого интересного места дошел и молчит, — возмутился Митька.

— Да чего рассказывать, — Степка посмотрел на потолок. — Разыскал главного начальника фронта и сказал ему, что воевать приехал. Он мне говорит: «Поезжай домой лечить уши. Какой же ты вояка без ушей?» Да я и сам понимал — какой же я боец без ушей. — И Степка тяжело вздохнул. — Если б я не потерял шапку, теперь наверняка бы в разведку ходил за языком. Из-за чего погорел? Из-за дурацкой шапки.

— Глупо из-за шапки погореть, — посочувствовал Митька.

Степка подошел к окну, стал пристально разглядывать запущенные инеем стекла.

— Ну, а потом? — спросил Локоть.

— Потом забинтовали мне уши и повезли в Веригино.

— А как тебя везли? — пытал Митька.

— Поездом повезли. Понятно? — сердито ответил Степка.

— Каким? Санитарным, с ранеными вместе?

— Конечно, санитарным и с ранеными вместе.

— А почему тебя в госпиталь не взяли?

Такого вопроса Степка, видимо, не ожидал. Он нахмурился и буркнул:

— Сам не захотел в госпиталь.

Митька хотел сказать: «Не ври», — но побоялся, что Степка обидится и совсем перестанет разговаривать. Все же, что говорил Коршун, Митька верил и не верил.

— А фронт ты видел? — спросил он.

— Конечно, видел! — озлобленно закричал Степка. — Совсем рядом был!

— Какой он?

— Обыкновенный. Пушки выстроились в ряд и лупят почем зря. Пулеметы строчат... танки. Самолетов там больше, чем ворон в нашей деревне. Все время летают и бомбят. В общем, Локоть, фронт есть фронт. Это тебе не в снежки с Лаптем играть. Там в один миг голову снесут. Свалится сверху вот такая штукенция, — Степка показал руками, — и, как муху, прихлопнет.

Однако это не очень-то убедительно звучало, и Митька продолжал допрашивать.

— Фрицев ты видел?

Степка презрительно усмехнулся.

— Мне на них и смотреть-то надоело.

— Какие они?

— А ну тебя. С таким дураком и разговаривать не хочется.

Митька обиделся.

— Пусть я буду дурак. А ты все это выдумал.

Степка засмеялся, потом вытащил из-под кровати мешок и, загадочно улыбаясь, спросил:

— По-твоему, я все выдумал? Хорошо. Попробуй ты так выдумать.

Он развязал мешок, покопался в нем и вынул горсть патронных гильз. Митька схватил их и стал внимательно рассматривать.

— Фашистские, — пояснил Степка. — А сейчас я тебе покажу такое... Смотри, чтоб глаза не лопнули, — и он вытащил немецкий пистолет с обгоревшей рукояткой и без курка.

— Вот это да! — ахнул Митька. — Дай хоть в руках подержать.

Теперь Митька не сомневался, что Степка был на фронте и очень ему завидовал. Он готов был бежать на фронт сегодня, сию минуту, даже не поужинав. Степка насмешливо посмотрел на Митьку и снисходительно похлопал его по плечу.

— Вот так-то, товарищ Локотков. Теперь поверил, что я был на фронте?

Митька заглянул Степке в глаза и прошептал:

— Опять на фронт собираешься?

— Кто тебе сказал?

— Сам же говорил, что сухари сушить будешь.

Степка оглянулся на дверь, подошел к Митьке, взял его за ворот рубашки и прошипел сквозь зубы:

— Поклянись, что не развонишь.

— Честное пионерское.

Степка поморщился.

— Это не клятва. Клянись жизнью матери.

Митька горячо поклялся жизнью матери.

— Так вот, слушай. — Степка посадил Митьку на стул и облокотился ему на плечи. — Как только заживут уши, начнем готовиться. И не так, как я, наобум, даже шарф повязать забыл. По-настоящему, организованно. Надо вести себя так, чтоб никто и не подумал, что мы на фронт собираемся. Чтоб комар носа не подточил. Знаешь, как теперь за нами следить будут!

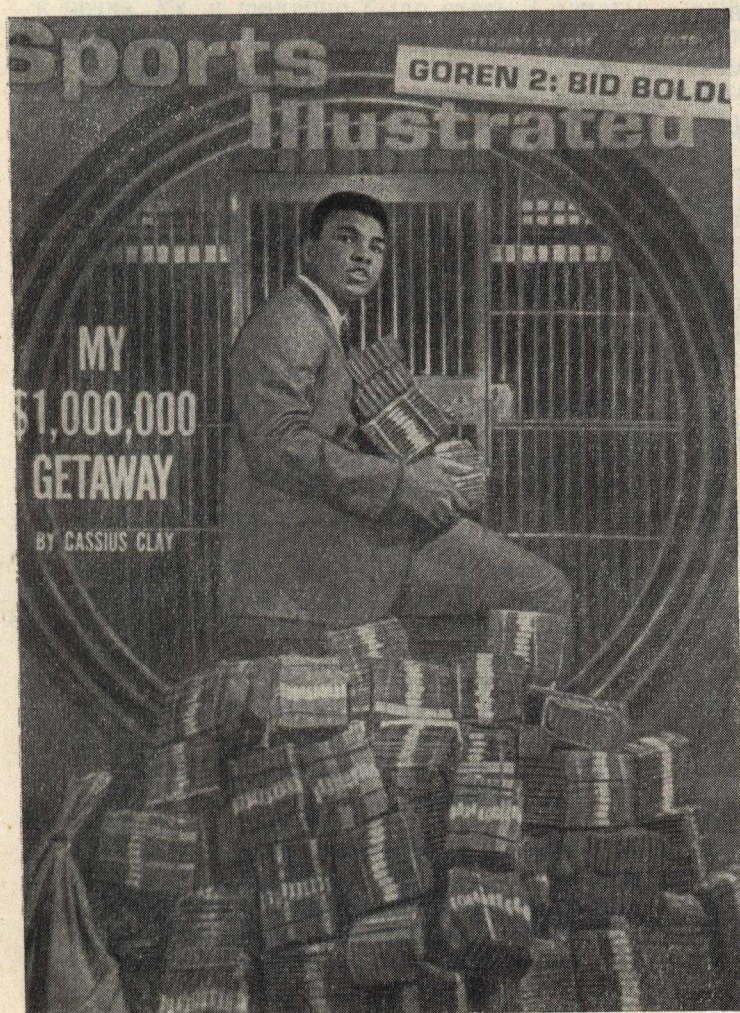
— Уже глаз не спускают, — пожаловался Митька.

— Надо слушаться, подчиняться, работать хорошо. Завоевать доверие. И второе условие — сухари сушить. Без сухарей на фронте делать нечего. А самое главное — молчать. Никому ни слова. Будешь молчать?

— Клянусь жизнью матери! — воскликнул Локоть.

— А то во-о-о! — и Коршун показал кулак.

Окончание следует

ИЗУРОДОВАННЫЙ СПОРТ

Ю. Коршак

Что это за человек уселся верхом на груды банкнот и мешков с золотом? Это Кассиус Клей, чемпион мира по боксу среди тяжеловесов-профессионалов. Такой рекламный снимок появился однажды на обложке американского спортивного журнала; мораль проста — иди в профессионалы и ты станешь богачом.

А соперник Клея, бывший уголовник, здоровенный Сони Листон! Его жест недвусмыслен. Листон грозит кулаком своему будущему конкуренту. Вид боксера довольно зловещий, но не пугайтесь, это всего-навсего лишь безбидная реклама.

Примерно такая же, как на снимке, где изображены хоккеисты. Не думайте только, что все они из разных команд. На свитерах игроков начертано название фирм и товаров. Такой оригинальный способ применили торговые фирмы Швеции.

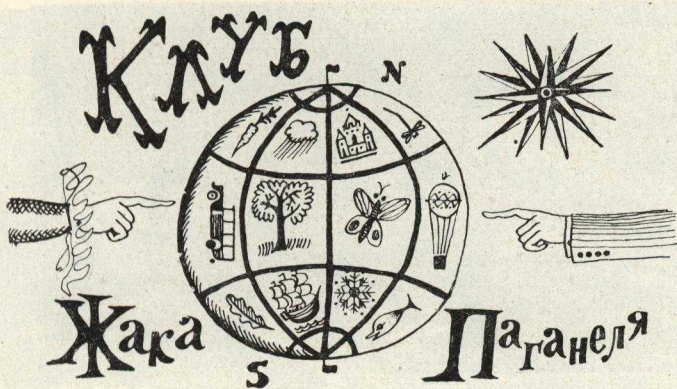
Несутся на бешеной скорости мотоциклисты. Идет гонка профессионалов. Скорость более 150 километров в час. Крутой поворот, казалось, не смущает спортсменов, но... произошла авария: двое водителей уже распластались на шоссе. Сейчас на полном ходу в упавшую машину врежется следующий гонщик. Устроители гонок довольны: болельщики-толстосумы любят такие сцены.

Частенько синяки и шишки достаются профессиональным футболистам и от самих болельщиков. На снимке вы видите, как разъяренные зрители покинули трибуны стадиона и ринулись на поле, чтобы свести счеты с негодившимися им игроками. Полиция тщательно пытается удерживать хулиганов. Дело происходит в Аргентине. Но подобные сценки характерны не только для южноамериканского футбола. На стадионах Италии, Англии, Испании такое тоже случается.

Роллер-кеч — чудовищное дитя профессионального спорта. Какие-то предприимчивые дельцы выдумали эти состязания. Две команды, составленные из спортсменов, надевают роликовые коньки и устремляются по полотну велосипедного трека к финишу. Задача — быстрее достичь его. При этом все средства хороши — можно толкать, бить и даже кусать соперниц.

Фото из зарубежных журналов

Гимнастика памяти

Вызвали тебя к доске — рассказывать про лягушку. Ты вышел и ничего не можешь вспомнить. А ведь читал вчера в учебнике про эту несчастную лягушку, читал! И вот: все что угодно в памяти — только не лягушка...

Ты идешь из школы домой. Хорошо ли знаком тебе этот путь? Возле школы строят новый дом. Что изменилось на строительной площадке с утра? Сколько рядов кирпичей прибавилось? А новенькие оконные рамы второго этажа — они были утром или их вставили, пока ты учился? И разве строительный кран стоял утром у левой части дома, а не у правой?

Глазеть по сторонам — этому учиться не надо, это ты и сам умеешь. А вот смотреть так, чтобы видеть; слушать так, чтобы слышать; смотреть и слушать так, чтобы запомнить, — этому учиться нужно. И прежде всего в школе, на уроках. Запомни правило: хочешь быть внимательным — будь им. Хочешь обладать цепкой, хваткой памятью — тренируй ее, как тренируют спортсмены свои мышцы.

А с упражнениями этой «гимнастики» тебя познакомит сегодня преподаватель Ленинградского института театра, музыки и кино Сергей Васильевич Гиппиус.

Вспомни
обложку
книжки!

Все равно, какую книжку ты будешь вспоминать. Помнишь, например, книгу писателя Драгунского «Заколдованная буква»? Ну-ка, припомни, что нарисовано на обложке? Нет, не беги за книжкой, сначала постарайся вспомнить.

Кажется, там трое ребят нарисовано. Ну да, Мишка, Дениска и Аленка. Аленка наверху, в окошке, что ли. А Мишка с Дениской внизу, под названием. А еще что нарисовано?

Возьми книжку, посмотри. Разглядывай обложку секунд десять — сосчитай до десяти и все. Теперь закрой глаза, вспомни, что нарисовано. Да, Аленка наверху. Руки сложила и глаза закатила, притворяется, что все на свете знает. Дениска на Мишку пальцем показывает. Это ты вспомнил. А какая шапка у Аленки? А у Мишки на шапке что? А шарф у Дениски какого цвета?

Еще раз посмотри на обложку. Сосчитай до пяти, не больше.

Сделай так несколько раз — разглядывай, потом вспоминай и обдумывай. Сокращай время разглядывания. Сначала на счет раз-два-три. Потом на раз-два. А потом действуй, как будто ты фотографируешь с моментальной экспозицией — посмотри и сразу же отвернись. И каждый раз «проявляй отпечатки», вспоминай со всеми подробностями: а что еще нового ты успел заметить.

Вот такими упражнениями и развивается наблюдательность, а значит, хорошая зрительная память. Или такими —

Кто твой лучший друг? Женька? А можешь ли ты подробно описать его? Какие у него волосы, как он причесан, какого цвета у него глаза, какой он портфель носит, как он улыбается, как сердится?..

Вот так лучший друг — ты не можешь вспомнить даже, есть ли у него веснушки! Не помнишь, что на щеке его большая родинка!

Знаешь что: не пытайся вспоминать сначала Женькин нос, потом ухо, потом руку. По частям можно только картинки или фотографии вспоминать. И всякие неодушевленные предметы. А Женька — предмет одушевленный, человек. И ты помнишь его не безмолвной статуей, а живым, непрерывно действующим. Вот и старайся припомнить его в действии. Вспомнишь, как он пошел вчера к доске отвечать — и сами собой придут воспоминания о его внешнем облике.

И все-таки ты убедишься, что снова не вспомнил многого. А ты еще хвастался, что знаешь друга, как свои пять пальцев.

Ну, а знаешь ли ты свои пять пальцев?

Вспомни
человека!

Спрячь руки за спину, сядь напротив сестренки или товарища и подробно расскажи о своих пальцах. Какой они длины и формы, какие складочки на сгибах, какой формы ногти, как видны белые луночки у основания ногтей, одинаковы ли они на всех пальцах. А царапину забыл? Какая она, где?

Рассказал все, что вспомнил? Теперь покажи ненадолго сестренке свои пальцы, пусть проверит твой рассказ. Сам за это же время рассмотри их и снова — руки за спину! Рассказывай еще!

Если у тебя собралось несколько товарищей, ты можешь устроить с ними состязания в наблюдательности. Назовем эти состязания так:

Нужны две команды «зрительных снайперов», от двух до пяти человек в каждой. Игроки команд устанавливают на своем «поле» зрительные мишени, — для этого надо, чтобы у каждой команды был свой небольшой участок комнаты (а лучше, если «поля» команд будут в разных комнатах). Там игроки ставят разные предметы в строго определенном порядке. Например, расстилают на полу газету, на нее кладут три книжки, рядом ставят стакан с несколькими цветными карандашами, какие-нибудь игрушки — деревянного ослика, например, а на него, как всадника, Буратино, повязанного ленточкой.

Мишени установлены. Теперь снайперы команды противника должны с закрытыми глазами подойти к вашему полю, открыть глаза, на счет раз-два-три рассмотреть мишени, закрыть глаза и отвернуться. Пусть они теперь подробно расскажут, какие мишени установлены на вашем поле и в каком порядке. Каждая ошибка — очко в вашу пользу.

После этого противник ведет вас к своему полю. Можно делать так: каждому игроку завязывает глаза противник из другой команды. Он подводит игрока к мишеням, снимает с его глаз повязку, отсчитывает «раз-два-три» и снова надевает на игрока повязку.

Чья команда набрала больше очков?

Вот еще упражнение для двух команд —

Обе команды садятся рядом и за одну минуту рассматривают всю комнату и ребят. Нужно отыскать все предметы, названия которых начинаются с какой-нибудь одной буквы. Например, с буквы «С».

Через минуту начинается подсчет очков, — игроки то одной, то другой команды говорят по одному слову, а судья подсчитывает. Каждое слово — очко:

- Стул.
- Стол.
- Стена.
- Стекло.

Помни, если в комнате несколько стульев, это не значит, что можно несколько раз говорить «стул».

Но почему молчит игрок вашей команды? Он очень невнимателен. Можно найти еще много предметов на букву «С». Рассмотрите все детали окна, книжки, одежды:

— Сборник, страница, сгиб, скрепка, сандалеты, ступня, спина, сукно, сатин, стежки, складки, сорочка, снимок, сверток, спички, сиденье, спинка, сталь...

И даже:

— Солнце, свет...

И даже (правда, лучше, чтобы этого не было):

— Синяк!

У кого больше очков?

А теперь сделаем несколько упражнений, похожих на те, которыми занимаются будущие космонавты. В этих упражнениях ты научишься мысленно ориентироваться в пространстве и тоже укрепишь свою зрительную память. Одно из них —

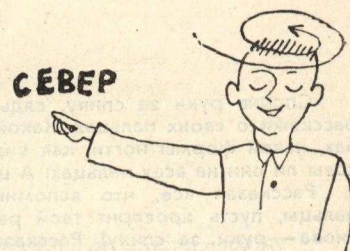
Упражнение делай вместе с товарищем. Каждый из вас поочередно будет «компасом».

Встань в центре комнаты, лицом к югу. Знаешь, куда выходят окна твоей комнаты, где юг? Если не знаешь, проверь по компасу. Когда встанешь лицом к югу, хорошенько запомни южную стену комнаты, все, что на ней висит, и всю мебель, которая возле нее стоит. Отпечатай эту стену покрепче в своем воображении. Посмотри налево и запомни восточную стену. Повернись назад и запомни северную стену. Потом западную.

Закрой глаза. Пусть твой товарищ называет в любом порядке: «Юг!.. Север!.. Запад!.. Восток!.. Восток!..» Он называет стороны света, а ты представляй себе стенки комнаты — в том же порядке.

Теперь самое интересное. Товарищ будет крутить тебя в разные стороны, ты не теряй воспоминаний — где северная стена, где южная. Вот он остановил тебя. Твои глаза по-прежнему закрыты. В каком ты теперь новом положении? Сумел ли ты сохранить ориентировку? Где юг? Где запад?

Если сразу не получилось, попроси товарища крутить себя помедленней. Другое упражнение —

Ты не раз, наверное, искал карандашом выход из лабиринта. (Такие картинки часто встречаются в журналах.) А сегодня мы сделаем лабиринт в комнате.

Поставь в любом порядке несколько стульев посреди комнаты и придумай себе маршрут, — нужно пройти так, чтобы с закрытыми глазами обойти вокруг каждого стула и вернуться на старое место.

Но чтобы лучше потренировать свою зрительную память, пройди сначала весь этот путь с открытыми глазами. Иди и запоминай все повороты. Если ты не будешь торопиться, то запоминать повороты будут не только твои глаза, но и все мускулы твоего тела — у них ведь тоже есть память.

Прошел? Теперь встань в начале маршрута и пройди его мысленно, в своем воображении. Представляй себе, как будто ты идешь, огибая каждый стул.

Теперь закрой глаза и отправляйся в путь. Постарайся идти так, чтобы не задеть ни одного стула.

Ты можешь вместе с товарищем устроить состязание «Путь по лабиринту». Каждый раз, когда кто-нибудь из вас заденет стул, засчитывается одно штрафное очко.

Кто получил их меньше всех?

* * *

Ты сделал все эти упражнения. Улучшилась ли сразу твоя зрительная память? Стал ли ты внимательнее? Вряд ли. Зато тебе стало яснее, что такое внимание и зрительная память. И ты понял: чтобы они улучшились, окрепли, надо их упражнять постоянно и систематически.

А упражнений, которые помогут тебе укрепить внимание, наблюдательность, зрительную память, может быть великое множество. Попробуй придумать их сам или вместе со своим пионерским звеном. И напиши нам, что придумали.

В отделе информации.

Отдел информации подводит некоторые итоги:

1. В декабре 1965 года Паганель был в Париже и собирался выехать в Ленинград на открытие Клуба его имени...

2. В январе 1966 года Паганель таинственно исчез...

3. Несколько позднее Шерлок Холмсом в Гавре была найдена записная книжка Паганеля, в которой до сих пор осталась неразгаданной последняя, шестая страница: «Лермонтов, 7.05».

4. В марте или апреле Паганель миновал остров, трижды менявший свое название. Этот остров был открыт Колумбом 6 декабря 1492 года и назван Испаньолой. Во времена флибустьеров переименован в остров Сан-Доминго. Ныне — остров Гаити.

5. Если после полуночи (а дело происходило, вероятно, в первых числах мая) Паганель видел над голо-

вой альфа Феникса, а над горизонтом — Южный Крест, следовательно, он находился в южном полушарии, на долготах, близких к пятидесятым, считая к западу от Гринвича, то есть где-то недалеко от берегов Аргентины.

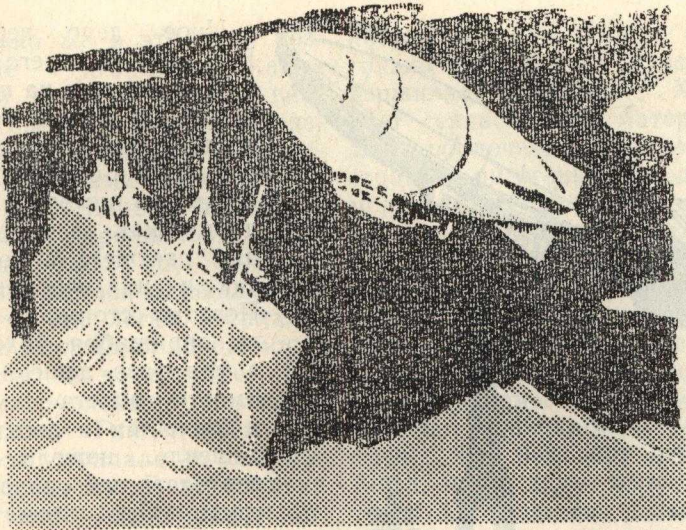
6. Пролив, названный Магелланом «Проливом святых», ныне Магелланов пролив. Следовательно, в настоящий момент Паганель уже в Тихом океане и плывет на одном из тысяч кораблей, пересекающих его воды во всех направлениях...

Настоящие итоги подведены после тщательного изучения писем читателей «Костра», их классификации, проверки данных и консультаций со многими специалистами.

КЛУБ ЖАКА ПАГАНЕЛЯ отмечает особенно интересные письма, содержавшие очень важные сведения: Вали Портновой из Уральска, Лены Онкиной из Москвы, Иры Аншаковой из Кишинева, Наташи Жоховой и Лены Рябининой из Барнаула, Саши Жогина из села Федяково,

Наташи Кивит из Кемерово, Нины Журавлевой из Салехарда-2, Любы Карпуниной и Клары Цыгиной из Камышина, Оксаны Мирошниченко из Риги, Васи Прикордонного из Киева, Миши Федосеева из совхоза «Зеленый ключ», Бори Крышкина из Кировограда, Зиновия Быховского из Москвы, Игоря Огнева из города Жуковский, Кирилла Голдовского из Ленинграда, Гали Чистяковой и Гали Зезюлевич из Алма-Аты, Сергея Гусякова из Сызрани, Лени Сойфера из Харькова, Лены Миндлинной из Ленинграда, Лени Собина из Кривого Рога, Сергея Тимошенко из зерносовхоза «Киргизия», Сергея Колесникова из Аткарска, Люды Романовой из деревни Успенка.

КЛУБ ЖАКА ПАГАНЕЛЯ особо отмечает письма Саши Чепуренко из Москвы, Сергея Буяновского из Баку и Владимира Гульдаса из Одессы и передает им большую благодарность Шерлока Холмса, который воспользовался некоторыми сведениями из их писем.

БУДУЩЕЕ ДИРИЖАБЛЯ

Вадим Инфантьев

«Уверен, знаю, советские дирижабли будут лучшими в мире».

К. Э. Циолковский

Никто из ребят не видел «живого» дирижабля, о нем они могли лишь слышать от взрослых или увидеть в фильме «Гиперболоид инженера Гарина». Кстати, снятый в фильме дирижабль был недавно построен по проекту Нижне-Тагильского общественного конструкторского бюро.

Сейчас в нашей стране возникло много таких конструкторских бюро и самое большое — в Ленинграде. Им руководит инженер Александр Николаевич Дмитриев (его трудовой стаж — 50 лет!); научное руководство осуществляет старейший воздухоплаватель страны профессор Александр Григорьевич Воробьев. Об этом бюро уже писали в «Костре».

Что же заставляет этих почтенных людей вместо отдыха заниматься экономическими и инженерными расчетами, изучать трудные книги по дирижаблестроению?

Я более двадцати лет отслу-

жил на военной службе, плавал инженер-механиком на подводных лодках, позже занимался научно-исследовательской работой. Почему же я вдруг из-под воды полез в небо, увлекся воздухоплаванием?

Отвечу вопросом: почему многие ребята объединяются в отряды Красных следопытов, в тимуровские команды, в зеленые патрули и вместо веселых игр занимаются серьезным и важным делом? Так же и экономисты, инженеры — люди разных специальностей добровольно берутся делать то, что важно для страны. Они такие же энтузиасты, как и Красные следопыты и тимуровцы, и различает их только возраст и образование.

С 1961 года я стал писать рассказы. И когда пишу, моя логарифмическая линейка, с которой я не расставался много лет, лежит на столе без дела и смотрит на меня вроде как с упреком. И сам

я чувствую: мне чего-то не хватает.

Я знаю: осваивать богатства Сибири трудно. Они скрыты в болотах и трясинах, в непроходимых чащах таежных лесов, в глубине гор. А не помогут ли, подумал я, здесь дирижабли? И стал читать книги о дирижаблях. Это для меня близкая область: ведь дирижабль и подводная лодка строятся и действуют по одним и тем же законам физики: закону Архимеда и законам сопротивления среды. Только среды, в которых эти сооружения плавают, различны по плотности, а расчетные формулы почти одинаковы.

Так я начал работать в Ленинградском общественном конструкторском бюро вместе с инженерами-строителями, моряками, авиаторами. Теперь нас более семидесяти человек.

Недавно у нас появился могучий союзник — юные энтузиасты из Великолукского ремесленного училища № 8 во главе с директором В. В. Дряхленковым. По проекту нашего бюро они хотят построить управляемую по радио летающую модель, длиной в десять метров — прообраз будущего воздушного корабля. На эту модель мы возлагаем большие надежды, и ребята приобретут опыт, а когда в нашей стране приступят к строительству гигантских дирижаблей, их опыт пригодится. Вспомните, все знаменитые авиаконструкторы: Яковлев, Туполев, Лавочкин, — начинали свой путь с авиамоделизма.

Сейчас в Тюменской области открыты богатейшие залежи нефти, да еще какой. Есть скважины, нефть из которых можно заливать прямо в баки тракторов. Но как добраться до этой нефти? Нужно привезти стальные буровые вышки, машины, построить дома для нефтяников, дать в поселки воду, электричество и вывозить

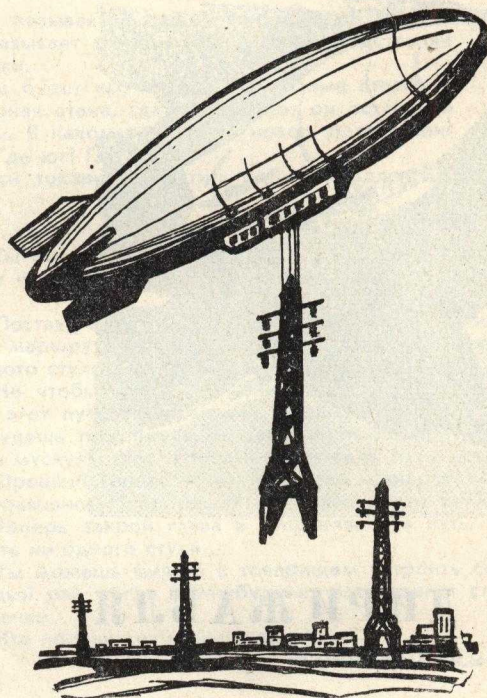
добытую нефть... Кругом тайга и трясина шестиметровой глубины. Проложить железную дорогу? Но понадобится срыть целые горы и засыпать ими трясина. Это будет и очень дорого и очень долго.

Есть хорошие машины — вертолеты, но им пришлось бы перевозить грузы не в одну, не в десять, а в сорок, пятьдесят, сто тонн и на расстояние не в сто — двести километров, а в тысячи. И тут экономисты и инженеры подумали о дирижабле.

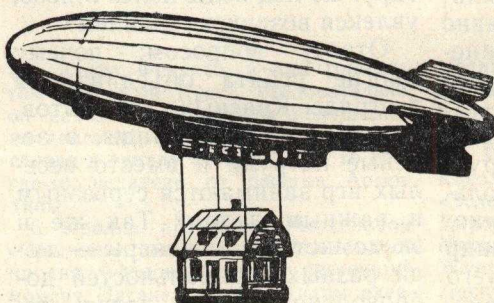
Если вы посадите себе на плечи товарища, то сможете пронести его метров сто — двести и сильно устанете, потому что ваша сила будет расходоваться не только для передвижения по земле, но, главным образом, на поддержание товарища на своих плечах, то есть на преодоление силы тяжести вашего товарища. Если же десять ваших товарищей сядут в лодку, а вы потянете ее бечевой, идя по берегу, как когда-то ходили бурлаки, то перевезете их на довольно большое расстояние. Потому, что свою силу вы будете расходовать только на горизонтальное перемещение лодки, а вес товарищей будет уравновешен водоизмещением лодки, то есть архимедовой силой.

Дирижабль — это большой баллон из легкого тонкого материала, наполненный газом, который легче воздуха, — водородом или гелием. Один кубический метр такого газа способен поднять в воздух около килограмма груза. Значит, для того, чтобы поднять в воздух одну тонну, нужен баллон объемом в тысячу кубических метров.

Баллон с грузом может висеть в воздухе сколько угодно, не затрачивая никакой силы и энергии, как и баржа, стоящая на якоре. Для того чтобы баллон двигался, к нему подвешивают двигатели с воздушными

винтами — аэростат превращается в дирижабль. Теперь он может лететь в любом направлении, по воле летчика. Дирижабль в переводе значит управляемый, вспомните, дирижер — это управляющий.

Иное дело вертолет. Вся мощность его мотора расходуется на поддержание машины и груза в воздухе. Не может висеть в воздухе и самолет, мощность его моторов расходуется как на поддержание самолета в воздухе, так и на перемещение. Поэтому стоимость полета дирижабля обходится в три раза дешевле стоимости полета самолета и более чем в десять раз дешевле, нежели полет вертолета при одинаковом грузе. При этом дирижабль пролетит дальше и самолета и вертолета.

Дирижабль отнюдь не новое изобретение. К началу первой мировой войны многие страны, среди них и Россия, имели дирижабельные флоты. Некоторые дирижабли могли поднимать грузы в десятки тонн и перевозить их на десятки тысяч километров. Развитие дирижаблей продолжалось и после войны. В США были построены гиганты «Акрон» и «Мэкон» длиной 239 метров, диаметром 40 метров, они брали грузы весом до 80 тонн и пролетали без посадки 17000 километров. Но американские инженеры увлеклись и построили эти корабли, не имея ни достаточного опыта, ни достаточных знаний о прочности материала. Дирижабли получились ненадежными.

В 1937 году на нашем дирижабле «СССР-В6» был установлен мировой рекорд продолжительности полета: дирижабль летал непрерывно без дозаправки горючим и смены экипажа 130 часов 27 минут, то есть около 6 суток.

Однако же в эти годы воздушные гиганты-дирижабли начали «вымирать». Все внимание было отдано бурно развившейся авиации — самолетам. Причинами «вымирания» были внутренние и наружные «болезни» дирижаблей. Единственным газом для наполнения дирижаблей оставался водород, а он легко воспламеняется. Малейшая искра могла привести к катастрофе. Так погиб крупнейший немецкий дирижабль «Гинденбург». Дирижабли страдали и «кожными» болезнями. В те времена единственным подходящим материалом для оболочек дирижаблей был бодрюш, приготовленный из кишок домашних животных: свиней, коров, коз; однако он быстро портился от солнца, сырости, мороза.

Современный дирижабль не будет страдать болезнями своего предка. Его наполняют

инертным газом гелием, он не только не горит, но и не поддерживает горения. Химия дает сейчас такие материалы для оболочек, которым не страшны ни огонь, ни вода, ни морозы, ни солнце, а по прочности они не уступают металлу.

Современный дирижабль сможет поднять с места груз весом в сотни тонн и перевезти его на расстояние в десятки тысяч километров. Ему не нужны аэродромы и посадочные полосы. Дирижаблю безразлично, что под ним внизу — тайга, море, льды, болота или горы. Он способен прямо со двора домостроительного комбината, например, города Иркутска, поднять в воздух готовый дом с расставленной в квартирах мебелью и отвезти его, допустим, на полуостров Таймыр и поставить на место. Пожалуйста, справляйте новоселье.

Ни по железной дороге, ни пароходом нельзя перевезти собранную буровую вышку, металлическую опору электропередач, гигантскую турбину для новой ГЭС, стометровой длины связки нефте- или газопровода, это способен сделать только дирижабль — в небе места хватит. Он не только привезет вышку, мачту или турбину, но и установит ее на место, выполнив работу монтажного крана.

Это не выдумка и не фантазия. Об этом серьезно говорят инженеры-строители, нефтяники и энергетики. Ведь это очень интересно!

Нам предстоит осваивать огромные пространства Сибири и Дальнего Востока, где трудно строить аэродромы, железные и шоссейные дороги, и помогут взять их колоссальные богатства лишь новые советские дирижабли.

Рисунки П. Лаврова

ЛИЦЕЙСКИЕ ШАЛОСТИ

Рассказывают, что однажды лицеист Пушкин со своим другом Кюхельбекером стали отпрашиваться у своего губернатора Трико на несколько дней в Петербург. Губернер отказал. Тогда лицеисты решили ехать без

его разрешения, а для того чтобы при выезде из Царского Села их не задержали на заставе, они решили разыграть городского.

Первым к заставе подъехал Пушкин.

— Фамилия? — спросил городской.

— Александр. Однако, — ответил Пушкин.

Городовой записал фамилию в дорожный журнал и пропустил едущего. Вслед за Пушкиным подъехал Кюхельбекер.

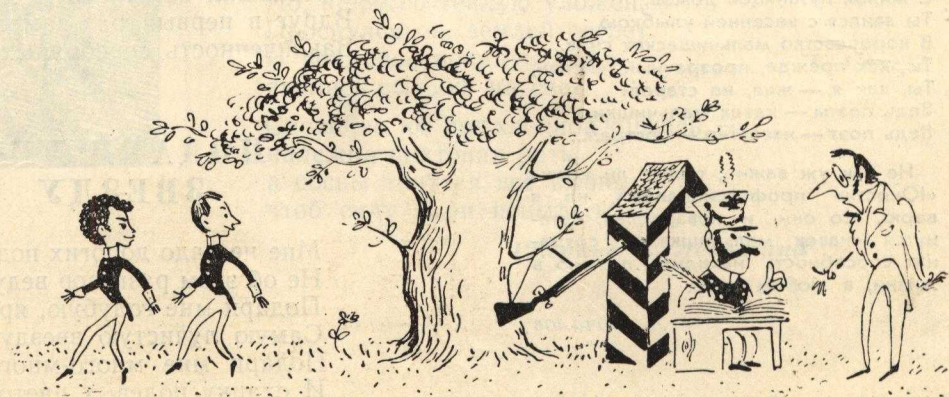
— Фамилия? — окликнул городской.

— Григорий Двако, — ответил лицеист.

Городовой записал и его. Через некоторое время к заставе подъехал губернатор Трико, заметивший отсутствие учеников.

- Ваша фамилия, — остановил его тот же городской.
- Трико, — ответил тот.
- Как? — переспросил городской.
- Трико, — повторил губернатор.
- Ну, братец, врешь! Здесь что-то недоброе! Только что проехал Однако, за ним следом Двако, а ты Трико. Шалишь! Ступай-ка в караулку.

Бедного губернатора Трико продержали до тех пор, пока не установили, что он действительно Трико. За это время лицеисты успели благополучно вернуться в лицей.

У нас в гостях клуб „ЮНОСТЬ“

В Нижнем Тагиле, что на Урале, существует клуб «Юность». Клуб объединяет школьников — любителей поэзии. И тех, кто просто любит стихи; и тех, кто пишет их сам. «Юность» часто устраивает выездные концерты в общежитиях, воинских частях, колхозах. Ребята собираются в городской библиотеке, читают стихи любимых поэтов, свои новые стихи.

Тагил встретил меня сорокаградусным морозом. Но мне стало теплее, когда на слепых заиндевелых стеклах трамвая я с радостным удивлением прочел слова: «Люди, мужайтесь, скоро весна!» Мне показалось, что человек, написавший их, был в душе поэтом. Эти слова заставляли помнить о будущем, согревали, как согревает человеческое сердце поэзия.

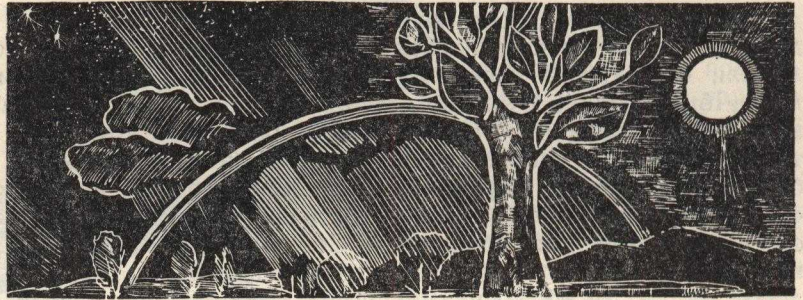
...Я немного опоздал на очередное заседание. Думал, вряд ли ребята соберутся вовремя. Однако, когда я вошел, зал библиотеки был полон, все уже сидели на местах (а ведь многим ребятам пришлось ехать в холодном трамвае около часа!..)

Учительница литературы Галина Евгеньевна Зайцева объявляет фамилии чтецов: Люда Машкина, Наташа Бурлак, Петя Сац, Люда Роевко, Таня Стравенская... Внимательно и жадно вслушивается аудитория в строки любимых авторов. Звучат стихи Владимира Маяковского, Сергея Есенина, Анны Ахматовой, Назыма Хикмета, Веры Инбер, Евгения Евтушенко. По традиции — предлагается выступить желающим. Свои новые стихи читают поэты «Юности» — Вилли Брайнин, Валерий Захезин, Таня Меринова, Яша Янешка. Мне запомнились строки — пусть еще не получившегося до конца — его стихотворения о городе детства.

Городок с тополями и липами,
С милой путаницей домов,
Ты явился с весенней улыбкою
В королевство мальчишеских снов.
Ты, как прежде, прозрачный, чистый,
Ты, как я, — жил, не старел!
Ведь поэты — навек мальчишки,
Ведь поэт — известно — пострел...

Не так уж важно, станут ли поэты «Юности» профессионалами, но я верю, что они, и повзрослев, останутся «навек мальчишками», сохраняя способность находить поэзию в жизни, в любом деле.

Л. Мочалов

Татьяна Меринова

КРАСОТА

За жарким летом снова будет осень
Косым дождем тропинки подметать.
А там зима, январские морозы,
Потом весна и летний зной опять...
И так из года в год, из века в век,
И так пройдет еще тысячелетье,
И так же будет падать первый снег
В каком-нибудь двухтысячном столетье.
Когда лесной цветок ласкает глаз
Иль падает созревшая малина,
Нам кажется, что это в первый раз.
И правда, это все неповторимо.
А может, просто мы из года в год
Все больше ценим красоту природы,
Высокий и прозрачный небосвод,
И грозы, и закаты, и восходы...
И это чувство не умрет во мне,
И это чувство — в каждом человеке.
Потомкам нашим среди чужих планет
Приснятся вдруг земные наши реки,
И красота земная позовет
Назад, домой, к березкам-ярославнам,
Земля из-под ладони облаков,
Как мать, им улыбнется благодарно.
И вот тогда, встречая первый снег,
Сменивший сетку серую дождинок,
Вдруг в первый раз заметит человек
Законченность серебряных снежинок.

ПОДАРИ МНЕ ЗВЕЗДУ

Мне не надо дорогих подарков,
Не об этом разговор веду.
Подари мне голубую, яркую,
Самую лучистую звезду!
Подари мне много-много света
И охапку полевых цветов,

Подари порою предрассветной
 Пригоршню глазастых огоньков.
 Подари зимой цветы снежинок,
 Осенью — печальный листопад,
 Подари мне ниточки дождинок,
 Голубого неба чистый взгляд.
 Мне не надо дорогих подарков,
 Не об этом разговор веду,
 Подари мне голубую, яркую,
 Самую счастливую звезду.

Валерий Захезин

*Молодым поэтам, ушедшим в первые дни
 войны на фронт, посвящается.*

Сотни их — Багрицких и Коганов —
 От уюта, тепла домашнего
 И от губ, поцелуем тронутых,
 Уходили шагом размашистым.

Уходили.

О бригадинах,
 О любви и жизни пели,
 И врагу показывать спины
 Не хотели и не умели.

А весной, пульей задетые,
 Опускались на землю голую,
 И березы, ими воспетые,
 Наклоняли над ними головы.

Неуспевшие стать крылатыми,
 Уходили мальчишки с рассветами,
 Умирали они солдатами.
 Оставались они поэтами.

Вилли Брайнин

СОСНЫ

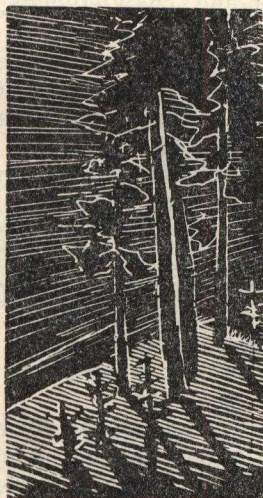
Росли размашистые пихты,
 покрыв холма пологий склон.
 Однажды горсть семян каких-то
 к ним теплым ветром занесло.

Сосною брошенный небрежно,
 гонимый ветром, словно сор,
 кусочек жизни безмятежно
 спал в семенах до этих пор.

Но, в землю теплую уложен,
 Проснулся он, землей согрет.
 И вот, свое покинув ложе,
 явились сосенки на свет.

Спокойно им под хвойной крышей, —
 надежна пихтовая рать,
 а сосны тянутся все выше,
 чтоб силу бури испытать.

Рисунки В. Левитина

ЭСКИМО и ЗАЯЦ

РАССКАЗ

Вл. Разумневич

Рисунки М. Беломлиńskiego

Мать дала Власу денег на автобус и на билет в кино.

— А на эскимо? — попросил Влас.

— Обойдешься без мороженого. У тебя же гланды...

Как будто у других людей нет гланд! Но им почему-то разрешается есть мороженое и пить холодную воду с сиропом. Одному Власу «противопоказано». А все из-за махонького красного пятнышка в горле, которое разглядел доктор. Такой, казалось бы, пустяк, а никаких радостей в жизни...

Влас подбросил на ладони звенящие монетки. Сжал их в горсти. Хватит на целых два эскимо! Нет, две порции, пожалуй, лишку. И на кино надо оставить. Сногшибательный, говорят, фильм про то, как одного мальчика в джунглях воспитывали волки, и он стал выть по-звериному, лазить по деревьям, скалить на людей зубы. Потому, наверное, озверел, что волки кормили его одним сырым мясом и даже в праздник не давали мороженого. Кто хочешь взвоят!

Медяки весело брякнули в кармане, когда Влас прыгнул в автобус.

«Кондуктора нет, — огляделся он по сторонам. — Покупать билет вовсе не обязательно. Прокачусь зайцем».

Влас развалился в кресле у окна, закинул ногу на ногу.

Знакомых в автобусе — ни единой души! Сиди себе спокойно, как датский принц, и думай об эскимо, которое можно купить на сэкономленные деньги и под дикое завывание волков обсосать — до самой палочки! — во время киносеанса.

На остановке в распахнутую дверь шумно ввалились новые пассажиры. Сознательный народ пошел! Каждый бросал в кассу пятак и отрывал билет.

Монетки, звякнув, ложились под прозрачный колпак железного ящика и затем грохочущей лавиной ссыпались куда-то вниз.

За день, наверное, касса наглотала столько пятаков, что их хватит на мороженое для всех городских мальчишек.

«Если одному съесть, столько, — подумал Влас, — то не только гланды, сам целиком обледеешь и станешь сладким».

Влас представил себя в виде эскимо на палочке — с белоснежной сливочной головкой,

в шоколадной обертке — и облизнулся от удовольствия.

— Ты что, мальчик, облизываешься? — подозрительно покосилась седая женщина, присевшая рядом. — Может, у тебя билета нет? Может, ты заяц?

— Разве зайцы оближиваются? — встревожился Влас. — Они пугливо озираются...

— Ты озираешься и облизываешься одновременно. Все это очень подозрительно.

— Что ж, по-вашему, выходит, человеку и облизнуться нельзя? Сразу берете на подозрение. А если он, человек этот, честнейший из честных? Настолько честнейший, что купил не один, а сразу два билета... Если его всей школе в пример ставят как образцово-показательного? А родители отдают ему на хранение зарплату, чтобы он берег их гланды и не давал покупать холодное мороженое? Если у него такая совесть...

— Ну, пошел, пошел... Не остановить. Оратор! — засмеялась соседка и смолкла.

Зато женщина с авоськой, что сидела впереди, обернулась и сказала с осуждением:

— Нехорошо, гражданочка, оскорблять такого воспитанного ребенка!

— Пастухи воруют, а на волка поклев, — сердито вставил старичок с белой бородкой.

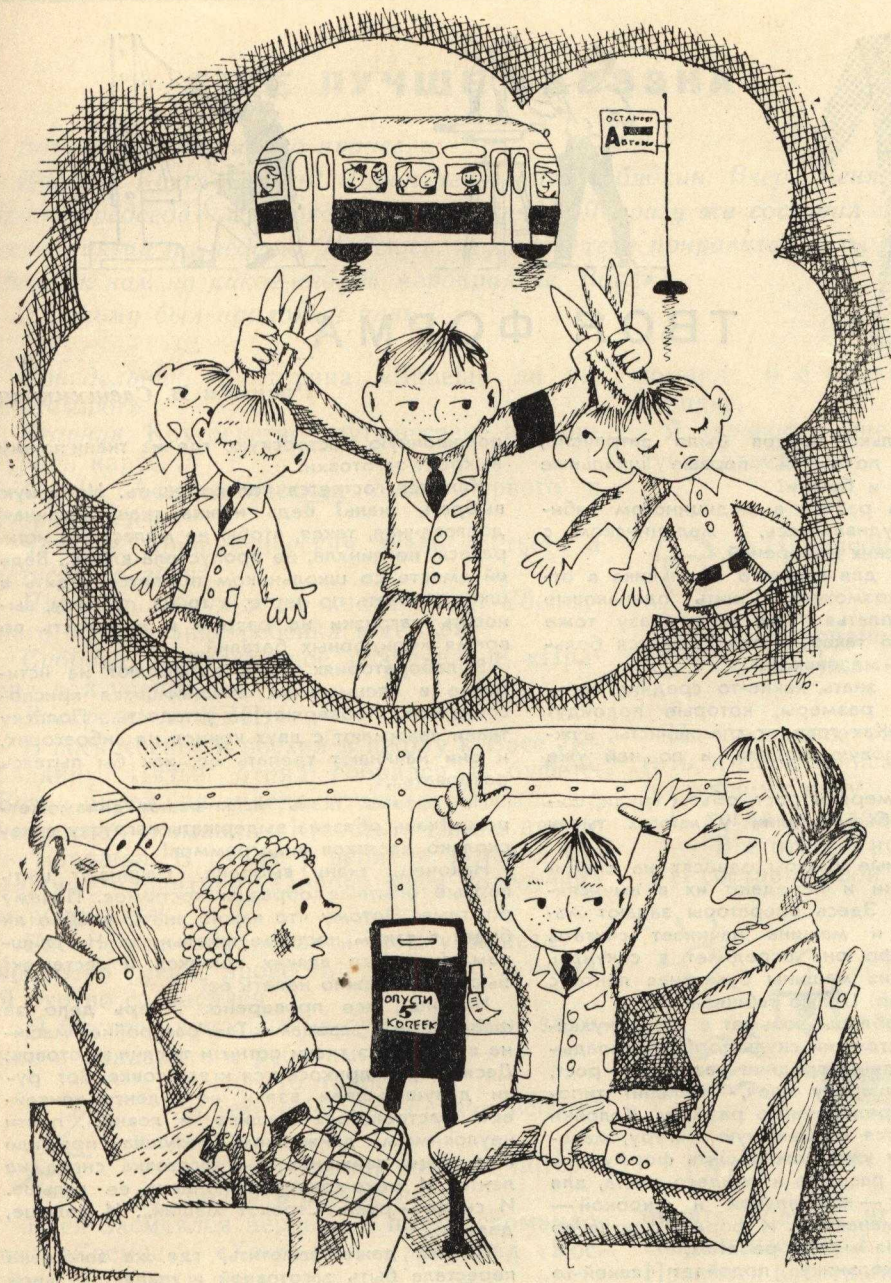
Влас, почувствовав поддержку, совсем расхрабрился. Тут же сочинил для доверчивой женщины с авоськой и ее белобородого спутника невероятную историю про автобусных зайцев.

Однажды, мол, ему, Власу Маковкину, как самому честному пионеру, отряд поручил выслеживать безбилетников. Он, разумеется, находит их с первого взгляда. Трусливый они народ, эти зайцы: жмутся по углам, глаза бегают, руки трясутся.

— Безбилетника в автобусе поймать легче, чем косога в лесу, — хвастался Влас. — Я хвать одного, хвать другого... Целыми пачками ловил! Перепугались зайцы. Хлопают ушами, пощады просят. А я им: «Как не совестно! У кого деньги воруете? У родного государства!»

— Молодчина! — умиленно прошептала женщина с авоськой. — Какая высокая гражданская сознательность!

— Совесть у зайца в рукавицах ходит. — заметил старичок. — Всяк Демид себе норovit. У него, у плута, свой расчет...

— Заставил я их сполна рассчитаться! — продолжал Влас. — «Сколько раз, — говорю, — зайцем за свою жизнь прокатывались, за столько и денежки платите, возвращайте долг государству!» Подчинились как миленькие! Все деньги, какие в карманах были, высыпали в кассу.

— Ах, какая сообразительность! — заахала женщина с авоськой. — Так им и надо, бесстыжим!

— Лучше понести с гривну убытку, — ска-

кимо на палочке, не посмотрел фильма про зверей, а домой возвратился без копейки в кармане.

— Ну, как, интересная была картина? — спросила мать.

— Не очень. — хриловатым голосом ответил Влас и поперхнулся.

— Опять glands! — всплеснула руками мать. — Я так и знала — променяешь кино на какое-то эскимо... И когда только я сделаю тебя воспитанным человеком?!

зал старичок, — чем на алтын стыда. За чужим погонишься, свое потеряешь. Всегда так.

— Это вы верно подметили, — ухмыльнулась седая женщина, сидевшая бок о бок с Власом, и поднялась. — Товарищи! Приготовьте билеты. Буду проверять...

Влас, дрогнув, стал медленно сползать с сиденья на пол.

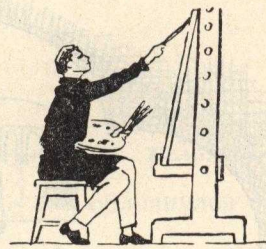
Голова ушла в плечи. Красные уши выбивались из нерасчесанных вихров, как два языка пламени из стога соломы.

— Зайцев по ушам распознают. Запсми это, оратор! — контролерша помогла Власу подняться и водрузила его в кресло. — А за науку спасибо. Придется, видно, и тебе, бесовестный лгунишка, платить не за один рейс, а сразу за все, когда без билета ездил...

Контролерша взглянула на растерянного старичка с благообразной бородкой и пояснила:

— Зайцу от своих ушей не уйти. Сколько ни петляй, а конец выйдет наружу...

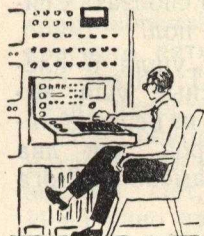
В тот день Влас Маковкин не отведал эски-

ТВОЯ ФОРМА

М. Мамедов

Рисунки В. Свешникова

Знаете, сколько трудов было затрачено, прежде чем появились первые школьные платья, куртки и брюки?

Началась эта работа в медицинском кабинете! Да, не удивляйтесь, в медицинском, с антропологических измерений.

Шить форму для каждого школьника в отдельности невозможно. Сшить одинаковые куртки или платья для всех сразу тоже нельзя. Кому-то такая куртка окажется большой, кому-то — маленькой.

Значит, надо знать какие-то средние величины, средние размеры, которые подойдут сразу многим. Как говорят специалисты, нужно создать типовую модель, и по ней уже шить форму.

Для этого измеряют рост, объем груди, ширину плеч, объем талии у многих тысяч школьников.

Все полученные цифры заносят на специальные карточки и передают их в вычислительный центр. Здесь операторы задают машине задачу, и машина начинает считать. Множество цифр она осредняет в секунды. И вот ползет из машины бумажная лента с колонками цифр. Целые таблицы.

Теперь эти таблицы возьмет в руки скульптор. Самый настоящий скульптор! И, откладывая на куске глины средние размеры — рост, объем груди, ширину плеч, — вылепит типовую модель определенного размера. Колонки цифр превратятся в объемную фигуру, манекен. А по нему уже можно шить форму.

Для каждого размера и каждого роста, для разных полнот — нормальной и широкой — появятся свои манекены. И форма, сшитая по ним, будет годна многим ребятам.

Каждому школьнику подойдет какой-то определенный размер, который будет ему впору, в самый раз, словно шит специально для него.

О фасоне и красоте школьной формы подумают художники.

Они сделают десятки эскизов, черновых набросков будущего костюма. Потом эти рисунки и эскизы передадут конструкторам. И они в специальном конструкторском бюро по рисункам и эскизам художников начнут разрабатывать выкройки будущего костюма.

И вот на листах ватмана появятся линии — контуры костюма. По таким чертежам готовят выкройки, или, как их называют, лекала.

Лекала же поступят в экспериментальную

пошивочную мастерскую, где из ткани по ним выкроят заготовки.

Кажется, остается только сшить. Но какую выбрать ткань? Ведь нужна ткань прочная, долговечная, такая, чтобы не мялась, не истиралась, не линяла, не пропускала влаги... Ведь ей вместе со школьником придется ходить в школу, ездить по паре, а то и... по полу, выносить нагрузки на разрыв и прочность во время коридорных баталий...

В лабораториях ткань проверяют на истирание в специальных вращающихся приспособлениях. Проверяют на усталость... Полоску ткани зажимают с двух концов на вибраторах, и они начинают трепать ее, как бы пытаясь разорвать...

На разрыв ткань испытывают динамометром. Ткань обязана выдержать нагрузку в несколько десятков килограммов!

Наконец, ткань выбрана. Начинают шить первые опытные образцы костюмов. Почему опытные? Потому что важно знать, удобно ли будет в таком костюме школьнику? Не слишком ли много всяких крючков и застежек? Быстро ли можно надеть ее?

Наконец, все проверено. Теперь дело за фабриками и заводами. Там раскройная машина вырубит из ткани сотни и тысячи заготовок. Десятки рук прикоснутся к заготовке. Вот руки девушки-швеи взяли ее с ленты конвейера. Застрекотала машина, и ловким, почти неуловимым движением девушка прошила шов. Еще движение и — заготовка снова на ленте. И река-конвейер понесла ее дальше. И снова — руки. Стрекот машин... И дальше, дальше...

Трудно даже заметить, где же заготовка перестала быть заготовкой и стала школьной курткой.

Плывут по цехам конвейеры-реки. И где-то в конце своего пути выплескивают готовые вещи — школьные брюки и школьные платья, фартуки, фуражки, береты...

В каждой вещи — забота и любовь сотен людей — от простых работников до художников, от ученых до инженеров-конструкторов. Да разве только их? А те, кто вырастил хлопок, кто создал новые синтетические материалы и красители, кто выделывал кожу, шерсть, кто создавал резину, нитки, штамповал пуговицы?

Вот и оказывается, что школьный костюм не такой уж и обыкновенный, каким может показаться на первый взгляд!

ЕЩЕ ЛУЧШЕ КАВЭЗНА

Вот мне какое письмо принесли:

Дорогой Костя Теркин! Пишет тебе Вася Лебядкин. Вчера меня выбрали председателем совета пятого отряда. Я сразу же составил план мероприятий на неделю. Надеюсь, что план тебе понравится и ты приедешь к нам на какое-нибудь мероприятие. Вася.

К письму был приложен план.

Понедельник. Викторина «Знаешь ли ты анатомию?»

Вторник. Кругосветное путешествие по контурной карте.

Среда. Арифметическая дуэль первого и второго звена.

Четверг. Арифметическая дуэль третьего и четвертого звена.

Пятница. Обсуждение книги проф. Убеленного «Воспитание ребенка в семье».

Суббота. Коллективное разучивание «Правил для учащихся».

Воскресенье. КВН.

В воскресенье я поехал в школу к Васе Лебядкину. Пятый отряд собрался в буфете. Возле пирожков сидела команда «Космос», а напротив — команда «Юность». Никто ничего не нарушал. В руках у ребят я заметил бумажные плакатики. Здорово Вася подготовил мероприятие!

Вася очень обрадовался моему приезду и попросил меня провести разминку команд. Я охотно согласился.

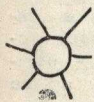
Я быстро нарисовал на бумаге первое задание и показал его ребятам.

— Что это такое?

Капитан «Космоса» сразу вспотел и сказал:

— Сороконожка, которая потеряла тридцать четыре ноги.

Вася засмеялся первый, а потом scomандовал «Космосу». «Ха-ха-ха», — закричал «Космос» и поднял плакатики.

Последний плакатик поднял по ошибке Саша Птичкин. Но он его быстро убрал.

Я показал второе задание капитану «Юности».

Капитан проглотил слюну и сказал:

— Семья уже на прогулке.

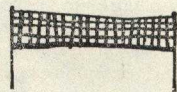
«Юность» тоже засмеялась дружно по

команде, и с плакатиками у нее было все в порядке.

Я нарисовал еще несколько картинок и получил ответы:

— Наполеон сзади,

— плакат в клеточку,

— марсиане с хвостиками,

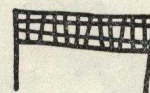
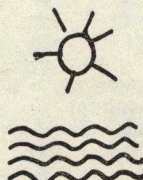
— ... ?

На последнее задание никто не мог ответить, и Вася записал всем присутствующим по штрафному очку.

И тогда я сказал:

— Все ответы неправильные.

И составил свои картинки вместе.

бирать яблоки, играть в волейбол и другие спортивные игры, удить рыбу и варить уху... Нравятся вам такие мероприятия?

— Ура! — закричали ребята так громко, что нельзя было разобрать, где «Космос», где «Юность», а Саша Птичкин изо всех сил замахал своим плакатиком «Позор!»

И все выбежали вон из буфета.

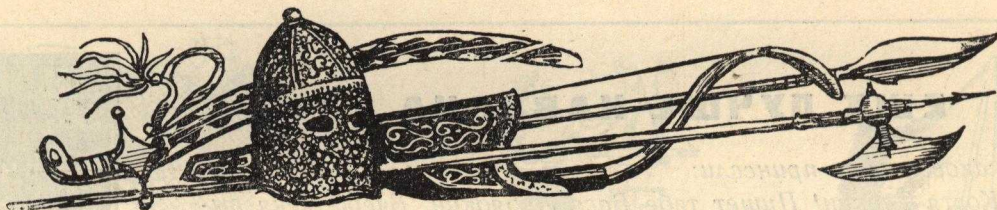
И только Вася задумчиво спросил у меня:

— А на воскресенье что запланируем?

— Если в воскресенье будет дождь, обсудим книгу из тех, что мы читали в последнее время, устроим литературную игру или КВН. До свидания!

— А если не будет дождя? — закричал Вася мне вдогонку.

— Тогда еще лучше! — крикнул я.

МУДРЕЦ ИЗ РУСТАВИ

К 800-летию со дня рождения Шота Руставели

Когда витязь из рода Церетели просил руки дочери владельца Арвети, тот ответил: «Где у тебя крепость, чтобы в случае нужды укрыться в ней? Где у тебя кладбище для поминания усопших и молитв о живых? Как может называться твой дом знатным, когда у тебя нет «Вепхисткаосани»?

«Вепхисткаосани», или «Витязь в тигровой шкуре» — бессмертная поэма великого грузинского поэта Шота Руставели.

Стихи из этой поэмы пели матери над колыбелью, крестьяне на полях, их исполняли певцы во время свадебных торжеств, их читали полководцы своим войнам перед решающей битвой. Не было в Грузии поэта, который бы не признал Руставели несравненным. А народ так сказал о нем:

Шота не сходен с прочими
Известными певцами,
Как, меч, на бой отточенный,
Со ржавыми ножами.

Поэму заучивали наизусть и переписывали от руки, передавая в семьях из поколения в поколение как лучшее сокровище. Так народ спас «Вепхисткаосани».

Но от кого надо было спасти поэму? Оказывается, у нее были могущественные враги — феодалы и церковники. Не случайно великий Руставели кончил свои дни изгнанником вдали от милой родины в палестинском монастыре Джвари. Даже после его смерти враги не умерили своей злобы. Когда — уже в XVIII веке — поэма была напечатана, глава грузинской церкви католикос Антоний приказал все экземпляры собрать и сжечь на кострах. Не случайно и официальные историографы в своих летописях ни разу не упомянули про Руставели и его поэму.

О жизни поэта сохранились только легенды. Почти все они связывают судьбу Руставели с именем царицы Тамары. По одним, царица Тамара была влюблена в своего казнохранителя Шота, по другим — он сам был безнадежно влюблен в царицу, по третьим — жертвой любви к Тамаре стал брат Шота Автандил, погибший на чужбине.

Все эти сведения спорны и противоречивы. По-видимому, Шота был родом из Месхетии, владел поместьем в Рустави (там, вблизи Ахалциха и теперь можно увидеть развалины Руставской крепости). Учился Шота сначала в церковной школе, затем в кахетинской академии Икалто, а потом — в Византии. Он получил глубокое образование, прекрасно знал восточную литературу и философию античности. Когда Шота возвратился на родину, царица Тамара приблизила поэта ко двору. И какова бы ни была его неразгаданная тайна, ясно одно — царская милость не спасла поэта от жестоких гонений.

О чем же говорит сама поэма, почему она так дорога народу и так была ненавистна феодальной знати и церкви?

Да, поэма «Витязь в тигровой шкуре» посвящена царице Тамаре и повествует об истории несчастной любви.

Индийский витязь Таризл полюбил царевну Нестан-Дареджан. Она благосклонна к витязю, но отец царевны решил отдать ее в жены хорезмийскому царевичу. Нестан-Дареджан просит защиты у верного влюбленного, и Таризл убивает пришельца. С этого момента начинаются его злоключения. Нестан-Дареджан похищают волшебники-каджи, а безутешный Таризл в поисках своей любимой становится вечным скитальцем.

*И решил я сам с собою, что напрасно мне трудиться!
Может быть, в лесах дремучих перестану я томиться.
Брошу этот мир безумный и забуду про людей,
Жизнь несчастную окончу посреди лесных зверей.*

Таризл уже был близок к отчаянию, когда с ним встретился арабский витязь Автандил. Автандил и царь Мулгазанзара Фридон стали друзьями Таризла. После долгих приключений они помогли ему найти и вызволить из Каджетской крепости солнцеликую Нестан-Дареджан.

В поэме «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели воспел нового человека, человека-борца, свободного и справедливого, не склоняющегося под гнетом рока, не полагающегося на божественное провидение. Он, этот человек, вопреки религиозным представлениям средневековья, совершает подвиги не во славу господню, а просто в силу человеческих чувств любви и дружбы, ради своего земного счастья.

Герои поэмы — люди сильных страстей и, в то же время, исключительной воли. Главное для них — чувство долга, чувство ответственности за свои поступки. Ничто в мире не может нарушить данное ими слово — слово чести. Таризл убивает жениха-хорезмийца не в порыве слепой ревности, а прежде всего потому, что в случае этого брака «хорезмийцы трон захватят и страну погубят вскоре». Дав Таризлу слово возвратиться, Автандил преступает волю царя, покидает родину и свою возлюбленную царевну Тинатин. А нежная Тинатин не удерживает его, потому что и по ее понятиям «нарушить слово недостойно человека».

Любовь отступает перед самоотверженной дружбой, как блистающая эмаль уступает самородному яхонту. Так пишет Руставели. Так он воспел дружбу, так он переосмыслил древний обычай побратимства, союз верных и отважных. Такой дружбе не страшны никакие испытания, ибо на знамени ее начертано:

«Лучше славная кончина, чем бесславных дней позор!»

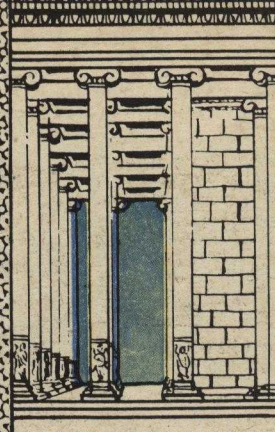
Руставели жил в тревожный переломный для Грузии век. Страна, раздробленная на отдельные княжества, раздираемая феодальными распрями, с трудом становилась на путь единения для отпора иноземным захватчикам. И Руставели в поэме «Витязь в тигровой шкуре» поднял голос за единение и дружбу во имя сплочения сил, народного благоденствия и счастья.

Надо жить во имя жизни, за живущих жизнь отдать!

Это завет Шота Руставели.

На вклейке иллюстрация к поэме «Витязь в тигровой шкуре» художника С. Кобуладзе.

СЕМЬ ЧУДЕС СВЕТА

На этом рисунке художник изобразил семь величественных сооружений, воздвигнутых в далекой древности. Все они так красивы и так внушительны, что современники называли их чудесами света.

Наверное, вы знаете, что это за сооружения, и ответите на такие вопросы:

1. Где стояла медная статуя Колосса Родосского, изображавшая бога Солнца Гелиоса?

2. Что представляет собой пирамида Хеопса, построенная в Египте за три тысячи лет до нашей эры?

3. Как звали преступника, который, желая прославиться в веках, сжег храм Артемиды в Эфесе?

4. Назовите имя великого древнегреческого скульптора, создавшего для города Олимпа великолепную статую Зевса из слоновой кости и золота.

5. Где, в какой стране находились висячие сады легендарной царицы Семирамиды?

6. Какое слово связано с гробницей карийского царя, воздвигнутой в Галикарнасе в 351 году до нашей эры?

7. Для какой цели на острове Фарос было построено мраморное сооружение высотой в 160 метров?

Рисунок В. Свешникова

ПУТЕШЕСТВИЯ КОСТИ ТЕРКИНА В ВЕКАХ

Я совершил эти удивительные путешествия и пережил такие приключения, что и представить себе трудно. Прежде всего — в Древней Греции, за две с половиной тысячи лет до наших дней.

Подумать только, в Афинах я часто бегал по Акрополю, тому самому, который обязательно посещают туристы всех стран. Но я-то был не туристом, а мальчишкой-рабом при храме бога Диониса. Я даже не видел красоты этих прославленных зданий, величавых кипарисов — жрец заставлял меня работать.

Что из того, что я участвовал в пышных празднествах в честь бога Диониса, что выступал в самом настоящем древнем театре вместо взрослого актера, что мне удалось раскрыть заговор и пережить морское сражение? Я мечтал о свободе, о воле, а меня ждали одни только неудачи, побои, ругань.

В другом моем странствии, в Перу, уже в эпоху великих географических открытий мне представился случай воевать на стороне храбрых и, как я думал, благородных испанских рыцарей. Закованные в латы бородастые люди казались настоящими смельчаками.

Мы провели на лесистом острове несколько томительных месяцев под проливными ливнями — ждали подмоги, прежде чем подошли к воротам царства Солнца, как называли жители Перу свою страну. Поначалу все обернулось прекрасно: доверчивые перуанцы щедро осыпали нас дарами.

Но в первом же перуанском городе смельчаки превратились в голодную волчью стаю. Как завоеватели, они промчались верхом на лошадях по тихим чистым улицам, сея ужас и смятение. Испанцы грабили, избивали, убивали ни в чем неповинных людей. Только ради золота, только ради богатств!

Где благородные слова испанцев о свободе, где их хваленое рыцарство? Неужели от одного только вида золота (а его у перуанцев было много, очень много) люди способны превратиться в диких, кровожадных зверей. И тут я понял: совсем не все равно, на чьей стороне воевать и за какую свободу сражаться...

И еще одно путешествие — в Японию. Только не в современную, а средневековую. И здесь случилось так, что я, сын бедной женщины, должен был бежать из дома. И встречались на моем пути разные люди, хорошие и плохие. И даже разбойники. Вместе с двумя разбойниками скитался и я. Эти двое тоже грабили и учили меня своим воровским и разбойничьим приемам. И, честно скажу, это совсем не сладко — заниматься разбоем и грабежом. А особенно тем, кто стал разбойником не по своему желанию, а по воле случая.

И наконец, судьба забрасывает меня в средневековую Францию. Тут я, сын бедного вилана, то есть крестьянина, хочу стать школяром. Пробираюсь в Париж, чтобы начать там учиться. А попадаю пленником в рыцарский замок. Может, кто и думает, что это очень интересно — турниры, сражения, пиры, охота...

А на деле и у рыцаря не такая уж завидная доля. Сидит барон в своем замке и боится. Прежде всего короля, вдруг тот посягнет на его земли и замок. Опасается и своего соседа, а что, если нападет и разграбит все добро? А пуше всего боится народа — подвластных ему крестьян, хотя сам же их угнетает и разоряет. Вот и отгородился рыцарь от всех и вся высокими стенами и глубоким рвом.

И все же крестьяне этого рыцаря восстали. И я участвовал в восстании...

Вы сами понимаете, что я торопливо упомянул о некоторых моих приключениях. На самом деле их было видимо-невидимо.

Если захотите пережить все сами, прочтите книги, выпущенные издательством «Детская литература»: А. Говорова «Алкамен — театальный мальчик», Я. Света «Последний инка», О. Гурьян «Один ре и два бу» и В. Владимирова «Повесть о школяре Иве».

ХУДОЖНИК, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Г. Петров

В 1908 году в Русский музей поступили картины из коллекции великого князя Сергея Александровича. Среди них — два небольших полотна, на которых изображены Готический зал и кабинет великой княжны Ольги Николаевны в Зимнем дворце. Художник очень умело передал перспективу уходящего вдаль огромного зала, блики света на белых колоннах и узорчатом полу.

Работники музея обрадовались новому удачному пополнению хранилища. Картины были в красивых дорогих рамах. Отпрыск царского рода легко тратил на свою галерею такие деньги, которые музею в то время и не снились. Чего стоили одни таблички: аккуратные, зеркально отполированные пластинки металла. И на них витиеватым почерком было выгравировано имя автора: Федор Гучков...

Это имя встретилось работникам музея впервые. Кто же

такой Гучков, когда жил, где бывал, что еще создал? В музеях придерживаются твердо-го правила: узнать как можно больше о каждом авторе, каждом экспонате.

Следы Гучкова искали долго. Наконец, нашли в переписке Веницианова.

Прекрасный русский живописец Алексей Гаврилович Веницианов был заботливым учителем молодых художников. В своем имении он создал школу для одаренных юношей. Среди учеников были и крепостные. Веницианов без усталости хлопотал о них, вырывая из рук помещиков-самодуров. Не всегда это ему удавалось. Например, в письме другу Веницианов с горечью рассказывал, что один помещик не отпускает на волю молодого способного художника.

В письме было названо только имя художника: Федор. Но искусствоведы, наткнувшись на письмо, почему-то сразу решили: это и есть Гучков! Так ро-

дилась биография: крепостной помещика Тверской губернии, ученик Веницианова...

Обе картины перенесли в зал учеников Веницианова. Там они висели и после Октябрьской революции, и после Великой Отечественной войны. А потом...

Научные сотрудники музея, готовя к изданию два солидных тома каталога, придирчиво проверяли сотни, тысячи картин, рисунков, скульптур, изделий из фарфора, стекла, дерева, глины... И находили множество несоответствий.

Дошла очередь и до учеников Веницианова. Заведующий секцией отдела живописи Юрий Викторович Смирнов стал сверять привычную на табличке хорошо знакомую надпись «Гучков» с подписью автора на холсте. Подпись отчетливая, совершенно явная. Но что это? Смирнов снова и снова перечитывал ее, пристально вглядываясь в латинские буквы. Юрий Викторо-

вич почувствовал, что волнуется. «Спокойно», — сказал он себе. Медленно, заставляя себя не торопиться, протер стекла очков носовым платком, опять прочел надпись. Нет теперь уже никаких сомнений: Theodore Jouschkoff — Юшков, а не Гучков!

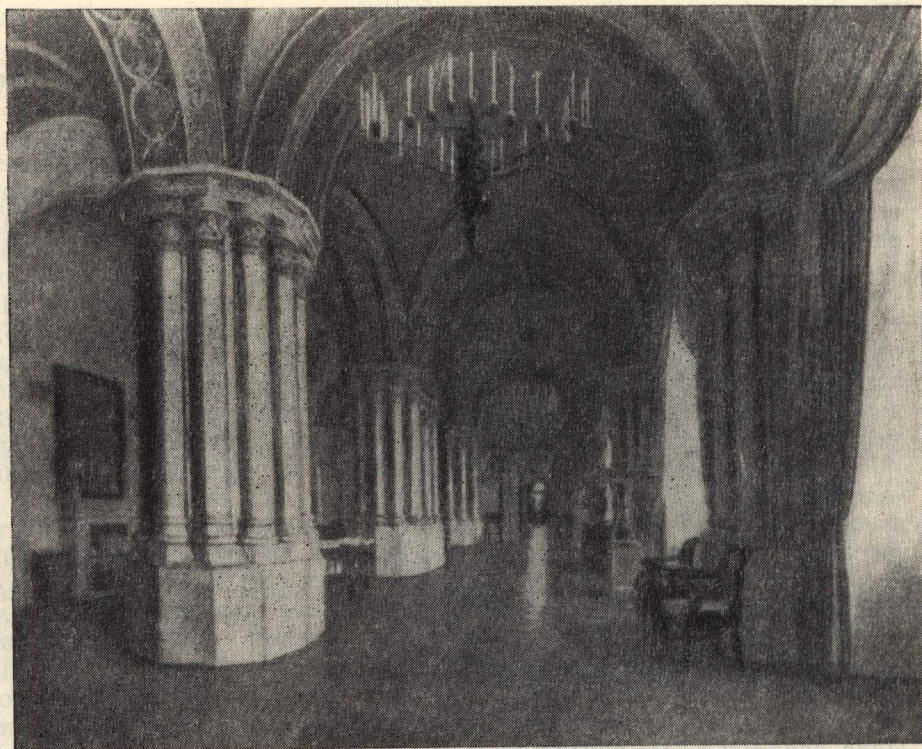
Вот что наделал малограмотный служитель галереи великого князя! А работники музея поверили солидной табличке. Миф о Гучкове был развеян...

Но неожиданное открытие ставило новую задачу: кто же такой Юшков? Юрий Викторович, большой знаток русской живописи, не помнил ни одной картины, ни одного рисунка, подписанных Юшковым. Следовало начинать с нуля...

Прежде всего Смирнов с помощью увеличительного стекла тщательно осмотрел картины — и лицевую сторону, и тыльную, и подрамник, и раму. Сантиметр за сантиметром обследовал Юрий Викторович оба полотна и никаких надписей не обнаружил. Зато нашел сразу три автопортрета художника! Удивительные автопортреты. Фигура художника перед мольбертом отражена на стеклянных шарах позолоченной люстры Готического зала! Но эта находка ничем не помогла. Ведь на картине шары меньше булавочной головки. А изображенная на них фигура художника совсем микроскопическая, ничего там не разберешь. Любопытно. Необычно. И только.

Сотрудники Русского музея очень заинтересовались открытием Смирнова: такие события происходят не каждый день.

И тут вспомнили: в музее хранится еще несколько произведений Юшкова. Правда, не художника, а скульптора.

И не Федора, а Осипа Ивановича. Но, может быть, они родственники?

Осип Иванович Юшков, почетный член Академии художеств, был анималистом — искусно лепил зверей. Разыскивать сведения об академике — дело не самое сложное. Смирнов нашел эти сведения.

И вот первая победа: у скульптора Юшкова был сын Федор. Смущало одно: сын этот — не художник, а морской офицер. Но разве моряк не может дружить с палитрой?!

Смирнов берется изучать биографию Федора Осиповича Юшкова. Биография незаурядная. Федор Юшков, сын скульптора, окончил Петербургский университет, но пошел почему-то на морскую службу.

Вот мичман Юшков на парусном корабле пересекает морские просторы Балтики. У берегов Абхазии участвует в стычках с горцами. Вот плавает на фрегате «Паллада»,

знаменитом фрегате, на котором позже совершил кругосветное путешествие русский писатель Иван Алексеевич Гончаров. И наконец, Юшков — уже капитан-лейтенант, сражается в Крыму с врагами России. Один из героев Севастопольской обороны 1854—1855 годов, он вместе со своими матросами шел в атаку на французов и англичан, бросался в рукопашные схватки...

Раненный штыком в ногу, Юшков вернулся в Кронштадт. Но и здесь давал отпор неприятельским кораблям.

Чины и ордена Юшков зарабатывал не учтивостью при дворе, а трудом, умением и храбростью. Эполеты контр-адмирала заслужены им по праву. Однако ни в одной книге и документе, ни в одном послужном списке Федора Осиповича Юшкова нет намека на то, что мужественный моряк любил и живопись. А может быть, этого и не было? Может быть, все-таки другой

Юшков написал два маленьких холста?

Сомнения... Они необходимы, чтобы вовремя заметить ошибку.

Перелистывая десятки каталогов, путеводителей по музеям, Смирнов не обнаружил ни одной работы Юшкова. Тогда запросили музеи письменно — может быть, в их запасниках хранятся произведения Федора Юшкова? Не мог же он за всю свою жизнь написать лишь два холста и сразу достичь немалого мастерства?

Музеи один за другим отвечали: нет, не знаем такого художника. И вдруг радостное известие из города Орджоникидзе: в их фондах есть одна вещь Юшкова — морской пейзаж, марина, как говорят художники.

Морской офицер пишет море. Логично. Но этого мало. Надо доказать, что контр-адмирал Федор Осипович Юшков и автор трех известных картин Федор Юшков — одно и то же лицо. Или доказать обратное...

Юрий Викторович рассуждал: войти в Зимний дворец, дом императора и его семьи, мог далеко не всякий. Получить разрешение писать картину в этом доме еще сложнее. Смирнов, например, знал, как долго во времена Николая I ученик Академии художеств Годун обивал пороги, чтобы добиться разрешения скопировать картину итальянского художника Доминикино. Картина висела в апартаментах императрицы, и никто не решался тревожить ее слух «нелепой» просьбой академиста. Только когда императорская семья на время уехала из Зимнего, министр царского двора смилостивился и разрешил художнику снять копию. Из покоев императрицы картину пе-

ренесли в Эрмитаж. Годун с жаром принялся за работу. Но на его беду Николай вернулся раньше срока. Как бдительный хозяин, сразу же заметил пропажу и рассвирепел. Министр императорского двора обергоф-маршал граф Шувалов был немедленно вызван для объяснений.

Николай долго допрашивал взмокшего от волнения Шувалова, кому и для какой цели понадобилась картина? Кто разрешил — допрашивал Николай. Ученик Академии снимает копию не для знатного заказчика, а для себя. Подумать только — царь и его малороссийский холоп будут владеть одним и тем же изображением. Какая дерзость! Постукивая носком сапога по паркету, царь отчеканил:

— Картину вернуть! Немедленно!

Не то что во дворец, даже в Эрмитаж не мог прийти любой человек. В особую книгу посетители обязаны были внести свои титулы и звания. Если титулов не было, то нечего и надеяться на пропуск. Одно время — и не малое — за каждым посетителем Эрмитажа неотступной тенью ходил лакей. А тех, кто осмеливался приходить в шюртуке, просто не пускали за порог: надень сначала фрак, а потом приходи смотреть картины...

Нет, простой человек не мог работать во дворце. Смирнов направился на площадь Декабристов, в центральный исторический архив, в фонд канцелярии императорского двора. Здесь обязательно должен быть один документ...

Просмотрены сотни пожелтевших страниц, исписанных витиеватыми загогулинами старательного каллиграфа, испещренные пометками начальства, увенчанные печатями с

двуглавым орлом... И, наконец, вот он, долгожданный документ! Разрешение, выданное морскому офицеру Юшкову, искусному художнику, для снятия рисунка с внутреннего вида кабинета ее высочества великой княжны...

Вот когда сошлись все нити в одну точку.

Четыре года прошло с тех пор, как Смирнов прочел подпись Федора Юшкова на картине. Четыре долгих года продолжались поиски. Теперь все стало на свои места. Никогда не был Юшков ни крепостным, ни учеником Веницианова. И пусть этот художник не открыл новую эпоху в живописи. Он брался за кисть, когда позволяла суровая морская служба, и кисть была ему послушна. Его имя осталось в истории русского искусства. Теперь вокруг этого имени не будет никакого домысла и вымысла.

Рассказ о художнике, которого не было, и о поисках настоящего художника на этом можно было бы закончить. Но хочется рассказать еще об одном случае.

Когда Юрий Викторович Смирнов уже достиг цели своих поисков, в Русский музей пришла пожилая женщина и предложила купить альбом рисунков нескольких художников. Рисунки были не очень интересными, но на одном листе альбома Юрий Викторович увидел так долго мучившую его подпись Федора Юшкова.

С тех пор в квартире Смирнова, человека сугубо сухопутного, висит изображение корабля, стремительно рассекающего крутые волны. Корабль мчится к далекой, может быть, еще не открытой земле... Этот рисунок — память о поисках и сомнениях, надеждах, о трудном и долгом пути к цели.

Отдушины планеты

Раскаленная вулканическая лава, фонтаны гейзеров, горячие источники, все это — своеобразные «предохранительные» клапаны гигантского глубинного котла в недрах нашей планеты. Они и выпускают подземное тепло на поверхность мощными потоками.

... На острове Кунашир Курильской гряды участок песчаного берега назван Горячим пляжем: специалисты считают, что его источники горячей воды и пара могут обеспечить электроэнергией город Южно-Курильск.

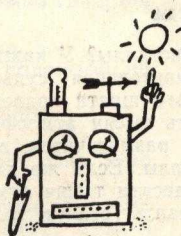
Вулкан на Азорских островах назван Кальдейрой, что по-русски означает «котел». На Камчатке есть вулкан Бурлящий. Из трещин его кратера вырываются струи температурой до 150 градусов. На Камчатке находятся знаменитые Большие Банные источники. Каждую секунду они извергают на поверхность 40 литров кипятка. Есть Малые Банные источники.

Подземным горячим водам обязаны своим названием поселок на побережье Байкала — Горячинск и курорт Чечено-Ингушетии Горячеводск. А также поселки в Таджикистане — Оби-Гарм (горячая вода), Оби-Джуш (кипящая вода), Гарм-Чашма (горячий источник).

Вместо 300 лет — 20 часов

Современная электронно-вычислительная машина за 20 часов может составить прогноз погоды, выполнив при этом 800 уравнений с 800 неизвестными. Человек затратил бы на такую работу 300 лет.

Пеликаны перед зеркалом

Пеликаны очень любят чистоту. С утра первым делом перышки чистят и... смотрят в речное зеркало.

Газопровод в 500 км

Газопровод Игрим — Серов протянется на 500 километров. 150 километров он пройдет по болотам, 90 — в скальных породах. Кроме того, он пересечет 220 рек.

Цветы-геологи

Некоторые цветы накапливают в стеблях и листьях химические элементы из почвы. Фиалки «неравнодушны» к цинку и меди, а мохнатая грудница — к никелю.

Однажды месторождение медных руд помогли обнаружить растения зверобой, тимьян и астрагал. Они всасывают из почвы молибден.

Так цветы выступают в роли геологов-разведчиков, вернее, указателей, где искать полезные ископаемые.

Монета, которой нет цены

Девять с половиной веков монете, которая является родоначальницей русских денег — сребреннику князя Владимира Свято-славовича. Монета передана в Эрмитаж бакинским ученым Е. А. Пахомовым.

Таблицы за несколько часов

Шотландский математик Джон Непер потратил 20 лет на составление таблиц логарифмов. Машина выполняет эту работу всего за несколько часов.

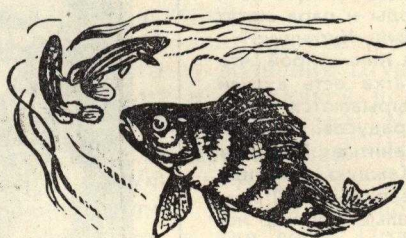
Надо, надо умываться!

«Рано утром на рассвете умываются все дети, и мышата, и утята, и жучки, и паучки...»

Умывается и огромная, тридцатиметровая статуя Будды в старинном японском городе Нара. Вернее, Будду умывают монахи. Чтобы вымыть нос или ухо своего бога, монахам приходится подниматься в люльке, как малярам.

Почему окунь полосатый?

Казалось бы, полосатая окраска окуня должна резко бросаться в глаза. Но на самом деле поперечные полосы на фоне зарослей как бы

расчленивают тело рыбы, и она теряет знакомые очертания. Совсем незаметной становится рыба, если один из цветов ее поперечно-полосатой

окраски совпадает с цветом камней или водных растений.

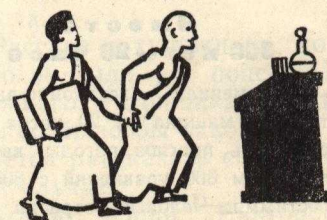
Многие рыбы коралловых островов покрыты разноцветными поперечными полосами. Кораллы, моллюски и другие животные, обитающие там, всегда ярко окрашены, поэтому рифовым рыбам легко найти такой фон, на котором их полосатая окраска будет незаметна.

Среди растений, стелющихся вдоль поверхности воды, поперечно-полосатая окраска, наоборот, будет резко выделяться. Здесь менее заметны рыбы с полосами, расположенными вдоль тела. Так именно и окрашены рыбки данио-рерио и панко-смомусы, живущие в верхних слоях воды между плавающими растениями.

Упрямые кристаллы

Как рождаются кристаллы? У каждого из них своя удивительная судьба. Если порошок полевого шпата подвергнуть давлению в пять тысяч атмосфер, то минерал более не размельчится, а в нем вырастут кристаллы. Если же давление увеличить до десяти тысяч атмосфер, упрямые кристаллы станут только еще крупнее.

„Тироновы буквы“

Многие думают, что стенография — изобретение

XX века, а на самом деле искусство писать сокращенно и быстро, как льется человеческая речь, было известно примерно 2000 лет назад.

Стенография была особенно распространена за 100 лет до нашей эры в Риме, в эпоху знаменитого Цицерона. Он требовал точной и полной записи своих многочисленных речей и держал при себе постоянного стенографа Тирона. Без него Цицерон не произносил ни слова. Даже переписку с приятелями вел при помощи стенографии.

В первые столетия нашей эры стенография была забыта. В средние века о ней вспомнили и ввели в деловую переписку под названием «тироновы буквы».

Трехслойное озеро

Озеро Мо Фьорд к северу от норвежского города Бергена можно назвать трехслойным. Его первый слой — пресная вода из ручья, в ней обитают пресноводные животные. Во втором слое — соленая вода, она поступает по каналам из моря. Здесь живут морские рыбы и животные. В самом нижнем слое — вода, насыщенная сероводородом. Здесь — „зона смерти“, потому что никто, кроме бактерий, не выносит ядовитого газа.

Три слоя воды не смешиваются даже во время бури. Озеро — предмет пристального внимания ученых.

ОСТРОВ ДЕЛЬФИНОВ

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Артур Кларк

Рисунки А. Сколозубова

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Островитяне считают, что профессор решительно спятил, — сказал Мик.

— Ты же знаешь, что это чепуха, — с жаром возразил Джонни. — Чем это он не угодил им?

— Придумал регулировать питание Снежинки этой игрушкой с мозговыми волнами. Велит давать ей рыбу какой-нибудь одной породы, а доктор Саха не позволяет ей есть эту рыбу. Она уж и сама не хочет, после того как несколько раз ее потрянуло. Доктор Саха называет это «кондиционированием». Сейчас в бассейне плавают четыре или пять больших щук, но она на них и не смотрит. А всякую другую рыбу жрет по-прежнему.

— Так с чего ты взял, что проф спятил?

— Ясно ведь, что он задумал. Если он может помешать Снежинке есть щук, то может помешать есть и дельфинов. Но что это даст? Косаток в море тьматмущая, не будет же он кондиционировать каждую!

— Ну, что бы ни делал проф, — упрямо сказал Джонни, — на то есть причины. Поживешь — увидишь.

— А все-таки я бы хотел, чтоб они оставили Снежинку в покое. Боюсь, у нее испортится характер.

Джонни удивился — странно, что так можно говорить о косатке.

— Подумаешь, важность какая! — сказал он.

Мик смущенно усмехнулся и завозил подошвой по земле.

— Обещаешь никому не говорить? — спросил он.

— Конечно.

— Ну, так вот, я не раз плавал с нею. Она куда занятнее твоих головастиков.

Джонни в изумлении уставился на Мика, он даже пропустил мимо ушей оскорбление в адрес Сузи и Спутника.

— И ты еще говорил, что профессор спятил! А ты часом не треплешься, а? — подозрительно добавил он.

Мик пожал плечами:

— Не веришь — приходи к бассейну. Конечно, это может показаться безумием, но на самом деле никакой опасности нет. Все получилось случайно: однажды я поскользнулся на бортике бассейна и плюхнулся в воду.

Джонни присвистнул.

— Бьюсь об заклад, ты решил, что тебе конец.

— Ясно, решил! Выплываю на поверхность — прямо передо мной пасть Снежинки. — Мик помолчал. — Знаешь, это ведь врут, будто в такие мгновения вспоминается вся прежняя жизнь. Я ни о чем не мог думать, кроме как об этих зубах: слопает ли она меня целиком или перекусит пополам?

— А дальше? — спросил Джонни, затаив дыхание.

— В общем, не перекусила меня пополам. Только подтолкнула логонько носом, будто сказала: «Давай дружить». С тех пор мы и подружились. Если мы с ней не плаваем хоть денек, она начинает нервничать. А я не всегда могу — если заметят, скажут профу и тогда всему конец. — Мик засмеялся, уловив на лице Джонни тревогу. — Так это же гораздо безопаснее, чем

укрощение львов, а ведь люди их укрощают. Мне здорово нравится.

Но Джонни так никогда и не увидел Мика и Снежинку плавающими рядом: профессор Казан приступил к следующему опыту.

Уже много дней профессор монтировал магнитофонные ленты, составляя длинные фразы на дельфиньем языке; но и теперь у него не было уверенности в том, что он сумеет сказать дельфинам именно то, что намерен.

Когда «Летучая рыба» отчалила от пристани, профессор Казан заметно волновался.

— Знаете, как я себя чувствую? — сказал он доктору Кейсу, стоявшему рядом с ним на баке. — Так, словно я пригласил в гости друзей, а потом напустил на них тигра-людоеда.

— Ну-ну, не так уж мрачно, — засмеялся Кейс. — Друзья честно предупреждены, а тигр находится под нашим контролем.

— Надеюсь, — сказал профессор.

Репродуктор на борту объявил: «Открываем ворота бассейна. Однако она что-то не спешит уходить».

Профессор Казан поднял к глазам бинокль и посмотрел назад на остров.

— Не хотелось бы, чтобы Саха отдавал ей команду, пока это не необходимо, — сказал он. — А, вот и она.

Снежинка медленно плыла по каналу, соединявшему бассейн с морем. Когда канал кончился и Снежинка оказалась в открытых водах, она замедлилась, завертелась, словно потеряв ориентировку.

— Вызовите ее, — сказал профессор.

В воду передали сигнал: «Сюда!» Даже если на родном языке Снежинки это слово звучало иначе, оно было одним из тех слов, которые она понимала. Снежинка поплыла к «Летучей рыбе» и не отставала больше от судна. А «Летучая рыба» все удалялась от острова, держа курс в глубоководную часть моря.

— Мне нужно достаточно места для разворота, — сказал профессор Казан. — И я уверен, что Эйнар, Пегги и К^о оценят это, если им придется спастись бегством.

— Если они вообще появятся. Быть может, у них хватит ума не показываться вовсе, — ответил доктор Кейс.

— Что ж, через несколько минут узнаем. Сигнал призыва транслировался все утро, так что все дельфины в радиусе многих миль должны были его услышать.

— Глядите! — сказал вдруг доктор Кейс, указывая на запад. В полумиле, параллельно курсу судна, плыла небольшая стая дельфинов. — Вот ваши добровольцы, но подойти ближе они, видно, не торопятся.

— Сейчас начнется, — пробормотал профессор. — Пойдемте на мостик к Сахе.

— Снежинка почуяла их, — прошептал Кейс.

Сомнений не было. Косатка ринулась прямо на дельфинов, как быстроходный катер, вспенивая длинный след. Она разогнала их к одному толстому дельфину, их разделяло уже не больше десяти метров... Вдруг Снежинка взлетела в воздух и звонко плюхнулась в воду, да так и осталась лежать неподвижно, мотая головой, совершенно как человек.

Продолжение. Смотри «Костер» №№ 6—8, 1966 г.

— Два вольт, центральный участок наказаний, — сообщил доктор Саха, снимая палец с кнопки. — Интересно, попробует ли она еще раз.

Дельфины, удивленные результатами опыта, снова собрались в стаю, но держались на расстоянии нескольких сот метров от опасного места. Они неподвижно лежали в воде, зорко следя за своим исконным врагом.

Снежинка не вдруг опомнилась от полученной встряски. Она медленно поплыла в сторону от дельфинов. Наблюдатели не сразу разобрались в ее тактике. Косатка описывала большие круги, в центре которых находились все еще неподвижные дельфины. Лишь внимательный взгляд мог уловить, что это не окружность, а постепенно сужающаяся спираль.

— Собирается надуть нас, не так ли? — с восхищением сказал профессор Казан. — Подплывает, делая вид, что не заинтересована, а потом ринется на них.

Если дельфины все еще оставались на месте, это только доказывало их безграничное доверие к людям и поразительную быстроту, с которой они усваивали новые истины.

Напряжение росло по мере того как Снежинка приближалась по спирали к центру, подобно головке с мембраной на старинных граммофонах.

Косатка может ускорить движение с невероятной быстротой. Но доктор Саха был готов ко всему и держал палец над кнопкой. Шансов на успех у Снежинки не оставалось.

Оправившись от второго шока, Снежинка повернула спиной к дельфинам и поплыла прочь. Палец доктора Саха опять ткнулся в приборную доску.

— Эй, что вы делаете? — спросил шкипер «Летучей рыбы». Как и его племянник Мик, он не желал, чтобы зря обижали Снежинку. — Она же вас послушалась!

— Я не наказываю, а вознаграждаю, — объяснил доктор Саха. — Я нажимаю на эту кнопку и посылаю ток напряжением в несколько вольт в те центры мозга, которые ведают наслаждением.

— Думаю, на сегодня хватит, — сказал профессор Казан. — Пошлите ее назад в бассейн — она заслужила хорошее угощение.

Через три дня стало уже ясно, что Снежинка усвоила урок. Наказывать больше не приходилось, достаточно было награды — нескольких мгновений электрического блаженства. Дельфины преодолели свой страх не менее быстро, и к концу недели они и Снежинка совсем освоились друг с другом, дружно охотились вокруг рифа, иногда устраивая совместную облаву на стаю рыб, иногда действуя порознь. Молодые дельфины затевали вокруг Снежинки свои резвые игры, но если им и случалось толкнуть ее, косатка не проявляла раздражения.

На седьмой день косатку больше не отправили назад в бассейн после ее утренней прогулки с дельфинами.

— Мы сделали все, что могли, — сказал профессор. — Теперь я ее выпущу.

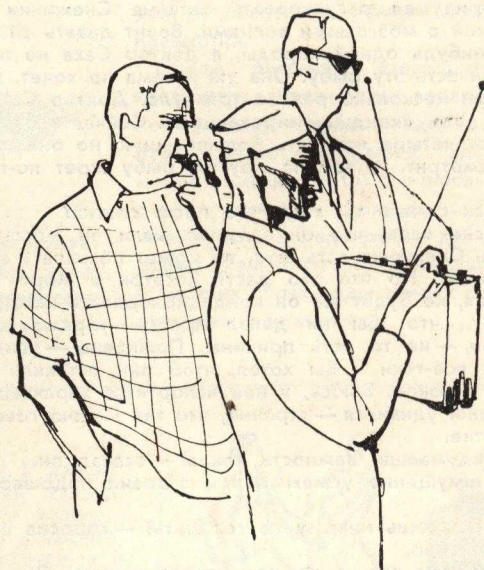
— А это не рискованно? — возразил доктор Кейс.

— Но рано или поздно нам все равно придется пойти на риск; если мы не вернем ее в естественное состояние, мы никогда не узнаем, долго ли сохранится эффект кондиционирования.

— А если она устроит себе закуску из парочки дельфинов? Что тогда?

— Другие сейчас же сообщат нам. Мы выйдем в море и поймем ее. Это несложно, коробка с радиоприбором останется на ее голове.

— Даже если вы обратили Снежинку, так сказать, в вегетарианство, как быть с остальными миллионами этих тварей? — спросил Стефен Науру и, не выпустив штурвала «Летучей рыбы», оглянулся через плечо.

— Мы должны набраться терпения, Стив, — ответил профессор. — Пока что я только собираю информацию. Но в одном я уверен — весь болтливый дельфиний мир уже знает об эксперименте и поймет — мы делаем для них все, что можем. У наших рыбаков теперь выгодная позиция, чтобы договориться с дельфинами.

— Гм-м, я об этом не подумал.

— Во всяком случае, если эксперимент со Снежинкой удастся, мы сможем, пожалуй, ограничиться кондиционированием нескольких косаток в каждом районе, а уж те растолкуют другим, что за всякого съеденного дельфина расплачиваются сильнейшей головной болью.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Пока профессор Казан ставил опыты и мечтал, над Тихим океаном нависли силы, равнодушные к надеждам и страхам и людей, и дельфинов. Мик и Джонни одни из первых узрели их могущество. Это было на рифе в безлунную ночь.

Мик и Джонни задержались на рифе дольше, чем собирались. Когда же они решили наконец отправиться домой, погода внезапно изменилась. Еще недавно в ночи раздавалось только бормотание волн, лениво плескавшихся о риф. И вдруг задул порывистый ветер, голос моря стал сердитым.

Джонни первым заметил перемены, вынырнув на поверхность. За рифом по волнам медленно двигалось пятно слабого света.

— Мик, — встревоженно прошептал Джонни, — что это такое, там, в море?

Мик не ответил. Слегка присвистнув от удивления, он приблизился к Джонни. Туман собирался в облако с острыми краями, и это облако становилось все ярче и тянулось все выше по небосклону. Несколько минут спустя по морю шествовал огненный столб.

Вдруг Мик нервно засмеялся.

— Я знаю, что это, — сказал он. — Смерч. Я видал такое и раньше, только не ночью.

Но чудо оставалось чудом.

Крутящийся столб воды засасывал и взметал к небу мириады светящихся обитателей моря. Смерч, очевидно, находился далеко, за много миль от них, и вскоре исчез, ушел в сторону материка.

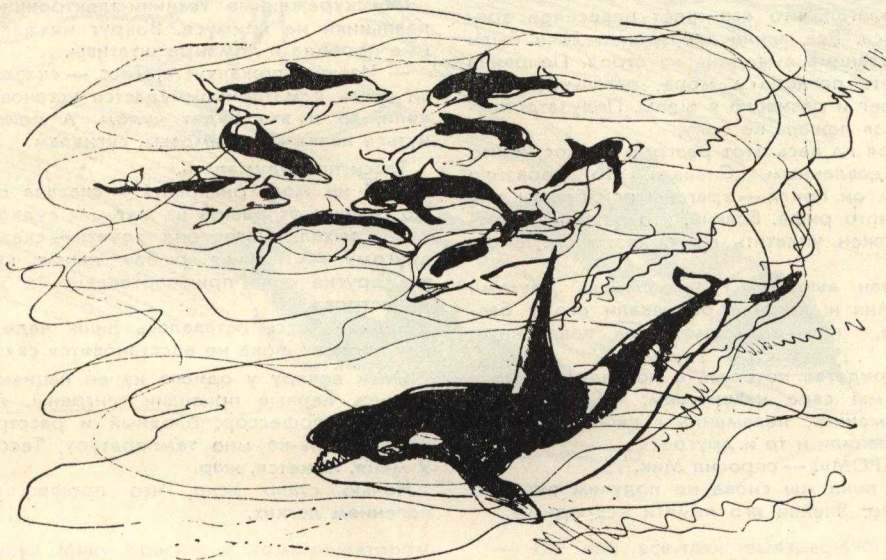
Между тем начался прилив. Когда мальчики опомнились, воды уже было по колено.

— Пошли, а не то придется добираться вплавь, — сказал Мик. — Не нравится мне эта штука, — добавил он задумчиво, — ставлю десять против одного, что у нас скоро здорово задует.

Уже на следующее утро стало ясно, что Мик прав,

— А я как раз собирался идти за тобой, — сказал Мик, когда Джонни с облегчением затворил за собой дверь. И это были последние слова, которые расслышал Джонни.

Дом содрогнулся до основания. Затем раздался невероятный шум, — на крышу низвергся такой потоп, какого Джонни и представить себе не мог. Слово «дождь» ни в какой мере не передавало того, что творилось; человек, оказавшийся снаружи, тут же утонул бы в потоках воды, если бы они не раздавили его. Однако все семейство Мика сохраняло полное спокойствие. Младшие собрались вокруг телевизора и следили за передачей, хотя ничего не было слышно. Миссис Науру безмятежно вязала; это очень редкое

стоило только взглянуть на телевизионный экран. Даже для тех, кто ничего не понимал в метеорологии, изображение на экране было устрашающим. Огромный клуб туч, диаметром в тысячи миль, охватил всю западную часть Тихого океана. Ветры неслись со скоростью двухсот пятидесяти километров в час.

На Остров Дельфинов уже не раз обрушивались бури, и люди не впадали в панику. Весь день Джонни работал наравне с другими. Надо было надежно укрепить или укрыть все, что мог нести ураган. Окна зашивали досками, лодки вытаскивали на берег, как можно дальше. «Летучую рыбу» взяли на четыре тяжелых якоря, да еще на всякий случай привязали толстым корабельным канатом к стволам панданусов. Впрочем, рыбаки не слишком беспокоились за свои лодки, так как гавань находилась на защищенной стороне острова. Лес ослабит силу бури.

А пока жарило нестерпимо — ни дуновения ветерка. Небо было чистым, безоблачным, но буря выслала вперед своих гонцов. Весь день огромные волны бились о риф так, что остров содрогался от ударов.

Стемнело, небо оставалось ясным, и звезды казались небывало яркими. Джонни стоял у бетонно-алюминиевого бунгало семьи Науру и вдруг услышал звук, покрывший даже грохот волн. Никогда раньше он не слышал ничего подобного. Казалось, будто застонало от боли какое-то гигантское животное. Джонни почувствовал, что кровь стынет у него в жилах.

Потом на востоке он увидел нечто такое, отчего у него совсем подкосились ноги. Сплошная стена мрака поднималась к небу все выше и выше.

искусство, и Джонни не сводил с нее глаз, он еще никогда не видел, чтоб кто-нибудь вязал. Но он был слишком взволнован, чтобы постигнуть сложные движения спиц и волшебное превращение шерсти в носок или свитер.

Вой ветра и оглушительный бесконечный рев моря покрывали все другие звуки. Единственной реальностью оставалась только эта комната и находившиеся в ней люди. Казалось, что на свете существуют только они, и на них обрушил ураган всю свою ярость.

Джонни никогда не думал, что буря на суше может быть так страшна. Ведь это всего лишь ветер и дождь! Однако дьявольская злоба, бесновавшаяся вокруг, превосходила все, что было доступно его опыту и воображению. Если бы ему сказали, что ураган сейчас опрокинет весь остров в море — он поверил бы этому.

И тут, покрывая рев бури, послышался ужасающий треск. Тотчас погас свет. Это мгновение мрака в разгар бури было одним из самых страшных в жизни Джонни. К счастью, темнота длилась только несколько секунд. Мистер Науру был наготове: он держал под рукой электрический фонарь, и когда его луч рассеял мрак, Джонни увидел, что в комнате все осталось прежним. Ему стало стыдно.

Жизнь продолжалась. Раз нельзя смотреть телевизор, младшие достали игрушки и книжки с картинками, миссис Науру продолжала спокойно вязать, а муж ее взялся за толстый том и углубился в отчет о состоянии рыболовства в Австралии, со множеством таблиц и карт. Мик расставил на доске фигуры. Джонни не

хотелось сражаться, но он понимал, что это единственный разумный выход.

Ночь тянулась долго.

Около полуночи миссис Науру поднялась, скрылась в кухне и вернулась с кувшином горячего кофе, полдюжиной оловянных кружек и блюдом пирожков. Джонни подумал, что, пожалуй, он ест в последний раз, и все-таки пирожки ему понравились. Потом он опять уселся за шахматы и проигрывал партию за партией.

Только к четырем утра шторм стал постепенно утихать. Ярость его угасала. В пять утра дом еще сотрясся под ударами ветра, но сила их была уже не та, что раньше. А когда над островом взошло солнце, можно было осмелиться выйти из дому.

Джонни предполагал, что его ждет невеселое зрелище, и не ошибся. Все линии электропередачи были порваны, электростанция выведена из строя. Половина рыболовного флота погибла в море, остальные суда выбросило на берег и разнесло в щепы. Полузатопленная «Летучая рыба» лежала на боку.

Однако несмотря на весь этот разгром и хаос, никто не выглядел подавленным. Сначала это поразило Джонни, но потом он понял — ураганы неизбежны для Большого барьерного рифа. Всякий, кто решился обосноваться там, должен уплатить цену, назначенную самой природой.

Профессор Казан выразил ту же мысль другими словами, когда Мик и Джонни разыскали его у бассейна дельфинов, где он осматривал поваленную изгородь.

— Возможно, придется потерять с полгода, — сказал профессор, — но мы свое наверстаем. Оборудование всегда можно заменить, незаменимы лишь люди, их знания. А мы сохранили и то и другое.

— Что с «ОСКАРОМ»? — спросил Мик.

— Будет спать, пока мы снова не получим энергию и не разбудим его. Ячейки его памяти невредимы.

«Значит, какое-то время уроков не будет, — подумал Джонни. — Даже и этот злой ветер все-таки принес кое-что хорошее...»

«Хорошее!» Ураган нанес такой урон, какой пока еще никто не мог оценить — никто, кроме сестры Тесси. Она в полном отчаянии осматривала размокшие остатки медикаментов.

С простыми порезами, ушибами и даже переломами она кое-как еще справлялась. Но все более серьезное находилось за пределами ее возможностей. Не осталось ни одной ампулы пенициллина. Она быстро составила список лекарств, которые могут понадобиться в ближайшие дни, и побежала на узел связи. Там ее ждал второй удар.

Обескураженные техники-электронщики калили свои паяльники на примусе. Вокруг них валялись перепутанные провода и ломаные штативы.

— Извини, пожалуйста, Тесс, — сказали они, — но если связь с материком удастся установить к концу недели, то и это будет чудом. А пока придется вернуться назад — к дымовым сигналам.

Тесси призадумалась.

— Я не могу рисковать, — сказала она. — Необходимо, значит, отправить на материк судно.

— Слыхал, чего она хочет? — сказал один техник другому. — «Летучая рыба» лежит кверху килем, а все другие суда пришвартовались к деревьям посреди острова.

Бедной Тесси оставалось лишь надеяться, что никто не заболел, пока не восстановится связь.

Но к вечеру у одного из ее пациентов на ноге появились первые признаки гангрены. А вскоре к ней пришел профессор, бледный и расстроенный.

— Измерь-ка мне температуру, Тесси, — сказал он. — У меня, кажется, жар.

Ночью стало ясно, что профессор заболел воспалением легких.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Весть о том, что профессор Казан серьезно болен и лечить его нечем, вызвала больше тревоги, чем все убытки, причиненные ураганом. Тяжелее всех переживал известие Джонни.

Ведь остров незаметно стал для него родным домом, которого он никогда не знал, а профессор заменил отца, которого он почти не помнил.

Подумать только: нельзя послать радиogramму через какие-нибудь сто миль морского пространства — и это в век, когда спутники и планеты переговаривались между собой!

Всего сотня миль. А ведь он сам, прежде чем попасть на остров, проплыл куда больше...

Вспомнив об этом, Джонни вдруг понял — совершенно отчетливо, без сомнений и колебаний, — что именно он должен делать. Дельфины доставили его к острову, пускай теперь проплывут с ним обратно до материка. Сузи и Спутник могут поочередно вести акваплан и преодолеют сто миль часов за двадцать.

А вдруг все, что он придумал, дурацкий убийственный бред? Посоветоваться можно только с Миком, он единственный, кто поймет. Любой другой только задержит его, если узнает о таком плане.

Мик отнесся к замыслу именно так, как и ждал Джонни: совершенно серьезно.

— Уверен, что доплывешь, — сказал он. — Но нельзя плыть одному.

Джонни покачал головой.

— Я уже думал, — ответил он. Действительно, Джонни обдумал это и первый раз в жизни порадовался тому, что так мал ростом. — Помнишь наши гонки? Много ли тебе удалось выиграть? Ты слишком большой, тяжелый и только задержишь нас...

Это была правда. Даже Сузи не под силу тащить Мика с такой же скоростью, какую развивал Спутник с Джонни на буксире.

— Джонни, а как ты узнаешь, где сейчас Сузи и Спутник? Как найдешь их?

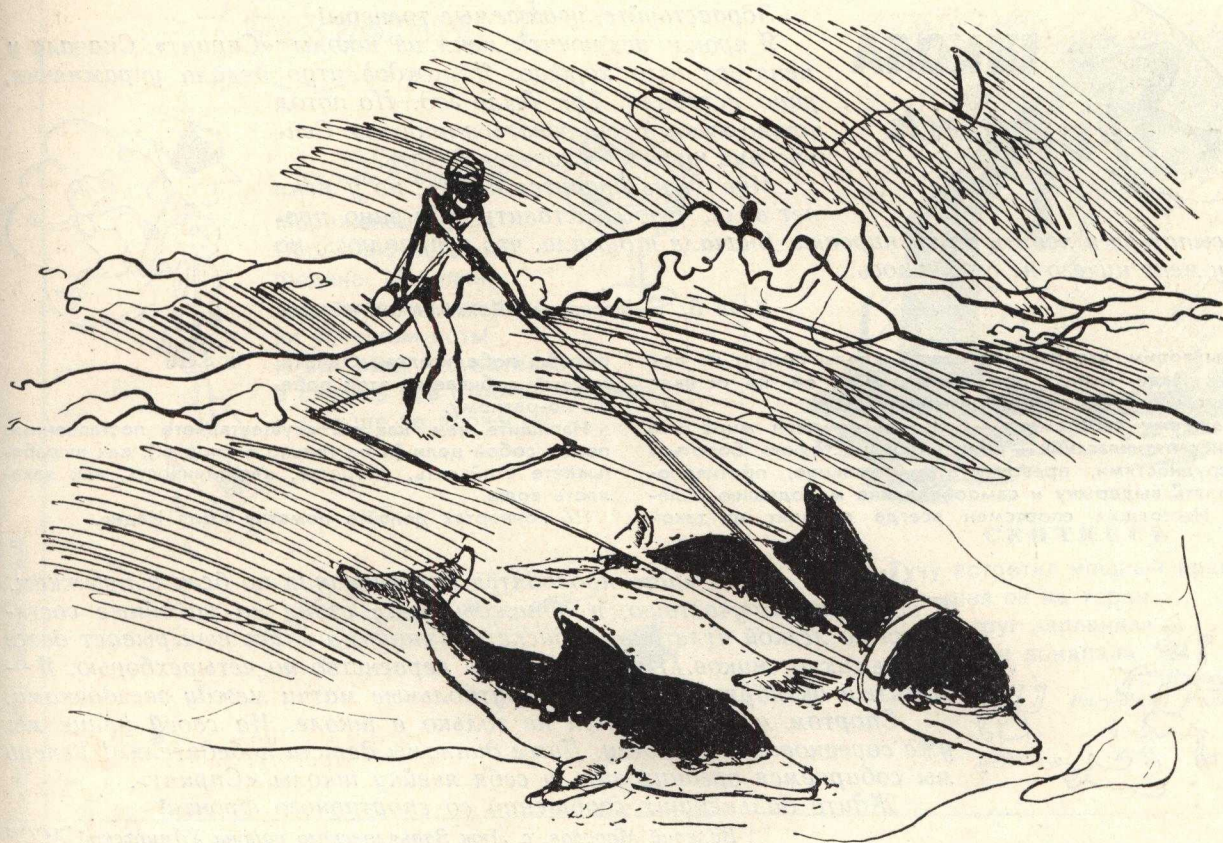
— Сегодня утром они подплывали к пристани, верно, искали нас. Они откликнутся, стоит только нажать клавишу с сигналом «НА ПОМОЩЬ!»

Мик начал по-деловому загибать пальцы.

— Нужна фляга с водой, немного консервов, компас, подводное снаряжение — больше ничего не приходит на ум. Ах, да, еще фонарик! Ты не успеешь за день...

— Я собирался отплыть в полночь. Тогда в первую половину пути мне будет светить луна, а берега я достигну днем.

Как все островитяне, мальчики участвовали в аварийном аврале, поэтому они смогли закончить свои приготовления только поздно вечером. Никто не видел, как они отнесли акваплан в гавань и спустили на воду среди перевернутых и разбитых судов. К акваплану были привязаны снаряжение и упряжь. Оставалось только вызвать дельфинов.

Джонни протянул Миксу браслет с коммуникатором. — Попробуй-ка вызвать их, — сказал он. — А я сбегаю в больницу, узнаю, что и как.

Мик взял браслет и зашел в воду поглубже. На маленькой клавиатуре ярко светились буквы, но Мик не нуждался в надписях: он, как и Джонни, мог пользоваться прибором с завязанными глазами.

Мик погрузился в теплую влажную темноту и лег на коралловый песок. Он колебался. «Ведь можно не трогать клавишу, пусть коммуникатор молчит... А потом сказать, что дельфины не откликнулись... Все равно они вряд ли приплывут.

Нет, нет, я не обману друга, даже если дело идет о жизни. А вдруг Джонни прибежал в больницу и ему сказали, что профессор вне опасности?..»

И страшись, что ему придется жалеть о своем поступке всю жизнь, Мик все-таки нажал клавишу «НА ПОМОЩЬ!». Во мраке раздалось слабое гудение. Мик выждал пятнадцать секунд, потом опять нажал клавишу.

Джонни, тихо постучав, вошел в дежурку, и сестра Тесси тотчас же придала своему лицу профессионально бодрый вид.

— Он очень болен, — сказала она шепотом. — Будь у меня лекарства, я поставила бы его на ноги за несколько часов. Но сейчас... — Она пожала плечами. — У меня не только профессор... двум другим срочно нужна противостолбнячная сыворотка...

— Но они все-таки выкарабкаются, если нам не придут на помощь? Как вы думаете? — прошептал Джонни.

Сестра Тесси промолчала, и молчание ее было красноречивее любых слов. Тесси слишком устала и даже не заметила, что Джонни, вместо «Спокойной ночи», брякнул «Прощайте!»

Джонни вернулся на пляж. Сузи была уже запряжена, а Спутник терпеливо ждал рядом с нею.

— Они были здесь уже через пять минут, — сказал Мик. — Я даже испугался, когда они вынырнули из темноты, — никак не думал, что приплывут так быстро.

Джонни погладил мокрые блестящие тела, и дельфины нежно потерлись о него.

Фляга с водой, компас, фонарь, герметический контейнер с пищей, ласты, маска, дыхательный аппарат. Джонни все осмотрел и проверил.

— Спасибо, Мик. Я скоро вернусь.

— Мне хотелось бы отправиться с тобой, — хрипло ответил Мик.

— Не бойся, все будет хорошо, — сказал Джонни бодро, хотя прежняя уверенность начала его покидать. — Спутник и Сузи обо мне позаботятся, не так ли?

О чем тут еще говорить! Джонни взобрался на акваплан, крикнул: «Пошли!» и помахал печальному Миксу. Сузи рванула акваплан вперед.

Окончание следует

сыпаться и ходить на тренировки. Вначале я думала, что исправлюсь, но у меня ничего не получилось...

Надя В., г. Правдинск Калининской области

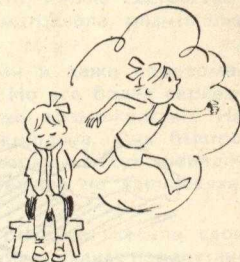
Мы верим, что ученики нашей школы придут на помощь Наде, найдут, что посоветовать ей, не оставят своего товарища в трудную минуту.

Каждому спортсмену — будь он чемпион мира или пионер-пятиклассник — приходится постоянно бороться с трудностями, преодолевать утомление, противопоставлять выдержку и самообладание малодушию и лени. Настоящий спортсмен всегда выходит из такой

борьбы победителем. Однако каждый добывается этой победы по-разному.

Напишите нам, как вы осуществляете поставленные перед собой цели (и не только в спорте!), как вырабатываете стойкость, упорство, настойчивость, как закаляете волю.

На конвертах делайте пометку «Для Нади».

У нас в школе часто проводятся соревнования по бегу и прыжкам. Я всегда в них участвую, а однажды даже ездил на районные состязания по легкой атлетике. В баскетбол наш 6-а класс выигрывает даже у восьмиклассников. Провели мы и первенство по четырехборью. Я — вожатый октябрят: сужу у них футбольные матчи между звездочками.

Спортом мы занимаемся не только в школе. На своей улице мы уже соревновались по бегу. Даже дипломы давали победителям! Теперь мы собираемся организовать у себя ячейку школы «Спринт».

Ждите дальнейших сообщений со спортивного фронта!

Валерий Морозов, с. Люк Завьяловского района Удмуртской АССР

Получила ваше письмо. Тренировки продолжаю. По утрам бегаю кроссы. Правда, иногда собаки приставиваются, но ничего. Кроме того, решила развивать силу рук — ношу теперь воду без коромысла и делаю различные упражнения. Жаль, гантели негде купить...

Плохо у нас с залом. Мал слишком. Строят сейчас новую двухэтажную школу, со спортивным залом. Вот тогда будет где заниматься! Чуть даже завидую: мне ведь не придется в нем тренироваться... Ничего, лишь бы тяга к спорту у ребят была. А из младших классов тренируются многие. Я сейчас со своей младшей сестренкой тоже занимаюсь. Она от меня не отстает: куда я, туда и она.

Есть у меня еще мечта. Хочу, кроме бега, заниматься прыжками с парашютом, фехтованием и научиться приемам самбо. Подрасту и обязательно запишусь в эти кружки!

Нина Сычева, с. Дзержинск Андреевского района Алма-Атинской области

А кто из вас привлекает малышей к занятиям спортом? Кто объясняет своим младшим братьям и сестрам, ребятишкам со своего двора или улицы, как

делать зарядку, как начать тренировки? Кто проводит соревнования по бегу среди октябрят? Ждем ваших писем!

Догоним чемпионов!

Могут ли юные спринтеры, ученики нашей школы, бегать со скоростью олимпийских чемпионов?

Оказывается, да!

Не так, конечно, быстро, как чемпион XVIII игр Роберт Хейес, но зато не хуже, чем победитель 1 Олимпиады на стометровке американец Томас Бэрк. Он поднялся в Афинах на высшую ступеньку пьедестала почета, выиграв финальный забег со временем 12 секунд.

Такой результат, без сомнения, вполне под силу ребятам 15—16 лет после двухгодичной регулярной тренировки.

СТИШОК БЕЗ КОНЦА

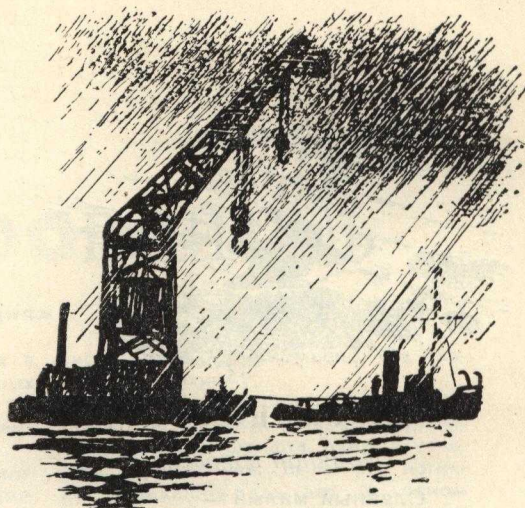
Н. Слепакова
Рисунок Г. Ковенчука

Мороженое таяло —
Сережино и Танино,
Федино, Маринино,
кофейное, малинное, —
не успевали есть!
И вот ведь что затеяло —
в стишке все строчки склеило,
и дальше не прочесть!

П-дрожжи — твоими с
ы трясутся все...
даван, ... твои же смеются...
рнм, а напро-т же смеются.

8

Уголёк № 9

СЕНТЯБРЬ

Тучу встретил мощный кран
И пошел он на таран.
Туча вдруг заплакала —
Дождиком закапала.

С. Скаченков
Рисунок И. Ризнича

1

СОРВАНЦЫ

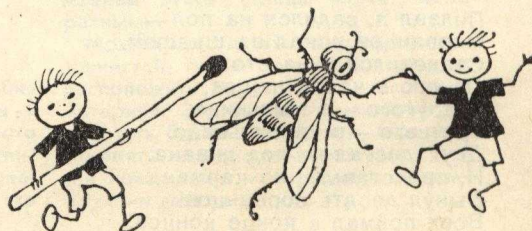
Я вчера зашел в один
Продуктовый магазин.
Я спросил у продавцов
Двести граммов леденцов.
Продавцы переглянулись.
Продавцы перемигнулись.
Самый Старший подает
Голубой пакетик: „Вот!“
Дома я раскрыв пакетик,
А в пакете вместо этих —
Двести граммов этих самых!..
Нет не этих, что в бумажках,
А совсем других — в рубашках...
Не конфет, не леденцов.
Двести граммов сорванцов!

4

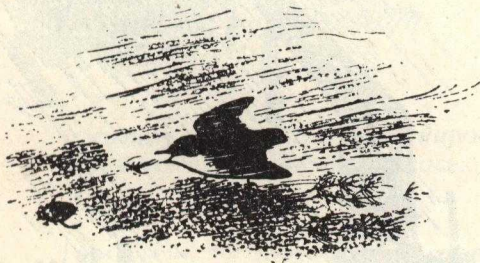
Человечки засмеялись,
Из пакета разбежались.
По столу пустились в пляс.
Бьют часы ТРИНАДЦАТЬ раз!
Сорванцы висят на стрелке.
Что за глупые проделки?

Скачут, с мухами дерутся.
На окне стояло блюдо.
Сорванцы там оказались.
Все за блюдо дружно взялись...
Разлетелись черепки!
Прочь бегут озорники.

А другие невелички
Унесли из кухни спички,
Утащили под кровать,
Стали спички зажигать.

5

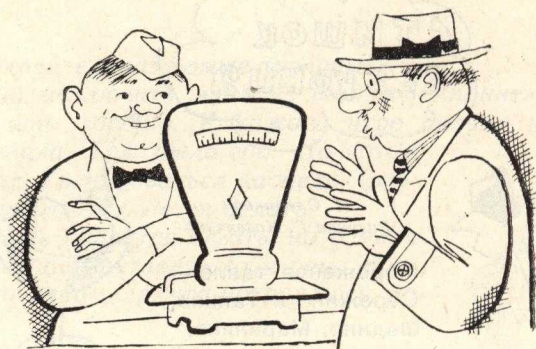

ОЛЯНКА

(ВОДЯНОЙ ВОРОБЕЙ)

Славный малый —
Водяной воробей,
Он, пожалуй,
И орла похрабрей!
Где уж только не искал
Он еды —
Не боится он ни скал,
Ни воды.

2

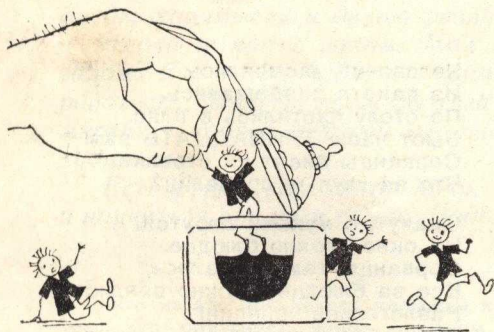

Несмотря на писк и крики,
Посадил в пакет опять
И шпагатом узловатым
Не забыл перевязать.

Я пришел затем в один
Продуктовый магазин
И заметил продавцу:
— Так шутить вам не к лицу.
Заберите сорванцов
И, пожалуйста, мне взвесьте
Двести граммов леденцов.

Г. Сапгир
Рисунки Б. Семенова

7

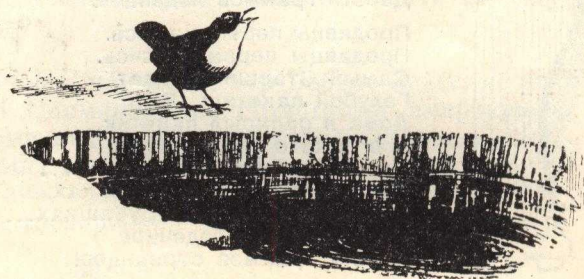
— Эй, с огнем играть опасно!
Лампа в комнате погасла.
— Вот сейчас поймаю всех!
А в ответ — и писк и смех.

Ползал я, садился на пол —
Сорванцов искал за шкафом.
Становился я на стол.
Одного в часах нашел,
А другого — в мыльнице,
Третьего — в чернильнице.
Двух достал из-под дивана.
И, представьте, из кармана
Вынул десять сорванцов!
Всех поймал в конце концов.

6

Пусть гремит водоворот,
Водопад,
Никогда не повернет
Он назад!
Не пугается,
Хоть сам — с ноготок.
А кидается
В бурлящий поток.
И в свирепейшую व्यюгу
Под лед
Эта храбрая пичуга
Нырнет.
Он спокоен
Под водой ледяной.
Вот какой он —
Воробей водяной!

Е. Серова
Рисунки И. Ризнича

ТЫ-ХУДОЖНИК - ОФОРМИТЕЛЬ

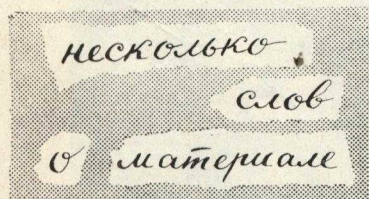
Игорь Иг., Корнелия Хоцацкая

Вы делаете стенгазету. Оформляете стенд. Устраиваете выставку репродукций. И все время думаете: как сделать, чтобы было красиво?

Спорят об этом в каждой школе, в каждом классе! Спорят в процессе работы и уже тогда, когда все готово, когда надо дать оценку сделанному! Сколько различных мнений!

Иногда бывает: оформляют ребята какой-нибудь стенд, стараются сделать как можно лучше, тратят много времени, усилий, а получается не совсем удачно. В чем причина?

Художественное оформление — это искусство. Оно имеет свои законы, свои приемы работы. В одной статье обо всем этом рассказать, конечно, невозможно. Поэтому давайте поговорим только о том, что непосредственно относится к вашей оформительской работе в школе.

Будем говорить только о тех материалах, которые вы, ребята, очень редко используете в своей оформительской практике, хотя они и дают очень хороший художественный эффект.

КРАСКИ. Мы рекомендуем пользоваться поливинилацетатной темперой. Это очень хорошая краска, ею пользуются все художники-оформители. Она дает возможность составления разнообразных оттенков. После второго покрытия вы получите ровную матовую поверхность, которую можно даже мыть.

Краска разводится водой до густоты жидкой сметаны. Разведенная краска быстро сохнет. Если вы хотите сохранить ее до следующего раза, залейте разведенную краску слоем воды, а перед очередным употреблением воду осторожно слейте.

Наборы этих красок продаются в любом магазине художественных принадлежностей. Не спутайте их только с казеиновомасляной темперой.

ПЛАКАТНЫЕ ПЕРЬЯ, которые продаются в магазинах, требуют дополнительной обработки. Многие этого не знают и, как ни стараются, не могут получить хорошую ровную линию.

Обработка пера: сожмите носик пера так, чтобы получить острый перегиб. Затем на бруске или мелкой наждачной бумаге подточите перо по трем граням (рис. на 3-й стр. обложки). Теперь этим пером можно работать.

НАБОРЫ ШРИФТОВ. Очень часто удачно подобранная экспозиция проигрывает из-за плохо написанного заголовка. Работа над шрифтом требует специальных навыков и очень трудоемка. Готовые наборы шрифтов позволяют вам делать заголовки на профессиональном уровне и экономить много времени.

ДРЕВЕСНО-ВОЛОКНИСТАЯ ПЛИТА. В магазине строительных материалов необходимо купить несколько листов древесно-волокнутой плиты. Это очень эффектный недорогой материал. Он пригодится во многих случаях, вы в этом сами убедитесь. Изготовленные из древесно-волокнутой плиты стенды красивые, не высыхают, не требуют никакого обрамления.

СЕРЫЙ ХОЛСТ. Незаменимый фон для экспозиции материала, однородного по тематике. Например, выставка малоформатных репродукций, фото-стенды и так далее.

Оформление СТЕНДОВ

Самая распространенная ошибка при оформлении классных стендов — отсутствие общего оформительского замысла. Классная стенгазета, распisanie уроков, показатели соревнования, календари природы — все это

висит рядом, а оформлено, как правило, по-разному.

Смотришь, и перед глазами сочетание разновеликих прямоугольников, разной шрифты, цвета и качества оформления. Было бы логично объединить все это на одном стенде. Изготовьте стенд из древесно-волокнутой плиты. Проведите горизонтальные полосы (синий кобальт с небольшим добавлением белил). На таком стенде можно разместить любой материал (верхний рисунок на 3-й стр. обложки). Необходимо соблюдать только одно условие, чтобы высота форматок была одинаковой. Древесно-волокнустая плита хороша тем, что к ней можно крепить обыкновенными булавками. Булавки нужно только укоротить кусачками.

На втором сверху рисунке показан другой вариант классного стенда. Информационный материал размещен, казалось бы, на отдельных досках, но одинаковая высота щитов и горизонтальные рейки объединяют всю экспозицию в единое целое. Кроме того, из этого примера вы видите, что традиционное расположение заголовка над текстом в виде «шапки» не обязательно.

На третьем сверху рисунке показан стенд, по своему замыслу напоминающий первый вариант. От первого варианта он отличается большей цветовой выразительностью. Экспозиция объединяется контрастной черной полосой (черный лак), на которой располагаются заголовки.

Принцип оформления классного стенда можно использовать и для оформления школьных стендов. Стенгазеты пионерской дружины выпускаются, как правило, большого масштаба. Такая стенгазета займет, конечно, отдельный стенд, и оформление этого стенда может быть разным.

Можно изготовить из древесно-волокнутой плиты красивый стенд и расположить на нем весь текстовый материал. Это поможет редколлегии работать более оперативно, позволит заменять отдельные устаревшие статьи новыми, не меняя целиком композицию газеты.

Как мы уже говорили, заголовки лучше набирать из готовых шрифтов. Приклеить буквы можно при помощи столярного клея, клея БФ или фотоклея. Заголовок можно покрасить или оставить белым. Возможные цветовые сочетания шрифта со стендом:

На любом ярком фоне красиво выглядит белый шрифт.

На любом светлом фоне — черный шрифт.

На синем фоне — золотистый.

На сером — желтый.

На фоне древесно-волокнистой плиты — синий, ярко-голубой шрифт.

Заголовки можно выделять, не только окрашивая буквы в какой-нибудь яркий цвет. Склеивая три-четыре буквы из наборного шрифта, вы получите объемный шрифт. Этот

шрифт позволит вам сделать эффектный рельефный заголовок.

Необходимо помнить, что величина заголовка всегда зависит от важности и значимости материала. Рецепты на все случаи дать очень трудно. Но вот что хочется вам посоветовать: не злоупотребляйте белым шрифтом. Громоздкий заголовок, расположенный над текстом, придавливает текст! Как часто эта ошибка портит удачно оформленную в целом композицию!

Очень хорошо, когда в школьных коридорах, залах висят репродукции картин известных художников. Во многих школах создаются школьные «Третьяковские галереи».

Часто можно видеть репродукции, висящие в рамках. Рамы из дерева,

из папье-маше... А задумывался ли кто-нибудь из вас, зачем репродукции рама? Для чего вставляется в раму картина? Прежде всего для того, чтобы закрыть края подрамника, к которым крепится холст. Репродукция в подобной маскировке не нуждается.

Большие репродукции лучше всего наклеивать на древесно-волокнистую плиту, размеры которой совпадают с размерами репродукции. Репродукции маленьких форматов монтируйте на отдельном стенде (см. нижний рисунок). Обтяните стенд серым холстом, заголовок наберите из наборного шрифта.

К стенду крепятся рейки, в пазы которых вставляются репродукции. Такая конструкция стенда позволяет производить частичную замену экспозиции.

Те советы, которые мы вам дали, — это только начало, только «азы», которые вам необходимо знать. Работа над оформлением стендов, экспозиций дает большое поле для творчества, для проявления инициативы.

Изобретайте! Старайтесь найти собственные интересные решения! Но помните: первый закон красоты — ЛАКОНИЧНОСТЬ! ОТСУТСТВИЕ ВСЕГО ЛИШНЕГО!

На третьей странице обложки эскизы оформления К. Хозацкой

ПАРТИЯ С РОБОТОМ

(решение шахматной задачи из «Костра» № 6)

Робот выиграл так: 1. Кр.: e1 Фa1 2. h3! (Пешка не должна спешить! Только тогда конь, в которого она превратится, нападет на ладью b3 нечетным ходом). 2... Фa2 3. h4 Фa1 4. h5 Фa2 5. h6 Фa1 6. h7 Фa2 7. h8—К Фa1 8. Кg6 Фa2 9. Ке5 Фa1 10. Кd7 Фa2 11. К: c5 Фa1 12. Кb7 Фa2 13. Ка5 Фa1 14. К: c4 Фa2 15. Ка5 Фa1 16. К: b3X.

Первыми правильно решили задачу: Саша Карлуков и Валерий Крупнов (Гродно), Миша Сухов (Ромоданово), Толя Иванов (Скрунда), Коля Мицкевич (Козловка), Женя Ваулин (Колобовка), Леня Левченко (Харьцызск), Сережа Петров (Красноармейск), Толя Андреев (Даниловка), Сережа Репкин (Москва), Оля Кокнер (Макеевка), Роза и Арик Ахмедшины (Усть-Каменогорск), Валя Петушков (Ивановское), Боря Мильман (?), Вова Усачев (Выборг), Саша Кулаков (Трудармейка), Владик Кузнецов (Пенза), Витя Окнянский (Болград), Леня Моисеенко (Ново-Сиротино), Сережа Бирюков (Ейск), Фима Короткин (Свердловск), Саша Михайлов (Ивдель), Ляля Арасланова (Казань), Сережа Чернышев (Троицк), Светлана Клишо (Уфа), Юлий Нурок (Рига), Вова Лысенков (Люберцы).

„Стол загадок-66“ сообщает ответы на второй и третий выпуски

В террариуме разговаривали Крокодил, питон Каа, черепаха Тортила, Хамелеон, Змей-Горыныч и дракон с острова Комодо.

В комнату находок явились: Афина — за щитом и шлемом, Медный всадник — за конем и змеей, Золушка — за туфелькой, Диоген — за бочкой, Сикстинская Мадонна — за рамой и ангелочками, Колумб — за яйцом, Шерлок Холмс — за Баскервильской собакой, Наполеон — за треугольной шляпой и походным сюртуком (художник ошибся и нарисовал его неправильно), Чарли Чаплин — за котелком и тросточкой, Аладдин — за волшебной лампой.

Обложка М. Беломлинского

На второй странице обложки фото Л. Полякова

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Теребинская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор В. А. Маевская

Технический редактор
А. А. Двораковская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А 4-57-76.

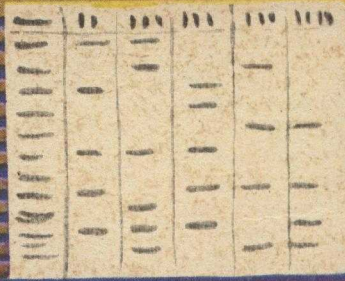
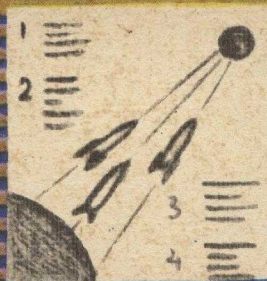
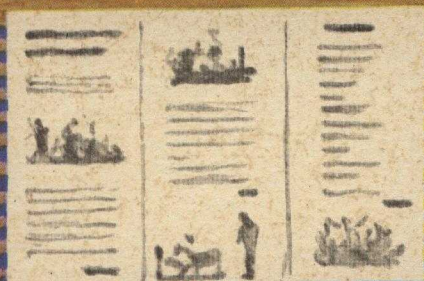
М-53703. Подписано к печати 16/VIII 1966 г. Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 8+1.
657 усл., 8,8 уч.-изд. л. Тираж 300 000 экз. Заказ 261. Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгения Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29. Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

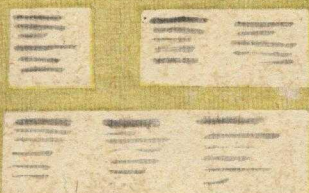
ПИОНЕР № 1

СОРЕВНОВАНИЕ ЗВЕНЬЕВ

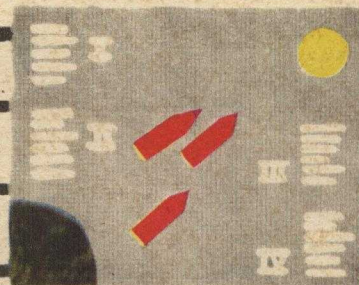
КАЛЕНДАРЬ ПРИРОДЫ

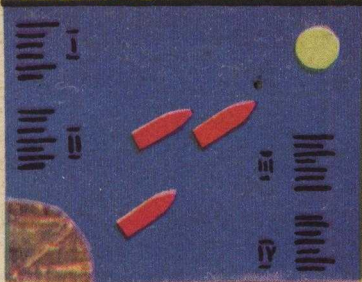
ОПРЕНОК № 1

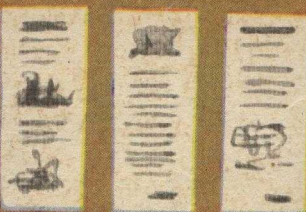
ИТОГИ НЕДЕЛИ

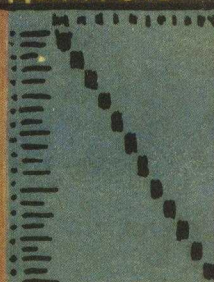
СОРЕВНОВАНИЕ ЗВЕНЬЕВ

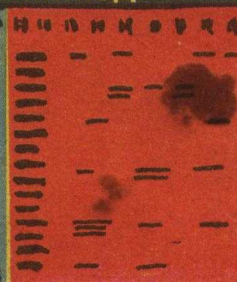
МОЛНИЯ

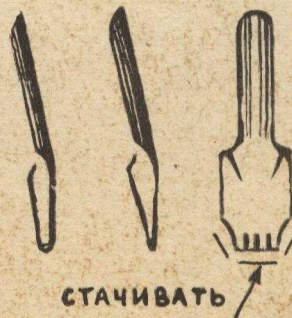
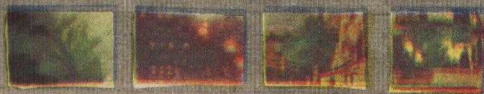
**РАСПИСАНИЕ
ДЕЖУРСТВ**

КАЛЕНДАРЬ ПРИРОДЫ

РУССКАЯ ЖИВОПИСЬ
XIX ВЕК

СТАЧИВАТЬ

КОРАБЛИК ДРУГА МОЕГО

Б. Высоковский

Рисунок И. Казаковой

Мальчишка говорит:

— Моря!

А это лужи, лужи...

Но пусть — моря.

Что спорить зря —

он капитан. К тому же
он сорок суток дрейфовал
на флагманском корвете,
он видывал девятый вал,
все острова пооткрывал,
все-все на белом свете!..

Гляжу на друга моего —
он в трусиках и майке.
Звезда на майке у него
из голубой бумаги.
Волшебный кортик у бедра,
нахимовской чеканки...

Гудок.

Отплытье.

В путь пора!

Пробили зорю

склянки.

Волшебный ветер

налетел,

он парусами

завладел,

загадочными, алыми,
великими и малыми.

Кораблик

по морю

идет.

Кораблик

по морю

плывет.

Плывет

под парусами

куда?

За чудесами.

